

**Московский педагогический
государственный университет**

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Выпуск 2

Москва
2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Учебное пособие

Выпуск 2

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Код и направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)

Профили «История и Обществознание», «История и Право»,
«История и Иностранный язык (английский)»

Квалификация (степень) выпускника: «Бакалавр»

МПГУ
Москва • 2017

УДК 93/94(075.8)

ББК 63.3я73

Т78

Рецензенты:

Д. В. Ковалёв, доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ

Р. Г. Гагкуев, доктор исторических наук, главный редактор издательства «Дрофа»

Авторский коллектив:

А. Б. Ананченко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики МПГУ; **Г. А. Артамонов**, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ; **Н. Н. Глухарев**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **А. А. Зданович**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **А. А. Карасева**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **В. В. Маландин**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России МПГУ; **Ю. А. Никифоров**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ; **В. П. Попов**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **В. Ж. Цветков**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **Д. О. Чураков**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ; **В. Л. Шаповалов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ; **А. И. Юрьев**, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ.

Трудные вопросы истории России : Учебное пособие. Выпуск 2 /
Т78 Под общей редакцией А. Б. Ананченко. – Москва : МПГУ, 2017. – 172 с.

ISBN 978-5-4263-0538-0

Второй выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории России» логически продолжает первое издание. Основное внимание коллектива авторов – преподавателей Института истории и политики МПГУ – сосредоточено вокруг следующих актуальных научных направлений отечественной истории: революции 1917 г. как исторического феномена России, современных споров историков о событиях Отечественной войны 1941–1945 гг., проблем геополитики и идеологии, вопросов теории и методологии истории, проблем современного образования. Расширение традиционных рамок пособия связано с тем, что в современном мире число «трудных вопросов» непрерывно растет, и авторы пособия стремились идти в ногу со временем.

Пособие соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Предназначено для учителей, студентов и школьников, углубленно изучающих историю.

УДК 93/94(075.8)

ББК 63.3я73

ISBN 978-5-4263-0538-0

© МПГУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Раздел 1. К 100-летию юбилею Великой российской революции 1917 г.	7
А. Б. Ананченко 100-летие Великой российской революции как наше историческое «зеркало».	7
А. И. Юрьев История созыва и разгона Учредительного собрания.	18
Д. О. Чураков Рабочий протест в СССР и Российской Федерации (1918–1999 гг.): причины, тенденции, уроки	36
Раздел 2. Великая Отечественная: споры историков.	56
А. А. Зданович Органы военной контрразведки СССР накануне войны. 1940–1941 гг.	56
Ю. А. Никифоров «Трудные вопросы» истории России: Великая Отечественная война	68
В. П. Попов Советская концепция Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	84
В. П. Попов От Сталина до Покрышкина	104
Раздел 3. Геополитика и идеология	112
В. Ж. Цветков Особенности организации идеологической работы в СССР в 1980-е годы.	112
В. Л. Шаповалов Национализм как орудие борьбы против России в контексте глобальных конфликтов XX–XXI вв.	130
Раздел 4. Теория и история	136
Г. А. Артамонов Познавательные границы и возможности исторической и археологической наук в исследовании проблемы происхождения славян	136
Н. Н. Глухарев Историческая память общества: особенности феномена и подходы к исследованиям	142
А. А. Карасева Новая социальная история в контексте современного социокультурного анализа.	157
Раздел 5. Проблемы современного образования	167
Г. А. Артамонов, В. В. Маландин Развитие аспирантуры как третьего уровня образования.	167

ОТ РЕДАКТОРА

Первый выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории России» вышел в 2016 г. и получил положительную оценку научно-педагогической общественности [2]. Прошедшее время показало, что число «трудных вопросов» в условиях быстро развивающегося мира постоянно растет, и потому неслучайно, что проблемы геополитики и международных отношений выходят сегодня на первое место. Для нас важно донести свое профессиональное понимание исторического знания до современной образовательной среды, показать, что многие проблемы современности имеют «длинную историю» и свои исторические корни. Другими словами, авторы пособия исходят из единства исторического процесса российской истории в контексте мировой, и это одна из причин того, что хронологические рамки пособия расширены.

Нерешенность многих «трудных вопросов» в прошлом, их неполное, неточное или искаженное, далекое от действительности отражение в исторических сочинениях, а иногда и заведомая фальсификация прошлого, то есть вся сумма объективных и субъективных факторов, влияющих на постижение истины, – все это заставляет историков вновь и вновь обращаться к темам, которые, казалось бы, уже были разрешены наукой. Это лишь доказывает, что знание не дается в готовом виде; от студента требуются немалые усилия, чтобы овладеть им.

Можно с достаточным основанием утверждать, что каждое новое поколение по-своему переосмысливает роль Великой российской революции 1917 г. в отечественной и мировой истории. В чем заключается историческая случайность, а в чем историческая закономерность этого глобального события? Если рассматривать революцию как движение к созданию общества, проповедующего лозунги «свободы», «равенства» и «братства» и реализующего их в земной жизни, логично задать вопрос: не являются ли все коммунистические революции во всей мировой истории закономерной и оправданной реакцией населения на достижение зажиточной и справедливой жизни для всех? И если это так, то почему многолетние усилия при реализации подобных глобальных социальных проектов оборачиваются химерой, а максимальное вмешательство правительства в экономические и политические дела ведет к установлению тоталитарных политических режимов? Не является ли это последнее обстоятельство главной при-

чиной господства бюрократии в Советской России? В какой момент и по каким причинам российский витязь, стоявший на распутье в начале 1917 г., в январе следующего года окончательно избрал путь, далекий от демократического? В чем смысл борьбы между «трудом» и «капиталом» и почему в советском обществе, где капиталистические отношения были упразднены, рабочее сопротивление властям, то явное, то скрытое, стало неперенным спутником их жизни? На эти и другие вопросы попытались ответить авторы первого раздела пособия. Конечно, в задачу историков не входит умножение новых «трудных вопросов» или воскрешение старых мифов для разжигания новых конфликтов, сегодня следует стремиться к созданию более совершенного социального мира и порядка.

Споры о характере Отечественной войны 1941–1945 гг. и причинах поражения Красной армии в приграничных сражениях, об устойчивом характере многих мифов о войне и попытках историков их развенчать, об источниках нашей Победы изложены во втором разделе пособия. Здесь также нет окончательных и однозначных ответов – авторы дают возможность читателю ознакомиться с противоположными точками зрения и попытаться выработать собственную. Выход в свет фундаментального 12-томника [1] не снял с повестки задачу переосмысления наших знаний о войне; при этом авторы пособия обращают внимание на то обстоятельство, что знание фактов не всегда является определяющим в трактовке событий, важнейшую роль и сегодня продолжает играть господствующая идеология. Отмечается также то обстоятельство, что многие идеологические догмы прочно укоренились в сознании поколений, они не только усваиваются общественным мнением, но и становятся вне критики. Увлечение молодежи героикой войны делает актуальным проблему изучения личностей советских полководцев, превзошедших немецких на поле брани. Они были разными по военным дарованиям, чертам характера и судьбе, но всех их объединяла вера в окончательную победу и беззаветное служение своему Отечеству.

Авторы пособия сочли возможным соединить в одном разделе проблемы геополитики и идеологии, современность и глубокую древность. Кто бы мог подумать еще тридцать лет назад, что проблема происхождения славян приобретет особую актуальность в связи с развитием агрессивного национализма в Украине, а сам национализм станет мощным оружием в борьбе с Россией. И наконец, не является ли сдача идеологических позиций советским руководством одним из главных

факторов, приведших к распаду Советского Союза. Нетрудно заметить, что ответы на «трудные вопросы» порождают новые, которые еще ждут своего разрешения.

Впервые авторы пособия обратились к проблеме теории истории, которая стремительно развивается в последние десятилетия. Проблемы исторической памяти общества и формирования механизма сохранения и передачи информации во времени и пространстве занимали ученых с древности. Важным является представленное в пособии положение о том, что конкретное содержание исторической памяти всегда актуализировано.

Завершает сборник сюжет, посвященный переоценке влияния так называемого Болонского процесса на систему образования в России в связи с настоятельной потребностью сохранения отечественных традиций, подготовки специалистов в аспирантуре.

Учитывая характер издания – учебное пособие, тексты разделов снабжены вопросами и заданиями, которые должны помочь лучшему усвоению студентами материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. М., 2011–2015.
2. *Матвеева А. М.* Национальное согласие по отечественной истории. Рецензия на учебное пособие по «трудным вопросам» истории // Преподавание истории в школе. 2016. № 6. С. 64–65.

РАЗДЕЛ 1

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

А. Б. Ананченко

100-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК НАШЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ «ЗЕРКАЛО»

Юбилейный год, 100-летие наших революций, вызовет массу публикаций, о событиях и людях. Но даже их вал не приблизит нас к пониманию того, что это было. *«Здесь нужно, чтоб душа была тверда; Здесь страх не должен подавать совета»* [1]. У нас в последнее время количеством фактов пытаются заменить понимание. Но никакое количество не заменит ответы на принципиальные мировоззренческие, теоретические, методологические и гносеологические вопросы. И «трудные вопросы» нашей истории – как раз повод поговорить о важном для исторического образования, понимания и изучения.

Историческое образование выполняет, наряду с формированием знаний школьников по истории нашей страны, ее народов, мировых цивилизаций, всеобщей истории, и очень важные социальные, культурные, воспитательные функции. Историческое образование существенно отличается от изучения других наук, постигающих явления, процессы и объекты материального мира. Историческое образование должно не только передать сумму объективных знаний, но одновременно эти знания несут в себе и нравственные оценки, содержат примеры и смыслы поступков в истории. Можно говорить, что историческое образование дает не только знания фактов и процессов, но оно еще должно формировать национальное сознание, и не просто национальное, а позитивное национальное самосознание.

Можно говорить, что наличие или отсутствие разработанного систематизированного и рационально оформленного позитивного национального самосознания – один из самых важных признаков степени сложившейся субъектности того или иного государства, возможности исторически заметного его существования. Так же как разрушение ис-

торического самосознания – один из самых важных элементов современных идейных, смысловых и ценностных войн, что мы наблюдаем, например, на территории современной Украины, или в некоторых республиках бывшего СССР.

Может ли добиваться этого историческое знание? Не только может, но и должно! Вопросы исторического знания, сознания, восприятия, настроения, отношения к прошлому, настоящему и будущему своей страны, включая личную и семейную биографию, являются важными и необходимыми элементами исторического образования и воспитания. Бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь США Генри Киссинджер так определил особенности и недостатки современного преподавания истории в США: «В школах сейчас мы больше не преподаем историю как последовательность событий, ее рассказывают по темам, без контекста. А контекст в международной политике – едва ли не самое главное. Таким образом, нужно хорошо знать историю и взаимодействовать с зарубежными странами и их лидерами в соответствии с их собственной историей и менталитетом» [2]. Важно подчеркнуть, что историческое сознание – обязательный элемент развитого государства и социума.

Хотелось бы еще отметить, что мы должны включить в изучение отечественной истории как исходный обязательный мировоззренческий принцип – *единство всей отечественной истории от древней истории до сегодняшнего дня, включая наш общий образ будущего.*

И конечно, важной, принципиальной вехой нашей истории стали и должны рассматриваться революции 1917 года. Очень часто образы революций используются именно для того, что разделить нашу историю. Тем более что сами революции тоже себя именно так и рассматривают, как принципиальный и бескомпромиссный разрыв с прошлым: «весь мир насилия мы разрушим...». Для нас же, для общества, важно видеть сейчас то, что нас соединяет, сохраняет на протяжении всей нашей истории, включая и революции, важно видеть единство самых важных наших духовных ценностей.

Историк, академик РАН С. П. Карпов, подчеркивая роль ценностей в истории, отметил: «*Патриотизм и достоверность – не антитезисы. Они дополняют и подкрепляют друг друга при корректной, неангажированной и полной интерпретации фактов и событий истории. Без фигур умолчания и сокрытия истин, но, повторю, с четким и ясным объяснением причин побед и поражений и извлеченных из прошлого уроков*» [4].

Разработчиками историко-культурного стандарта были выделены так называемые трудные вопросы отечественной истории, включающие важные, переломные, ключевые, но сложные процессы из нашей истории. Причем это сложные процессы не только сами по себе, но и сложные для понимания, нахождения общего позитивного вектора общественных оценок этих событий и явлений.

В 2017 году мы отмечаем 100-летний юбилей наших революций. В примерных трудных вопросах, которые выделены на сегодняшний день, есть и проблемы революционной трансформации российского общества в начале XX века: *«причины, последствия и оценка падения монархии в России, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне; причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И.В. Сталина»*.

Хорошо, что некоторые вопросы выделены, помечены как «трудные». Но сегодня за этими «скромными», неполными формулировками и названиями событий, процессов прячется гораздо больше проблем как принципиальных мировоззренческих, теоретических, концептуальных, так и конкретно-исторических, вопросов понимания российской революции 1917 года, формирования нового советского общества, мировой социалистической системы, мировой двухполюсной системы.

Во второй половине 1980-х годов проблемы возникновения, развития, сущности и оценки советского общества стали в СССР актуальным содержанием массового общественного сознания. В оценке и понимании советского периода публицистика вытеснила научную литературу, а господствовавшая до этого марксистская парадигма истории уступила место «диктатуре фактов» и ряду периферийных научных концепций (гипотез) истории.

В постсоветский период в российском обществе, среди его элиты победила идеология «прогрессорства». Ее исходным пунктом стало нормативно-ценностное отношение к России с точки зрения западной цивилизации. Содержанием «прогрессорства» как социального явления русской жизни стало негативное отношение к наличной жизни, своей истории и ценностям российской цивилизации. Сведение многообразия всех возможных качественных трансформаций в развитии общества к одному типу – развитию через распад, через социальную катастрофу и разрушение, через «хаотизацию» социума. Западное общество, а особенно его бытовой образ жизни стали рассматриваться как синоним и критерий цивилизованности вообще, как образец,

в соответствии с которым и должна согласовываться траектория исторического развития России.

В этих условиях оказалось важным именно научное исследование формирования советской политической системы, изучение содержания политической революции вообще и советской, в частности. Такое исследование позволило выявить, что формирование новой политической системы – это длительный исторический процесс, охватывающий в России, например, в начале XX века несколько десятилетий. Он имеет свою объективную логику и этапы. В то же время конкретно-исторический анализ формирования советской политической системы позволил выделить **новый тип политических революций**, когда они *не завершают, а начинают социальную революцию*. Такие политические революции стали возможны при появлении условий и элементов управляемости историческим процессом, когда на базе однотипных материальных (технологических) условий существования общества могут быть построены принципиально различающиеся общественные системы.

Принципиальное отличие русской революции от предшествующих революций, возможность такого отличия отстаивал и В. И. Ленин, когда спорил о возможности «обратной» революции, начиная с завоевания политической власти:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы.

16 января 1923 г.

*Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а **потом** уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»* (выделено и подчеркнуто мной. – А. А.) [5].

Собственно, эти отличия отношения к историческому процессу и возможности субъективно повлиять на него различают концептуально классический марксизм и ленинизм, а политически – меньшевизм и большевизм.

Именно этим отличается формирование советского общества и его политической системы. Классические политические буржуазные революции перехода к индустриальному обществу происходили уже на завершающей стадии формирования нового общества. Политические революции только завершали процесс перехода от одного общества к другому. В русской революции все было иначе. Сначала революционеры захватывают политическую власть и только потом начинают формировать, создавать новое общество.

Становление конкретно-исторической политической системы Советской России – СССР заняло поэтому, как нам представляется, достаточно длительный исторический период, начало которому положила Февральская революция и появление Советов в качестве центральных и местных организаций, выполняющих часть функций государственного управления. Верхней же границей этого процесса стала, на наш взгляд, вторая половина 1930-х годов, когда произошло достраивание и встраивание (подчинение) всех элементов политической системы государственной. Важными вехами завершения этого процесса стали принятие Конституции 1936 года и репрессии революционной элиты.

Весь процесс формирования новой советской политической системы распадается на ряд самостоятельных этапов. Сегодня можно выделить следующие этапы становления советской политической системы:

первый этап (февраль – октябрь 1917 г.): начало превращения Советов в элемент политической и государственной системы Российской Республики, начало становления всероссийской системы Советов;

второй этап (октябрь 1917 г. – 1920 г.): этап многопартийной советской политической системы, складывание предпосылок формирования однопартийной политической системы. Административно-государственное строительство и территориальное размежевание органов власти различных политических систем, вооруженная борьба между ними за утверждение на всей территории страны в качестве центральной российской власти. Качественный перелом в определении места и роли неболшевицких партий в государственной системе советской власти. Постепенное «угасание» роли Советов как органов власти в условиях Гражданской войны и господства чрезвычайных органов управления. Складывание военизированной-бюрократической формы государственной власти;

третий этап (1920–1928 гг.): завершение становления однопартийной политической системы, унификация и распространение органов новой власти на всей территории страны. В этот период в основном

определились территориальные границы и административно-государственное строение и состав государства, его конституирование как СССР;

четвертый этап (1928 г. – вторая половина 1930-х гг.): завершение складывания и укрепления новой политической системы, правовых границ и неписаных правил (действующих традиций) ее функционирования. Завершение становления всех ее политических институтов и прежде всего соответствующей системы общественных организаций. Завершение формирования новой политической, хозяйственной и интеллектуальной элиты государства.

Таким образом, становление политической системы Советской России – СССР, на наш взгляд, имело определенную объективную логику своего развития. От сосуществования государственных и общественных элементов различных политических систем в первые месяцы советской власти до их вооруженной борьбы за господство над территорией бывшей Российской империи в последующем. После окончания Гражданской войны и поражения всех небольшевистских политических сил шел процесс постепенного подчинения или «отсечения» и локализации остальных элементов политической системы, и прежде всего церкви и средств массовой информации, а затем и остальных общественных организаций.

Когда-то в Советском Союзе считали и пропагандировали, что Октябрьская революция положила начало новой всемирно исторической эпохе. После 1991 года стали говорить, что советское общество – это исторический тупик. И то, и другое утверждения оказались не верны. Но правды не было и посередине, тем более что она там никогда и не оказывается. Посередине обнаруживается только формулировка проблемы. И не всегда объективной. Но вернемся к нашей (в прямом смысле слова) революции.

Собственно Октябрьская революция действительно положила начало новой мировой эпохе – эпохе управления глобальными социальными процессами в масштабах регионов, государств, объединений государств и всего мирового сообщества. Революции XX века, как нам представляется, – это уже преимущественно не стихийные социальные скачки, как это было в XVIII–XIX веках, а социальное сознательное действие и экспериментирование, экспериментирование, сопоставимое по последствиям и масштабу с испытаниями атомной бомбы на государствах и городах. По сути, мы имеем дело с тем, что за красивыми «рассказами» по истории (с чем большинство до сегодняш-

него времени ассоциирует историю как науку) родилась достаточно «точная» наука, использование которой в политических и социальных целях без морально-нравственной ответственности их пользователей является особо опасным социальным преступлением, влекущим социальные, политические, технологические, духовные и тому подобные разрушения в социальном организме.

Фигуры физика и историка как социальных типов «чистых ученых» сменили сегодня ученые-инженеры, ученые-технологи. Социальные катастрофы из естественноисторических катаклизмов превратились в сознательно подготавливаемые и осуществляемые «сценарии», «модели» и «эксперименты», «цветные» революции. В результате этого «социальные инженеры» конца XX – начала XXI века заговорили о конце истории и о появлении в мировой истории вместо «игры Бога», или естественноисторической закономерности (кому что ближе) – нового субъекта исторического целеполагания и управления.

Все вместе это и объясняет чрезвычайную актуальность изучения и понимания создания советского «социалистического общества», поскольку в этом процессе впервые сознательные составляющие стали преобладать над стихийными. Нам это понимание советской эпохи нужно не только для того, чтобы понимать и принимать себя в истории, но и видеть, что наша деятельность положила начало в прямом смысле новому миру. Русский философ, логик и социолог Александр Зиновьев подчеркивал принципиальное изменение истории в XX веке: *«Исторический процесс, который до сих пор шел как стихийный, неуправляемый, превратился в проектируемый и управляемый. И как следствие произошли многочисленные перемены, возникли явления, которых не было или которые были только в зачаточном состоянии»* [3].

История мировой социалистической системы, советского общества и становления советской политической системы представляет сегодня как научный, так и практический интерес, в том числе и чисто политический. Опыт альтернативного, мобилизационного исторического развития стал одним из направлений для современной практики поисков пути будущего развития всей мировой системы цивилизаций.

Несомненно, что XX век стал переломным в истории человечества. Мировые войны, мировая экономика и мировые финансы, элементы глобального управления мировой системой государств и самим историческим процессом, попытки формирования и утверждения мировых идеологий, борьба за статус определяющего направления развития

центра мировой системы – все это и многое другое стали элементами (частью) процесса объединения человечества в единое социальное, экономическое и политическое сообщество. Огромную роль в самой возможности такого объединения, в создании его предпосылок сыграл Советский Союз и его исторический опыт.

Сегодня человечество разделилось на субъект исторического процесса и на «объекты», для которых стратегические параметры и направленность их развития сознательно задаются извне. Такой контроль осуществляется созданием «коридоров развития», то есть целенаправленным формированием внешних или внутренних политических, экономических, идеологических, военных и тому подобных условий, создающих целевые и ресурсные (в широком смысле) ограничения развития социальных организмов, задающих им направление, темпы и средства этого движения, а в совокупности позволяющих реализовывать многоуровневые стратегические и тактические цели «субъекта истории».

Все это в целом и создает такие социально-политические и научно-концептуальные предпосылки, при которых историки и политики еще неоднократно будут испытывать потребность пристально вглядываться в первую и достаточно успешную попытку сознательного качественного изменения строения общества и задания ему целенаправленного вектора движения, то есть в историю становления советского общества и его политической системы. Очевидно, что к концу Гражданской войны мы наблюдаем первые завершённые формы новой политической системы как определенной, относительно равновесной и целостной системы государственных органов, политических и общественных организаций. Проблема же заключается в характеристике ее сущности и исторического места. В современной отечественной историографии она чаще всего определяется как административно-командная или тоталитарная система. Но этот взгляд, как нам представляется, недостаточно обоснован и представляет собой скорее идеологический феномен, чем элемент научной историографии.

Таким образом, мы можем сегодня сделать ряд выводов о характере процесса становления политической системы Советской России в период октября 1917 г. – 1920 г.:

в хронологических границах этого периода мы имеем дело с качественно различными процессами в политической сфере российского общества: это угасание «февральской» политической системы (тоже не завершившей к тому моменту своего становления), в которой не на-

шлость политических сил, способных правильно сформулировать и эффективно осуществить тактику защиты Учредительного собрания; это советская политическая революция («триумфальное шествие» советской власти), захлебнувшаяся в Гражданской войне; это начало формирования однопартийного большевистского государства;

к началу 1920-х годов сложилась система высших, центральных и местных органов власти нового государства, то есть в основном уже сформировались элементы государственной системы Советской России;

в стадии завершения находилось формирование состава политических партий Советской России, сохранялась многопартийность; правящей и наиболее развитой была к концу Гражданской войны единственная партия – РКП(б), остальные, действовавшие на территории РСФСР, социалистические и национальные партии переживали организационный и идейный кризис как результат своей политической линии в период Гражданской войны, а также политического и судебного давления государственной власти;

система новых общественных организаций в этот период находилась еще только в начале процесса формирования. Большинство старых общественных организаций сохранилось и в период революции и Гражданской войны или было превращены в государственные организации, позволявшие контролировать правительству важные для него сферы общественной жизни. Огосударствление касалось прежде всего массовых организаций. Такие организации и рассматривались руководством страны и РКП(б), прежде всего, как естественноисторически возникший аппарат управления той или иной сферой общественной жизни. Задача же виделась в том, чтобы подчинить его политически РКП(б), а организационно – советскому руководству. В целом же советская система общественных организаций складывается, на наш взгляд, только в 1930-е годы, когда происходит становление большинства советских общественных организаций;

в условиях Гражданской войны Советы потеряли свое значение как органы власти, превратившись в хозяйственно-снабжениеские организации, хотя высшая государственная власть по окончании Гражданской войны по-прежнему была сосредоточена в СНК;

экстремальные условия управления обществом и армией в условиях Гражданской войны изменили политическую роль РКП(б). Большинство функций чрезвычайного управления (а чрезвычайным

в тех условиях было практически все управление) на местах переходило в руки партийных комитетов, так как других проправительственных органов социального управления просто не существовало. Этот процесс «большевизации» государственного управления усиливался и накладывался на процесс распада и «угасания» остатков всех сложных и «культурных» форм социальности, а не только государственного управления;

«триумфальное шествие» советской власти стало и ее концом, поскольку многопартийные Советы политически оказались как бы между фронтами Гражданской войны. Эта политическая линия «третьего пути» на основе результатов выборов в Учредительное собрание привела к образованию летом 1918 года сначала Российской Демократической Федеративной Республики (РДФР) на территории Среднего Поволжья и Урала, которая пала осенью 1918 года под натиском «недемократических России», а затем и ряда других государственно-административных образований;

таким образом, процесс становления политической системы в целом к началу 1920-х годов не окончился и находился еще в развитой стадии;

характеризуя же политическую систему Советской России в тех ее формах, какие сложились к началу 1920-х годов, можно сделать вывод о том, что в этот период закончилось формирование лишь первой, переходной, «военно-бюрократической» формы политической системы нового общества.

Важным аспектом изучения становления политической системы Советской России является анализ этапа разрушения «старого» государства, этапа политической и социальной катастрофы, который большевики рассматривали как способ перехода к новому государству и обществу. Надо сказать, что с тех пор многие политические силы (либеральные, отчасти социалистические и другие) в мире стали рассматривать этот способ как наиболее предпочтительный и эффективный для качественных и быстрых трансформаций общественных организмов. Анализ этих проблем в конкретно-исторических формах привел нас к выводу о том, что государственность в этом случае возвращается к первичным формам социального общежития и управления, когда власть находится у вооруженных отрядов, контролирующих определенную территорию и осуществляющих одновременно все властные функции: суд, установление и поддержание того или иного внутреннего порядка, защита от нападения извне и т. п.

Оказалось, что государство и культура являются более уязвимыми, «сбрасываемыми» формами социальной организации, после разрушения которых обнажаются более устойчивые, предшествующие, древние, первоначальные формы человеческого и социального поведения и организации людей. Возврат в «современность» после таких периодов распада может быть осуществлен либо извне более высокой социальной формой (мы не будем здесь касаться возникающих при этом нравственных, целевых, политических и иных проблем такого «прогрессорства»), либо, что скорее, «кровавым витком истории», загоняющим «первобытный хаос» в «тиски», границы «культуры», цивилизации и государства. Историческая эпоха «преувеличенного государства», сковывающего «железными обручами» массу людей и их сообщества в общество, становится жестоким, но неизбежным ответом истории на подъем темной, иррациональной стихии, всегда таящейся под внешним слоем цивилизации.

Более точное и развернутое представление обо всем процессе становления политической системы советского общества, а не только его первой фазы, можно будет получить лишь в комплексных исследованиях трансформаций политической системы России, по крайней мере в хронологических границах 1917 г. – второй половины 1930-х гг., и при включении его в более широкий контекст мирового исторического процесса, истории России и советского общества в целом. Но такой масштаб выходит, на наш взгляд, за границы возможностей одной книги.

Мы далеки от того, чтобы считать, что наш подход исчерпывает все аспекты проблемы становления политической системы Советской России и возможные концептуальные подходы к ее изучению. Хорошо, если нам удалось заполнить хотя бы один фрагмент «контурных карт» прошлого русской революции.

Несмотря на огромное количество исследований русских революций начала века, и сегодня они представляют собой в историографии сложную мозаику, где зияют огромные белые незаполненные пространства. История складывания советской политической системы – это расходящийся в бесконечность веер философских, социологических, исторических, экономических, психологических, ценностных и прочих познавательных проблем, в исследовании которых хватит места всем научным школам и направлениям. А интерес к этому историческому явлению вряд ли исчезнет: ведь здесь

берет свое начало новая эра в истории человечества – эра управления глобальными социальными процессами и направленностью исторического развития.

Источники и литература

1. Данте Алигьери. Божественная комедия. Часть 3. Песнь 3 // World Art // URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6299&public_page=3 (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
2. Киссинджер Генри. Чужие интересы превратили украинский кризис в трагедию // Правдоруб. Дата публикации: 19 августа 2015 г. // URL: <http://pravdoryb.info/genri-kissindzher-chuzhie-interesy-prevratili-ukrainskiy-krizis-v-tragediyu-64715.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
3. Зиновьев А.А. Теория мирового развития. Лекция. 7-я мин. // <https://www.youtube.com/watch?v=QpJFafSBCXQ>
4. К 80-летию восстановления отечественного исторического образования и образования исторического факультета МГУ // Сайт исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Дата публикации: 15 мая 2014 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/News/20140515.htm> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
5. Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // ПСС. Т. 45. С. 381.

Вопросы и задания

1. В чем специфика Русской революции 1917 г.? Что отличает ее от иных европейских революций?
2. Какую роль Октябрьская революция сыграла в складывании союзной государственности?
3. Какие этапы становления советской политической системы можно выделить?
4. Какие изменения государственных и общественных структур выступили в роли маркеров «большевизации» управления?

А. И. Юрьев

История созыва и разгона Учредительного собрания

Итоги выборов в Учредительное собрание, которые проходили в основном 12 ноября, в соответствии с решением еще Временного правительства Керенского, и частично 19 ноября 1917 года, то есть уже после Октябрьской революции, дают повод для очень серьезных

размышлений. В соответствии с подсчетами историка Л. М. Спирина, из 45,5 млн человек, принимавших участие в голосовании, что составляло примерно 60 процентов от занесенных в списки избирателей, за большевиков проголосовало только 11 млн человек. Эсеры получили 55 процентов всех голосов, большевики 22,5 процента, остальные 22,5 процента другие партии [38, с. 238].

При этом некоторые историки сегодня считают, что подсчеты Спирина страдают в какой-то степени неточностью. В появившихся в последний период работах приводятся иногда иные, но не сильно расходящиеся цифры по этим и другим показателям результатов выборов в Учредительное собрание [34, с. 82, 442–443; 35, с. 184; 36, с. 42; 37, с. 108]. Однако они не меняют общей картины выборов и также свидетельствуют о бесспорной и убедительной победе партии социалистов-революционеров и поражении большевистской партии. Так, исследователь истории Учредительного собрания Л. Г. Протасов пишет: «И с арифметической, и с политической точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима» [35, с. 164]. А историк К. Н. Морозов отмечает, что эсеры «одержали оглушительную победу на выборах в Учредительное собрание в конце 1917 года» [32, с. 44].

Вне всякого сомнения, подавляющее большинство избирателей голосовало против большевиков.

Однако Ленин и его соратники считали, что для социалистической революции нет необходимости в поддержке большинства населения. Ленин, анализируя итоги выборов в Учредительное собрание, писал, что только оппортунисты говорят о необходимости пролетариату сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, а потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на основе этой «чистой» демократии, организовать социализм. «А мы говорим, – отмечал Ленин, – на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать СЕБЕ государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» [21, с. 12].

По последним исследованиям, которые несильно расходятся с предыдущими подсчетами историков, в целом депутатские места в Учредительном собрании распределились следующим образом: из 766 мест эсеры получили в общей сложности 374 места, большевики 180 мест,

кадеты – 24 места, меньшевики – 22. Остальные места в Учредительном собрании были у других партий, в том числе у различных национальных партий и течений, и у депутатов с неустановленной партийной принадлежностью [37, с. 111].

В советской исторической науке прочно утвердилось мнение, что результаты голосования не отражали истинного положения, которое в то время сложилось в стране, отношения населения к различным партиям и, главным образом, к партии социалистов-революционеров. При этом отмечалось, что эсеры выступали на выборах как единая партия, хотя к тому моменту она таковой уже не являлась, так как произошел раскол на правых и левых эсеров. Говорилось, что левые эсеры поддерживали советскую власть и вошли в состав Совета народных комиссаров, но на результатах выборов это отразилось мало, поскольку правые эсеры, пользуясь общими списками, проводили своих кандидатов, а поэтому выигрывали противники большевиков.

На наш взгляд, эта точка зрения весьма спорна. Фракция левых эсеров составила едва 40 человек среди всей эсеровской фракции Учредительного собрания. При этом левые эсеры участвовали в предвыборной кампании, находясь в рядах партии социалистов-революционеров, так как они оформились в самостоятельную партию только в конце ноября 1917 года, но фактически до весны 1918 года на местах продолжали оставаться в единых с правыми эсерами организациях. Анализ источников говорит о весьма незначительной численности левых эсеров в этот период. Широкие слои населения России о них ничего не знали или знали очень мало. Сами левые эсеры признавали на своем II съезде, в апреле 1918 года, что в тот период их партия «не могла обладать ни солидными силами, ни солидными средствами, ни солидными возможностями, какие имеются у большой партии» [7, л. 20]. Не исключено, что участие левых эсеров в общем эсеровском списке, наоборот, дало им возможность провести своих депутатов, что было бы весьма проблематично, выступи они со своим отдельным списком или в союзе с большевиками.

29 октября на заседании фракции социалистов-революционеров при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция, в которой, в частности, подчеркивалось, что необходимо «обеспечение созыва Учредительного собрания в назначенный срок» [4, л. 116]. Этого требовали не только эсеры, но и представители всех других партий. В соответствии с решением Временного правительства Керенского о сроках созыва Учредительного собрания оно

должно было начать свою работу 28 ноября. И, безусловно, его созыв в установленный срок давал возможность для скорейшего поиска путей гражданского мира.

В то же время в Петрограде и других городах начали усиленно ходить слухи о том, что большевики не допустят открытия Учредительного собрания.

23 ноября Всероссийский исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов старого, дооктябрьского, созыва принял воззвание, в котором говорил о тех последствиях, которые вызовет разгон Учредительного собрания, отмечая, в частности, что это приведет к новой гражданской войне, к дальнейшему распаду страны, погубит установление нового свободного порядка. Воззвание заканчивалось словами: «Разгон Учредительного собрания навсегда подорвет веру во всякую власть, во всякие последующие собрания народных представителей и уничтожит надежду на спасение родины и свободы» [11].

IV съезд партии эсеров призвал ее членов на защиту всеми имеющимися в распоряжении партии средствами прав Учредительного собрания от всяких покушений, от кого бы они ни исходили, справа или слева [12].

В то же время в ряде округов, в силу различных обстоятельств, выборы прошли несколько позднее, требовалось определенное время для приезда депутатов в Петроград. 26 ноября Совнарком принял решение о том, что Учредительное собрание начнет работу после прибытия не менее 400 человек и открыть его должен уполномоченный правительством.

На наш взгляд, главное заключалось в том, что большевики не были готовы к этому важному политическому событию, им необходима была передышка и время для решения вопроса об Учредительном собрании.

Решение большевистского правительства вызвало резко негативную реакцию всех остальных партий, которые усмотрели в нем попытку узурпации прав Учредительного собрания. Это усугубилось и тем, что за несколько дней до открытия Учредительного собрания были арестованы все члены Всероссийской комиссии по делам о выборах в него [11].

Петроградская городская дума день открытия Учредительного собрания, 28 ноября, объявила Всероссийским национальным праздником, о чем сообщила в другие городские думы с просьбой «присоединиться» [13].

Тем не менее Военно-революционный комитет запретил солдатам в Петрограде выходить из казарм с целью не дать им участвовать в манифестации в поддержку Учредительного собрания. Не разрешено было украшать красными знаменами здание Таврического дворца, где собиралось заседание собрания.

28 ноября дворец был окружен латышскими стрелками, двери его были заперты. В массовой манифестации, проходившей перед Таврическим дворцом, принимали участие самые различные слои населения: рабочие, служащие, учащиеся, делегаты, приехавшие на крестьянский съезд. Главным был лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Причем было заметно «сильное преобладание эсеровского настроения». После сообщения об аресте некоторых депутатов собрания была избрана делегация, которой поручили потребовать от Военно-революционного комитета снять оцепление у Таврического дворца [13].

Часть членов Учредительного собрания все-таки сумела пройти в Таврический дворец и объявила себя частным совещанием Учредительного собрания. Всего к этому дню в Петроград приехало 172 депутата.

Временным председателем совещания был избран лидер партии социалистов-революционеров Чернов, временным секретарем эсер Покровский. Чернов, сообщив об арестах некоторых членов Учредительного собрания, назвал это одной из причин того, почему в назначенный срок не смогло открыться собрание и почему на нем так мало присутствующих. В принятом по данному вопросу постановлении отмечалось, что лишение свободы некоторых членов Учредительного собрания является «посягательством» на его права. Затем было принято постановление по вопросу об открытии Учредительного собрания, где говорилось, что целый ряд окружных избирательных комиссий, в силу обстоятельств, «выдвинутых Гражданской войной», не успел закончить свою работу и выдать надлежащие удостоверения избранным членам Учредительного собрания. Было решено отложить первое заседание собрания и предложено всем его членам собираться ежедневно для того, чтобы, «когда собравшиеся члены Учредительного собрания признают себя в достаточном числе, был назначен день первого пленарного заседания» [13].

Если смотреть с точки зрения большевиков, то, безусловно, все это являлось нарушением постановления Совнаркома от 26 ноября. В то же время, как признавал сам Ленин, в законе об Учредительном собрании не было указано число депутатов, достаточное для его от-

крытия [22, с. 136]. Тем не менее в тот же день Совнарком принял написанный Лениным декрет, по которому партия кадетов объявлялась партией «врагов народа», члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционного трибунала. На местные Советы возлагалось обязательство особого надзора за этой партией [23, с. 126].

Арест кадетов – депутатов Учредительного собрания, обладавших правом депутатского иммунитета, вызвал резко негативное отношение всех социалистических партий, в том числе и левых эсеров. Их фракция внесла во ВЦИК запрос, в котором левые эсеры требовали объяснений, на каком основании нарушена личная неприкосновенность членов Учредительного собрания как членов верховного органа власти. Орган ЦК партии левых социалистов-революционеров газета «Знамя труда» отмечала: «Это есть удар не против состава собрания, а против самого учреждения как такового, это есть отрицание самого учредительного собрания...» [18].

Об этом же писали и газеты на местах. Например, газета «Владимирская жизнь» 2 декабря делала вывод, что, хотя декрет направлен «как будто» против кадетов, на самом деле его нужно рассматривать как удар по Учредительному собранию, поскольку кадеты были в нем в совершенно незначительном количестве и их арест совершенно не изменил «общего облика» собрания. «Но дело в том, – подчеркивалось в газете, – что большевики не будут иметь большинство в Учр. Собрании, а потому и ясно, что они не могут примириться с его существованием. Сегодня кадеты, а завтра та же участь должна постигнуть неминуемо и ненавистных большевикам с.-рев.» [14].

В резолюции по текущему моменту, принятой 4 декабря на IV съезде партии социалистов-революционеров, где политика большевиков была охарактеризована как близорукая, отчаянная, авантюристическая, увеличивающая развал и разруху всей страны, дезорганизующая фронт и тыл, питающая тем самым контрреволюцию, делался вывод о ее логическом завершении в отношении к Учредительному собранию. Подчеркивалось, что большевики, выступив против Учредительного собрания, стремятся искусственно создать борьбу между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с одной стороны, и собранием, с другой. Большевиков обвиняли в подготовке разгона Учредительного собрания и тем самым в «продлении своей партийной тирании над страной». В этих условиях Партия социалистов-революционеров «громче, чем когда-либо» провозглашала лозунг «Вся власть

Учредительному собранию», заявляя, что «призвание Советов руководить идейно-политической жизнью масс и стоять на страже всех завоеваний революции, в числе которых собрание занимает одно из самых важных мест» [17].

В советской исторической науке события 28 ноября рассматриваются как попытка кадетов осуществить контрреволюционный переворот, открыв явочным порядком заседание Учредительного собрания вопреки декрету Совнаркома от 26 ноября 1917 года, где говорилось об открытии его лицом, специально на то уполномоченным Совнаркомом, при наличии не менее половины членов Учредительного собрания. Однако, как мы видим, все было не так однозначно. Так или иначе, но партия кадетов стала первой политической партией, официально устранившейся большевиками с арены политической борьбы.

Среди большевиков не было полного единства в отношении Учредительного собрания. Их значительная часть считала, что с победой Октябрьской революции Учредительное собрание себя изжило. Этой точки зрения придерживались и большинство руководителей в Московской областной организации РСДРП(б), в которую входили большевики 14 губерний центра России.

Однако эти взгляды получили широкое распространение только после Октябрьской революции и особенно после убедительной победы на выборах в Учредительное собрание партии эсеров. Широкий круг источников говорит о том, что до этого большевики вели большую агитационную, пропагандистскую, организаторскую работу по подготовке к выборам и участию в Учредительном собрании. Эти вопросы рассматривались на VI съезде РСДРП(б), общепартийной конференции большевиков, регулярно заслушивались на различных заседаниях и совещаниях местных органов.

Накануне Октябрьской революции вопросы проведения выборов в Учредительное собрание были обсуждены на губернских партийных конференциях, где утверждались списки кандидатов в депутаты, намечались соответствующие планы работы. Регулярно рассматривались вопросы, связанные с Учредительным собранием, в Московском областном бюро РСДРП(б). Всего за несколько недель до Октябрьской революции, 28 сентября, на заседании бюро отмечалось, что, ставя в порядок дня восстание, партия, тем не менее, должна готовиться к выборам в Учредительное собрание, при этом подчеркивалось, что «никакие дальнейшие отсрочки для созыва Учредительного собрания совершенно недопустимы» [3, л. 40]. Однако уже 10 ноября на засе-

дании расширенного пленума Московского областного бюро партии большевиков с представителями местных организаций в принятой резолюции перед партийными организациями ставилась задача разъяснения широким массам «полной невозможности для Учредительного собрания исполнить свое дело...» [3, л. 67]. Победа на выборах эсеров окончательно определила судьбу Учредительного собрания.

27 ноября фракция большевиков исполкома Моссовета, отметив, что возможно придется встать перед фактом разгона Учредительного собрания, высказала пожелание обсудить вопрос об отношении к нему во всех партийных организациях и Советах рабочих и солдатских депутатов до окончательного решения ЦК партии [9, л. 18].

Прошедшее 30 ноября заседание Московского окружного комитета РСДРП(б) заслушало доклад Ярославского, который заявил, что Учредительное собрание совершенно не отражает действительного настроения масс, станет орудием контрреволюции, и, поскольку интересы революции являются «верховным законом», советское правительство обязано принять решительные меры для ее защиты. В принятой резолюции отмечалось, что Учредительное собрание никогда не было для революционной социал-демократии целью движения, а являлось лишь орудием борьбы. Поэтому в обязанность советской власти вменялось «применить, не останавливаясь ни перед чем, самые решительные меры в защиту завоеваний революции и защиты советской власти вплоть до разгона Учредительного собрания» [8, л. 2–3].

Луначарский, присутствовавший как представитель Совнаркома на заседании Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, рассматривавшим 5 декабря вопрос о созыве Учредительного собрания, в своей речи сказал: «Мы ведем великую борьбу не только для одной России, но и для всего человечества, и поэтому мы социалисты-интернационалисты будем преследовать эту русскую буржуазию, будем преследовать соглашателей с буржуазией и это Учредительное собрание...» [10, л. 11].

Весьма интересно выступил на заседании один из представителей оппозиции большевиков, который, обращаясь к ним, говорил, что бороться за свою идею надо «путем открытым, путем идейным, а не штыками». Завершая свое выступление, он высказал прогноз, полностью подтвердившийся всем дальнейшим ходом событий: «Следовательно, товарищи, сейчас арестовываются кадеты, их всего пока только 12 человек. Но завтра все несогласные с Лениным подвергнутся той же участи. Приедут правые эсеры и меньшевики, и они будут изъяты

из Учредительного собрания. Товарищи, этого мало. Послезавтра будет другое, потому что левые эсеры также не согласны с товарищем Лениным, с ними будет поступлено по такому же рецепту. По этому пути можно идти только к разгону, так как иного пути нет» [10, л. 18–19].

Вопрос о взаимоотношении советской власти и Учредительного собрания обсуждался на III Московской конференции РСДРП(б), проходившей 7–9 декабря 1917 года. В материалах конференции, которые дают повод для очень серьезных размышлений, было четко высказано отношение к Учредительному собранию: «Учр. собр. не возможно сохранить ни в каком случае как постоянный орган. Если оно не наше – разогнать, если наше – оно должно само себя распустить, санкционировав, декредитировав Советскую республику» [2, л. 1]. Поэтому речь на конференции шла не об участии в проведении Учредительного собрания, а вопрос ставился довольно откровенно – как его разогнать: до начала, то есть не собирая вовсе, или после того, как оно соберется.

Ломов, член МОБ РСДРП(б) и нарком юстиции советского правительства, выступавший с докладом по текущему моменту, был сторонником второй точки зрения. Он отмечал, что «парламентский принцип не соответствует нашему», а поэтому он «должен быть уничтожен» [2, л. 14]. Во главу угла должен быть поставлен классовый принцип формирования власти, которую большевики без боя никому не уступят. Но сразу разгонять Учредительное собрание нельзя, так как конституционные иллюзии «очень сильны в серой массе». Если бы не было этого сопротивления населения, то Учредительное собрание «следовало бы разогнать сразу» [2, л. 66]. А так надо дать время населению, чтобы оно убедилось в его ненужности, и подумать о том, нельзя ли заменить его съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который и примет все необходимые решения [2, л. 14].

Первую точку зрения наиболее конкретно выразил также член МОБ РСДРП(б) Стуков, который резко критиковал Ломова за соблюдение «дипломатии» в связи с высказанной им позицией о конституционных иллюзиях масс, отмечая, что в обстановке социалистической революции и диктатуры пролетариата «следует беспощадно уничтожать» эти иллюзии. Стуков считал, что социалистическая революция «оставила далеко за собой Учредительное собрание и прочие предрассудки», делая вывод: «Вопрос решается только пулеметами и штыками. ...Общенациональное представительство немыслимо при диктатуре пролетариата». При этом он подчеркивал, что допускать правых эсеров в Учредительное собрание – значит нарушать этот принцип дик-

татуры. Необходимо «сразу же разогнать» Учредительное собрание, не открывая его. И так же, как и Ломов, предлагал созвать вместо Учредительного собрания съезд Советов для декретирования вопроса о власти Совета народных комиссаров [2, л. 16, 17, 63].

Стукова поддержал ряд других участников конференции. Так, член президиума Московского областного бюро Максимовский, назвав рассуждения Ломова меньшевистскими, заявил, что никаких уступок эсерам и меньшевикам не должно быть, «наше течение основное, и остальные должны к нему примыкать» [2, л. 19]. Представитель иваново-вознесенских большевиков Балашов также был категоричен, говоря, что следует разбить все конституционные иллюзии. Учредительное собрание – это преграда для социалистической революции, и поэтому нелепо создавать парламент, который грозит отнять ее завоевания. «Изменение условий революции заставляет действовать как можно решительней. Во время революции не может быть вопроса о гуманности. Вопрос решается силой оружия», – считал он [2, л. 64]. Представитель Костромской организации Орлеанский говорил, что надо придерживаться прямой революционной тактики: не признавать Учредительного собрания, в котором большинство правых эсеров не дает положительного состава. И поскольку оно только колоссальный «тормоз», надо бороться с Учредительным собранием «путем разгона» [2, л. 17, 63]. Высказывалась и точка зрения, что в любом случае Учредительное собрание принесет «только вред». Даже если большинство в нем будут иметь большевики, то оно все равно «представляет опасность, так как возможно поправление», и его придется «сбросить впоследствии, лучше сделать это теперь» [2, л. 63].

Однако были выступления, в которых поддерживалась точка зрения Ломова, и выступавшие считали, что если Совнарком созывает Учредительное собрание, то «надо открыть его, но потом разогнать» [2, л. 64].

Несмотря на высказанные прямые и резкие оценки Учредительного собрания партии эсеров, резолюция конференции по текущему моменту была весьма сглаженной. Видимо, на присутствующих повлияло обращение к ним Ломова при обсуждении резолюции, в ходе которого он указал, что нельзя в резолюции «в голой форме» говорить о необходимости изгнания социалистов-революционеров и разгона Учредительного собрания, «следует умолчать об этом из тактических соображений. В процессе борьбы может появиться этот лозунг, но пока еще не время выставлять его» [2, л. 67].

Подавляющим большинством голосов была принята резолюция, в которой говорилось, что в условиях настоящей революции всякое представительство, организованное по общенациональному принципу, не может быть истинным выразителем воли народа. Обеспечить развитие и укрепление революции может только представительство, организованное по классовому признаку, – это представительство Советов. Поэтому Учредительное собрание, организованное по общенациональному принципу, не способно разрешить задач, поставленных перед революцией. Партия пролетариата, всемерно отстаивая Советскую республику, должна беспощадно разбивать все иллюзии, связанные с Учредительным собранием и другими парламентскими формами, добиваться недопущения в него кадетов как идейных руководителей буржуазных восстаний, «не останавливаться ни перед какими мерами в борьбе с попытками тех или иных групп использовать Учр. собр. в целях контрреволюции» [2, л. 149].

Весьма интересным является вопрос об отношении к Учредительному собранию Ленина. В нашей исторической науке этот вопрос, как правило, поднимался мало. Однако можно вполне определенно говорить, что Ленин разделял многое из того, что говорилось на Московской конференции, о которой шла речь выше.

Он также считал, что для революции социалистической «необходимы не так называемые "общенародные" учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс». Поэтому ход самой революции изжил этот парламентаризм и создал Советскую республику как форму диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства [24, с. 232]. Ленин ясно понимал, что сам состав Учредительного собрания, где большинство имели правые эсеры, не даст возможности большевикам провести свои решения. Отсюда и убежденность Ленина в том, что Учредительное собрание необходимо распустить. При этом он особо подчеркивал, что всякая попытка «рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и Гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии». Он предостерегал «всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма», не умевшие оценить октябрьское восстание и задачи диктатуры пролетариата [25, с. 166].

Это предостережение делалось не случайно, так как не все большевики разделяли точку зрения Ленина. Так, противоположную ей,

а значит, и линии ЦК, точку зрения занимало временное бюро большевистской фракции в Учредительном собрании, которое предлагало отказаться от контроля за созывом собрания. 11 декабря вопрос о временном бюро фракции рассматривался на заседании ЦК РСДРП(б). Ленин, выступая, предложил сместить бюро фракции, изложить отношение фракции ЦК к Учредительному собранию в виде тезисов, составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений, назначить члена ЦК для руководства фракцией, выработать устав фракции [26, с. 160].

Лениным же был подготовлен проект резолюции о временном бюро фракции большевиков в Учредительном собрании, в котором говорилось, что бюро проявило бездеятельность по отношению к своей главной задаче – выработке принципиальной резолюции об отношении большевистской партии к Учредительному собранию. Отмечалось, что члены временного бюро обнаружили буржуазно-демократическую точку зрения на Учредительное собрание, вне учета реальных условий классовой борьбы и Гражданской войны, и предлагалось сместить временное бюро и выбрать новое [27, с. 161].

12 декабря состоялось собрание фракции большевиков, на котором с тезисами об Учредительном собрании выступил Ленин. Все ленинские положения были фракцией приняты.

Весьма откровенно об отношении Ленина к Учредительному собранию говорит Троцкий в своей книге «К истории русской революции». Он пишет, что вопрос об Учредительном собрании Ленин поставил в первые же дни, если не часы после октябрьского переворота, предлагая отсрочить собрание. На возражения о том, что отсрочка будет воспринята как ликвидация Учредительного собрания, что большевики сами обвиняли Временное правительство в оттягивании сроков, Ленин высказывал опасения, что собрание может оказаться «кадетски-меньшевистски-эсеровским». Со своей позицией Ленин оказался в одиночестве, но, когда после выборов выяснилось, что большевики будут в меньшинстве, даже с левыми эсерами, им было принять однозначное решение – «разогнать Учредительное собрание». Подготовку к этому он вел очень тщательно, продумывая все детали, большевистские депутаты собрания были «под нажимом Ленина и руководством Свердлова» распределены по воинским частям, фабрикам, заводам и «составляли важный элемент в организационном аппарате "дополнительной революции" 5 января» [39, с. 206–207].

Между тем уже в конце ноября в Петрограде начали усиленно говорить о том, что большевиками готовится разгон Учредительного собрания. Эсеры отмечали, что эти слухи среди солдат гарнизона «вызывают возбуждение и отрицательное отношение» [3, л. 56]. Слухи эти приобрели свое определенное подтверждение в связи с прибытием в столицу латышских стрелков. В связи с этим «появились предположения, что латышские стрелки вызваны в Петроград с целью содействовать разгону Учредительного собрания» [3, л. 112].

На Петроградской военной конференции партии социалистов-революционеров, состоявшейся 17 декабря, среди ее участников был проведен опрос с целью выяснить отношение воинских частей к разгону Учредительного собрания. Он показал, что подавляющее большинство частей, за исключением 2–3, да и то под знаком вопроса, на разгон Учредительного собрания не пойдут [3, л. 179–186].

Поэтому появление латышских стрелков в Петрограде в немалой степени, видимо было вызвано определенной позицией столичного гарнизона, о которой, безусловно, знали и большевики. Троцкий также прямо говорит об этом: «Ленин распорядился, между прочим, о доставке в Петроград одного из латышских полков, наиболее рабочего по составу. "Мужик может колебнуться в случае чего, – говорил он, – тут нужна пролетарская решимость" [39, с. 207].

В декабре прошли обыски на квартире лидера эсеров Чернова, аресты некоторых социалистов-революционеров в Москве и других городах. 16 декабря был арестован также и один из видных деятелей эсеровской партии Авксентьев, бывший председатель Временного совета Российской Республики и член Учредительного собрания. Фракция правых эсеров этого собрания расценила его арест как «первый шаг к ликвидации Учредительного собрания» [16].

20 декабря на заседании фракции правых эсеров – членов Учредительного собрания было принято воззвание ко всем Советам крестьянских депутатов, думах, земствам, партийным организациям, редакциям, в котором большевиков обвиняли в заговоре против Учредительного собрания. Сообщалось об аресте среди членов Учредительного собрания и в особенности фракции правых эсеров. Информировав об этом своих избирателей, фракция отмечала, что, несмотря ни на что, откроет Учредительное собрание в ближайшие дни, и призвала всех на поддержку и защиту «в борьбе за народовластие, землю, волю и мир» [17].

Рабочая группа правозесеровской фракции Учредительного собрания также обратилась непосредственно к рабочим Петрограда с при-

званием не допустить насилия над членами Учредительного собрания, защитить его [1, л. 13].

31 декабря 1917 года в своем бюллетене фракция правых эсеров – членов Учредительного собрания писала в обращении ко всем гражданам, что над Учредительным собранием нависла «смертельная опасность», и призывала их «грудью стать на его защиту» [1, л. 9].

Вне всякого сомнения, значительная часть населения страны, и, прежде всего крестьянство, видела в Учредительном собрании высший орган государственной власти, возлагала на него большие надежды и выступала в его защиту.

Накануне Учредительного собрания, 4 января 1918 года, в «Правде» и «Известиях ЦИК» было опубликовано написанное Лениным постановление ВЦИК, в котором говорилось, что власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. «Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы» [28, с. 266].

В этот же день были образованы Военный штаб и Чрезвычайный комитет по охране города.

Учредительное собрание начало работу в соответствии с постановлением Совнаркома 5 января 1918 года в Петрограде.

Здание Таврического дворца, где оно проходило, тщательно охранялось, но, несмотря на это, в зале присутствовали не только депутаты. Балконы, двери, проходы были заполнены солдатами, матросами и красногвардейцами. Они, как впоследствии писал лидер эсеров Чернов, избранный председателем собрания, кричали, пронзительно свистели, топали ногами, целились из винтовок и револьверов в неудобных ораторов. По мнению Чернова, это делалось, чтобы «инсценировать «народное сочувствие» большевикам» [6, л. 103–104].

Открывавшего собрание старейшего по возрасту из всех депутатов эсера Швецова отстранил появившийся на трибуне Свердлов и предложил депутатам принять написанную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Вне всякого сомнения, данный состав Учредительного собрания одобрить эту декларацию не мог. Этим он признавал бы не только законность большевистской власти и декреты, принятые Совнаркомом, против чего выступали

эсеры и другие партии, но и санкционировал бы роспуск Учредительного собрания. Поскольку в Декларации было четко записано: «Поддерживая советскую власть и декреты Совета народных комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества» [29, с. 223].

Предложение Свердлова об обсуждении Декларации большинством собрания было отклонено, и начались прения по подготовленным эсерами законопроектам о земле и мире. Во время перерыва, которого потребовали большевики и левые эсеры для совещаний по фракциям, Ленин выступил на заседании большевистской фракции с предложением огласить перед депутатами Учредительного собрания написанную им Декларацию фракции большевиков и покинуть Учредительное собрание. Фракция приняла это предложение.

В Декларации, которую зачитал большевик Раскольников, констатировался отказ большинства Учредительного собрания признать советскую власть. Далее говорилось, что партия правых эсеров, получив большинство в собрании по устаревшим партийным спискам, которые выражают вчерашний день революции, и называя себя социалистической и революционной, на деле является партией буржуазной и контрреволюционной. Обещая на словах все и вся народу, что показали и прения в Учредительном собрании, – отмечалось в Декларации, на деле партия правых эсеров решила бороться против советской власти. Поэтому, не желая «прикрывать преступления врагов народа», большевики заявляли о своем уходе с Учредительного собрания и передаче окончательного решения вопроса об отношении к контрреволюционной части собрания советской власти [30, с. 227–228].

После ухода большевиков левые эсеры, которые колебались в отношении Учредительного собрания, предложили проголосовать вопрос об отношении к мирной политике, проводимой советской властью. Большинство Учредительного собрания не поддержало это предложение, и левые эсеры также покинули зал. Затем наркомом по морским делам Дыбенко, отвечавшим за охрану Таврического дворца, был отдан приказ караулу закрыть заседание Учредительного собрания.

6 января Совнарком принял декрет о роспуске Учредительного собрания, а в ночь с 6 на 7 января ВЦИК утвердил его.

В нашей исторической науке до последнего времени роспуск Учредительного собрания трактовался учеными-историками как вынужденная мера, к которой прибегли большевики после того, как оно

оказалось неспособным принять декреты советской власти. Однако, на наш взгляд, судьба Учредительного собрания была решена задолго до начала его работы.

В день открытия Учредительного собрания, 5 января, в городах России прошли демонстрации, митинги в его поддержку.

В Петрограде в день открытия Учредительного собрания проходила многотысячная демонстрация в его поддержку, в которой принимали участие различные слои населения: солдаты, матросы, служащие, учащиеся, рабочие. Она носила мирный характер. Демонстранты шли с красными знаменами, лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!» и пением революционных песен. Однако демонстрация была большевиками расстреляна [6, л. 103–104]. По различным оценкам, в этот день погибло от 8 до 21 человека [20, с. 59]. А всего убитых вместе с ранеными насчитывалось около 100 человек [33, с. 104].

Сами большевики отрицали факт расстрела демонстрации. В обращении «Ко всему населению Петрограда» исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов писал, что эти слухи распространяют враги народа, контрреволюционеры и саботажники. Заявлялось, «что уже установлено, что имели место провокационные выстрелы в рабочих, солдат и матросов, охранявших порядок в столице» [19].

ЦК партий социалистов-революционеров, РСДРП (объединенной), народных социалистов обратились с воззванием к рабочим и всем гражданам, в котором осуждались расстрел большевиками безоружной демонстрации, разгон Учредительного собрания. Все это рассматривалось как попытка укрепить власть совета народных Комиссаров. Рабочие, крестьяне и все граждане призывались продолжать борьбу «за полное народовластие против произвола и насилия одной партии» [19].

В газете «Дело народа» фракция правых эсеров – членов Учредительного собрания писала: «Расстреляна воля народов земли русской, брошены в грязь ее мечты и надежды» [15].

Ленин, по словам Троцкого, говорил ему по поводу разгона Учредительного собрания: «Конечно, было очень рискованно с нашей стороны, что мы не отложили созыва, очень, очень неосторожно. Но, в конце концов, вышло лучше. Разгон Учредительного собрания Советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твердый». «Так, – писал Троцкий, – теоретическое обобщение шло рука об руку с применением латышского стрелкового полка» [39, с. 208]. И делал

вывод: «Дальнейшее победоносное развитие пролетарской революции после открытого, явного, грубого разгона Учредительного собрания нанесло формальной демократии тот благодетельный удар, от которого ей уже не подняться никогда» [39, с. 209].

Таким образом, эсеры стремились путем Учредительного собрания примирить российское общество, увести его от гражданской войны, сосредоточить основное внимание на интересах подавляющего большинства населения России. Большевики таких путей примирения не видели. Ленин, выступая во ВЦИКе с речью о роспуске Учредительного собрания, с иронией говорил об эсере Чернове и меньшевике Церетели, – которые продолжают «нудно ныть о прекращении гражданской войны». И подчеркивал, что «пока существует Каледин и под лозунгом "вся власть Учредительному собранию" скрывается лозунг "долой советскую власть", мы гражданской войны не избежим, ибо ни за что на свете Советской власти не отдадим!» [31, с. 242].

Разгон Учредительного собрания разрушил возлагавшиеся на него надежды большей части населения России, углубил политическую конфронтацию, способствовал дальнейшему расколу российского общества на две враждебные группировки, окончательно похоронил возможность мирного развития последующих событий, и во многом привел спустя несколько месяцев страну к началу общероссийской, широкомасштабной Гражданской войны.

Источники и литература

1. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф.1861. Оп. 1. Д. 4.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 60. Оп. 1. Д. 6.
3. РГАСПИ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 15.
4. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 13.
5. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 15.
6. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 40.
7. РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1.
8. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6.
9. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 168.
10. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 42.
11. Владимирская жизнь. Владимир, 1917. 25 ноября.
12. Владимирская жизнь. Владимир, 1917. 29 ноября.
13. Владимирская жизнь. Владимир, 1917. 30 ноября.
14. Владимирская жизнь. Владимир, 1917. 2 декабря.

15. Дело народа: Орган ЦК партии социалистов-революционеров. 1918. 16 января.
16. Земля и Воля. Тула, 1917. 2 декабря, 14 декабря.
17. Земля и Воля. Тула, 1917. 23 декабря.
18. Знамя труда: Орган ЦК партии левых социалистов-революционеров. Петроград, 1917. 30 ноября.
19. Знамя труда. Петроград, 1917. 7 января.
20. История Отечества (Краткий очерк, выпуск I). М.: О-во «Знание» РФ, 1992.
21. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 40.
22. Ленин В.И. Речь по вопросу об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35.
23. Ленин В.И. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции // Полн. собр. соч. Т. 35.
24. Ленин В.И. Проект декрета о роспуске Учредительного собрания // Полн. собр. соч. Т. 35.
25. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35.
26. Ленин В.И. Речь на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) декабря 1917 г. Протокольная запись // Полн. собр. соч. Т. 35.
27. Ленин В.И. Проект резолюции о временном бюро фракции большевиков в Учредительном собрании // Полн. собр. соч. Т. 35.
28. Ленин В.И. Постановление ВЦИК 3 (16) января 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35.
29. Ленин В.И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Полн. собр. соч. Т. 35.
30. Ленин В.И. Декларация фракции РСДРП (большевиков), оглашенная на заседании Учредительного собрания 5 (18) января 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35.
31. Ленин В.И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35.
32. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005.
33. Наше Отечество. Опыт политической истории. М.: Терра, 1991. Т. 2.
34. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.
35. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997.
36. Протасов Л.Г. Депутаты Учредительного собрания: проблемы идентификации // Отечественная история. 2008. № 2. С. 38–47.
37. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008.
38. Спирин Л.М. Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987.
39. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.

Вопросы и задания

1. Как мы можем оценить итоги выборов в Учредительное собрание?
2. Какие дискуссии в партии большевиков вызвал вопрос о созыве Собрания? Какие меры готовились, чтобы не допустить его?
3. В чем заключалась миссия Учредительного собрания для России? Как повлиял его разгон на становление новой государственности?

Д. О. Чураков

РАБОЧИЙ ПРОТЕСТ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1918–1999 гг.): ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, УРОКИ

В рамках преподавания дисциплины «История самоуправления в России» приобретает определенную значимость изучение форм самоорганизации, имеющих не только конструктивную направленность, но и дезинтеграционную. В этом ключе могут быть рассмотрены, например, различные формы протестных выступлений. С одной стороны, они могут способствовать активизации диалога между обществом и властью в тех случаях, когда между ними образуются слишком существенные разрывы и власть перестает прислушиваться к требованиям рядовых граждан. Кроме того, протестные выступления могут приводить к институционализации новых форм самоуправления, более отвечающих задачам текущего момента. С другой стороны, протестные выступления способны еще больше накалить ситуацию в обществе, сорвать устремления к социальному компромиссу и партнерству, способствовать усугублению экономических трудностей. Поэтому столь важно проследить динамику протеста, в частности, рабочего на протяжении всей постреволюционной истории, выявить основные его формы, закономерности развития, результаты, а также изучить методы снижения общественной напряженности и разрушительного радикализма в нем.

Изучение рабочего движения в нашей стране имеет важное научное и практическое значение. Насколько полно данная проблематика нашла отражение в новейшей научной литературе?

Исследования в области истории русских рабочих дореволюционного времени, включая работы по рабочему протесту, в прежние годы выходили регулярно и в большом количестве. Что же касается рабочего протеста уже эпохи строительства социализма, то советские историки

от этой тематики старались держаться подальше. Выходившие все же время от времени работы, где сообщались отдельные факты рабочего протеста, например эпохи Гражданской войны, были сильно политизированы и с научной точки зрения слабы. Фактически изучение массовых выступлений российских рабочих в послеоктябрьский период началось лишь после разрушения СССР и отказа от социалистического проекта.

К сожалению, с первых же шагов в освоении этой темы в современной отечественной историографии продолжают преобладать соображения скорее идеологического, чем научного свойства. К примеру, еще в советской историографии наметилась тенденция протестные выступления до прихода к власти большевиков и после рассматривать отдельно как явления, не связанные между собой. Выступления рабочих в период самодержавия и Временного правительства изображались как результат роста сознательности рабочих, их организованности. Выступления, которые происходят уже в период советской власти, наоборот, преподносились как результат деятельности контрреволюции.

Похожая картина складывается и при изучении протестных выступлений, в том числе рабочего протеста 1990-х годов. Во-первых, мы видим очень слабое внимание исследователей к данной стороне современной истории. Во-вторых, никуда не исчезает политическая заданность некоторых публикаций по этой проблеме. В результате в оценке рабочих выступлений ельцинского времени также наблюдается определенная дуалистичность. Так, забастовки конца 80-х годов прошлого века нередко освещаются как результат роста сознательности рабочего класса под влиянием критики застоя и других пороков советской системы. А вот массовые протесты 90-х годов XX века, направленные уже против либерального курса российской власти, подчас изображаются как результат ложной пропаганды со стороны оппозиции.

Тем самым, несмотря на определенные попытки создания научной картины рабочего протеста 1918–1999 гг., данная задача все еще полностью не решена. А в последние годы интерес к ней еще и заметно охладел. В этой связи представляется важным продолжить изучение причин данного явления, тенденций и результатов его развития. Сопоставив специфические черты рабочего протеста на разных этапах отечественной истории XX века, попытаемся выявить его базовые закономерности. Лишь взгляд на рабочий протест как на изменяющийся во времени процесс позволяет включить его в контекст научного освоения прошлого страны.

Источники по истории рабочего протеста интересующего нас времени разнообразны, но все еще редко вводятся в научный оборот. Особенно активно печатались материалы по протестному движению периода Гражданской войны [2]. Гораздо слабее представлены документы, отразившие рабочий протест в последующие периоды советской истории [9]. Определенные сложности стоят перед исследователями рабочего протеста в современной Российской Федерации. Здесь на помощь исследователю, помимо архивов, приходят разрозненные публикации в прессе.

Можно ли говорить, что рабочее движение в нашей стране в разные годы представляло собой нечто неизменное или же, как и другие исторические процессы, оно меняло свой облик?

Становление рабочего протеста в советский и ранний (горбачевско-ельцинский) постсоветский период прошло ряд этапов.

На какие годы приходится первый этап развития рабочего протеста в советской России?

Начальный период развития рабочего протеста после Октября 1917 года приходится на месяцы, когда шло становление советского режима и большевики осуществляли свои первые мероприятия во внутренней и внешней политике в качестве правящей партии. Начало этого периода естественным образом совпадает с моментом установления советской власти в Петрограде, а его завершение приходится на лето 1918 года, то есть на время, когда интервенция стран Антанты становится по-настоящему широкой, когда идет формирование регулярных фронтов Гражданской войны, разворачиваются процессы огосударствления промышленности и рабочих организаций. Специфика этого этапа в развитии рабочего протеста обуславливалась многими факторами, но, прежде всего, непредопределенностью будущего социального, политического и экономического устройства страны, слабостью центральной большевистской власти. Кроме того, в этот период еще сохранялась известная независимость рабочих организаций, существовали рабочие организации, оппозиционные большевикам.

Самоустановление советской власти во многом связано с развитием осенью 1917 года широкого рабочего движения. Конечно, победа революции в Петрограде должна была как-то повлиять и повлияла на последующее поведение рабочих. Вместе с тем установление советской власти не могло переломить ситуацию в рабочих кварталах в один момент. На протяжении всех предшествующих месяцев (что называется – «от февраля к октябрю») господствовала тенденция обострения

социальных конфликтов, тенденция нарастания рабочего протеста. Одними лозунгами и благими пожеланиями усмирить разбушевавшуюся стихию было невозможно.

Первые недели после Октября были наполнены трудовыми конфликтами между рабочими и предпринимателями. Помимо этого, непосредственно в октябре 1917 года большевики столкнулись с отдельными выступлениями рабочих, вызванными уже их собственными управленческими решениями. Наибольший масштаб в октябре – начале ноября 1917 года приобрели конфликты вокруг формирования однородного социалистического правительства, а также вокруг принятия декрета о закрытии оппозиционной печати. Обычно этот конфликт связывают с позицией руководящих органов профсоюза железнодорожников. Вместе с тем в конфликт были втянуты и другие профсоюзы.

Уже в эти дни, то есть с момента прихода к власти, большевикам пришлось иметь дело с самыми разнообразными формами рабочего протеста, имевшими разную природу и разную направленность, но одинаково угрожавшими общественной стабильности и экономическому развитию. В дальнейшем большевикам удалось временно нормализовать положение в рабочей среде. Протесты, направленные против отдельных мероприятий советской власти, были смягчены решительной социальной политикой и готовностью революционных властей к диалогу с рабочими. Протесты, направленные против прежних владельцев, удалось локализовать, подчинить юридическим формальностям, направить в выгодное большевикам русло, когда экономические потери определенным образом компенсировались в политической и социальной сферах.

Однако даже эти первые успехи большевиков в рабочем вопросе не могли устранить все причины, порождающие рабочий протест. Наиболее напряженно на этом первом этапе развития послеоктябрьского рабочего протеста ситуация складывалась весной – летом 1918 года. В эти месяцы размах рабочего протеста был вполне сопоставим с тем, что наблюдалось в январе – феврале 1917 года накануне Февральской революции. Численность рабочих, втянутых в эти месяцы в различные формы массового протеста, может быть определена пока только приблизительно, но, по всей видимости, она колебалась от 100 тыс. до 300 тыс. человек. И хотя политически рабочий протест этого времени не был однозначно антисоветским или даже антибольшевистским, он создавал для большевиков реальную угрозу. Летом в ряде городов,

прежде всего на Урале, происходит несколько крупных заводских восстаний. Угроза вооруженных беспорядков возникает даже в Петрограде. По мере разрастания конфликтов усиливается организованность, появляются силы, стремящиеся использовать рабочий протест в своих политических целях. С критической ситуацией большевикам удалось справиться только после начала Гражданской войны и крупномасштабной национализации – в новых условиях рабочие поддержали большевиков с большей готовностью.

То есть первый этап рабочего движения в условиях «государства рабочих и крестьян» приходится на время его зарождения? Удалось ли в дальнейшем преодолеть возникавшее непонимание?

В целом удалось, но далеко не в полной мере. Следующий этап становления рабочего протеста в Советской России связан с эпохой военного коммунизма. В период интервенции и Гражданской войны единого рабочего движения в нашей стране фактически не существовало, так как на ее территории находилось несколько конкурирующих правительств. Их политика, в том числе в рабочем вопросе, имела существенные различия. Тем не менее протестные выступления рабочих вспыхивали в это время как на территориях, подконтрольных большевикам, так и на территориях, управлявшихся антибольшевистскими режимами. В контексте нашего исследования особый интерес представляет развитие рабочего протеста против советской власти. В годы военного коммунизма самостоятельность рабочих организаций была резко ограничена. Массовые стихийные протесты рабочих большевиками воспринимались как следствие усилий контрреволюционеров разных мастей и решительно пресекались.

С конца 1918 года по начало 1921 года на советских территориях могут быть выделены несколько всплесков рабочего протеста. Как и в предшествующие годы, начиная по крайней мере с 1915 года, обострение трудовых конфликтов приходилось на весну – лето, что легко объяснимо усилением именно в весенние месяцы продовольственных трудностей. Первое серьезное осложнение ситуации в городах Советской России в этот период пришлось на март 1919 года. Рабочий протест весной 1919 года не может быть ограничен каким-то одним городом. Вместе с тем, как представляется, наиболее активно события развивались в Петрограде. Как показывают новейшие исследования, городские власти Петрограда к этому оказались не готовы. Поэтому протестные выступления не были пресечены сразу же. Начавшись как чисто экономические, они вскоре приобрели политический характер.

Часто у руководства стачечниками оказывались вчерашние союзники большевиков по правящей коалиции – левые эсеры. Иногда дело доходило до вооруженного подавления рабочих отрядами матросов и красноармейцев.

Однако, если окажется верным наблюдение российского историка С. В. Ярова, трудовые конфликты весной – летом 1919 года существенно отличались от аналогичных событий прошлого. Начиная со времени революции 1905 года для выступлений рабочих была свойственна повышенная, иногда запредельная, оппозиционность. Рабочий протест подрывал существующий в стране политический режим, являлся отражением его радикального неприятия низами. И хотя стачек и демонстраций в отдельные годы между двумя русскими революциями было не так уж и много, но речь идет в данном случае о неприятии со стороны рабочих отнюдь не только политического, но и экономического, и социального укладов, существовавших в стране. В 1919 году, рабочий протест в целом вписывался в систему новых общественных отношений. Хотя выступления рабочих наносили некоторый ущерб экономике и престижу властей, они уже не были направлены на радикальное отрицание существующих политических институтов и социальных отношений. Рабочие протестовали против отдельных несправедливостей и злоупотреблений, но, как правило, не против советской власти как таковой [10, с. 46–47].

Эта тенденция получила свое закрепление в дальнейшем. Накал весеннего недовольства рабочих в 1920 году был уже ниже, чем год назад – весной 1919 года. Падает общее количество протестных выступлений. Фактически не возникают политические требования. В целом конфликты носят непродолжительный характер. Правда, события весны 1921 года, казалось бы, перечеркивают отмеченную тенденцию. Весной 1921 года протестное движение рабочих усиливается фактически во всех регионах страны. В определенной мере можно говорить даже о некоторой политизации рабочего протестного активизма. На первый план в это время вновь выдвигаются события в Петрограде, что связано с восстанием в Кронштадте. Однако именно события весны 1921 года подтверждают произошедший перелом в характере рабочего протеста с особой наглядностью и убедительностью. Результатом произошедших изменений можно считать тот спасительный для большевиков факт, что, в отличие от многочисленных крестьянских «вандей», рабочая «Вандея» в 1921 году не состоялась.

То есть переход к НЭПу снял многие вопросы во взаимоотношениях советского режима и его социальной базы, которой считались рабочие? Или же опять какие-то проблемы сохранились?

Факты свидетельствуют о том, что и НЭП имел свои оборотные стороны в социальном плане, особенно для рабочих. Можно утверждать, что НЭП стал для многих из них временем тяжелых испытаний.

По некоторым оценкам, к началу НЭПа их численность упала в два и даже более раз. Многие заводы, фабрики, домны и шахты простаивали. Промышленность страны стагнировала. Казалось бы, если исходить из современных представлений, переход к НЭПу, к рыночным механизмам должен был открыть для рабочих «эру благополучия», «золотой век». Но этого не произошло. Переход к НЭПу, серьезно ожививший экономику страны, для рабочих подчас оборачивался новыми горькими разочарованиями. Интересные наблюдения на этот счет содержатся, например, в монографии уральского историка И. В. Нарского. О «благословенных годах НЭПа» он пишет: «При ближайшем рассмотрении будней времен "новой экономической политики" рождается образ не "золотого века", а кричаще броского костюма с ветхой и кишасей насекомыми подкладкой, шитого гнилыми нитками. Повседневная жизнь в НЭПе для большей части населения оставалась безрадостной и неудобной». Нарский отмечает нищенское положение уральских рабочих в годы НЭПа, но та же самая картина была характерна и для всей остальной Советской республики [6, с. 335 и др.].

В период революции и гражданской войны представители советской власти внушали рабочим, что победителями в революции, хозяевами страны являются именно пролетарии. Теперь же, при НЭПе, рабочие видели перед собой нарядных нэпманов и красных чиновников, разъезжающих в иностранных авто и веселящихся в коммерческих ресторанах. «За что сражались?» – задавались вопросом многие рабочие. Тем более что их собственный жизненный уровень улучшался медленно, а иногда даже ухудшался. Раньше государство снабжало рабочих всем необходимым, пусть и по ограниченным нормам. В годы военного коммунизма бесплатными были и транспорт, и жилье. Теперь же, при переходе к рынку, за все приходилось платить, а зарплата постоянно отставала от быстро растущих цен. Иногда зарплату не платили по несколько недель. Атрибутом НЭПа стала уже забытая за годы военного коммунизма безработица. К концу 1920-х годов работы не имело почти 2 млн человек [1].

Ситуация в советском обществе в годы НЭПа была чревата мощным социальным взрывом. Не случайно в годы НЭПа состоялось сотни стачек и других трудовых конфликтов. Их причины были самыми элементарными: недовольство зарплатой, ее невыплаты, грубость чиновников и мастеров. На настроения рабочих оказывало влияние положение со снабжением городов, поэтому военные ожидания могли сопровождаться брожением в рабочей среде. В годы НЭПа отмечалось преобладание конфликтов на экономической почве. Тем не менее среди причин, вызывавших недовольство рабочих, можно отметить и такие, которые носили политический характер. По своему характеру стачки и другие формы рабочего активизма периода НЭПа напоминали происходившие в России до революции. Сложной ситуацией последних лет НЭПа сумела воспользоваться группа И. В. Сталина. По целому ряду причин именно Сталину, а не левой оппозиции удалось в своих целях использовать недовольство, имевшееся у значительной части рабочих, и повернуть его против оппозиции и против НЭПа.

А как обстояло дело с рабочим протестным движением в период, который часто называют «сталинским»? Недовольство рабочих было подавлено? Или им все нравилось, и протестовать им не хотелось?

На рубеже 1920–1930-х годов, действительно, многие проблемы эпохи военного коммунизма и НЭПа остались в прошлом. Но в процессе осуществления политики ускоренного экономического развития возникли новые проблемы. Исследования, посвященные времени сталинского правления в СССР, часто отрицают существование в советском обществе каких-либо форм протеста. В свое время на таких позициях стояли советские историки, не желавшие признать, что многие решения властей отторгались населением. Сегодня наличие протестного компонента в советском обществе 1930–1950-х годов готовы отрицать некоторые представители так называемой тоталитаристской школы. Советское общество тех лет изображается ими как аморфное, полностью управляемое, не способное и не стремящееся противостоять идущему сверху диктату. Обе эти оценки следует признать устаревшими. Новейшие исследования историков разных направлений, в том числе отдельных приверженцев неототалитаристского направления, показывают, насколько сложным, неоднородным организмом было советское общество 1930–1950-х годов, насколько противоречивые процессы определяли его внутреннее состояние.

Среди этих процессов оставалось место и разнообразным формам протеста, в том числе на производстве. Даже если разнообразные

формы сопротивления и протеста в системе ГУЛАГа вывести здесь за скобки, то и тогда отношения в области трудовых отношений в 1930–1950-е годы невозможно будет представить как совершенно идеальные. Другое дело, что перелом, произошедший еще в годы военного коммунизма в характере рабочего протеста, привел к тому, что к 1930-м годам выступления рабочих уже не являлись чем-то таким, что могло серьезно поколебать существовавший в стране общественный строй. Но различные массовые выступления рабочих, в том числе с приостановкой работы, отмечались и в те годы.

Многочисленные трудовые конфликты возникали даже на «ударных стройках коммунизма», создававшихся и воспринимавшихся как «витрина» советской экономики.

Как пишет Е. А. Осокина, один из современных историков, специализирующихся на вопросах социальной истории 1920–1930-х годов, обобщающих данных о масштабах массовых выступлений рабочих в 30-е годы XX века не существует. Однако и в архиве экономики, и в архиве ФСБ, а также, вероятно, и в местных архивах имеется немало разрозненных сведений о трудовых конфликтах эпохи первых пятилеток. Осокина, например, приводит следующие данные: на Урале в первом квартале 1932 года произошло 10 забастовок, в апреле – еще 7, их причиной стало плохое снабжение. Крупнейшей из них стало выступление Воткинского завода. В стачке на этом заводе приняло участие 580 человек. Чрезвычайно крупные беспорядки вспыхивали на текстильных предприятиях Тейкова и Вычуги Ивановской области в апреле 1932 и феврале 1933 года. Плохое снабжение стало причиной стачек, «волюнок» и даже демонстраций в Донбассе, Нижегородском крае и других районах страны [7, с. 126].

Иногда протестные выступления рабочих приобретали массовый характер, как это было, например, в первые месяцы Великой Отечественной войны. Документы о положении рабочего класса в то время показывают, что многие промышленные центры оказались в эпицентре серьезных стихийных рабочих протестов. Нередко эти протесты сопровождались насилием, а также имели реальный политический компонент. Подобные события могут быть отмечены не только в провинции, скажем, среди ткачих Иванова, но и в Москве, где рабочие приняли участие в беспорядках в середине октября 1941 года, вызванных слухами о возможной сдаче столицы врагу. Так, в справке начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М. И. Журавлева «О реагировании населения на приближение врага к столице» за 18 октября

1941 года отмечалось: «Группа лиц из числа рабочих завода № 219 (Балашихинский район) 16.X.с.г. напала на проезжавшие по шоссе Энтузиастов автомашины с эвакуированными из г. Москвы и начала захватывать вещи эвакуированных...» Далее в справке говорилось: «16.X.с.г. в 7 часов утра рабочие колбасного завода Московского мясокомбината им. Микояна, уходя из цехов в отпуск, растащили до 5 т колбасных изделий. Беспорядки были прекращены с помощью партактива, сторожевой охраны комбината и бойцов истребительного батальона...» В справке содержались сведения по заводу «Точизмеритель» им. Молотова, Реутовской текстильной фабрике и целому ряду других предприятий Москвы, а также Московской области [5, с. 116, 117 и др.].

А какой климат в рабочем движении складывался после прихода к власти нового руководства в послесталинский период?

Последовавшая после смерти Сталина частичная либерализация советского режима изменила процессы, протекавшие в рабочей среде. Этот период советской истории в настоящее время является наименее изученным, но картина рабочего протеста в эти годы, тем не менее, в общих чертах подлежит первичной реконструкции. Первое, что обращает на себя внимание, это всплеск протестных выступлений, который приходится на конец 1950-х – начало 1960-х годов [3]. По размаху протестный активизм рабочих в эти годы в определенной степени сопоставим с тем, что наблюдалось в годы НЭПа. С другой стороны, ответ властей на массовые выступления рабочих в эти годы становится гораздо более суровым, нежели даже в последние годы сталинского правления. Как правило, выступления рабочих при Н.С. Хрущеве носили экономический характер. Отдельные выступления с политическими лозунгами представляют редкое исключение. Тем не менее практически любой протест тогдашнее советское руководство было склонно рассматривать как антисоветские происки и принимало «соответствующие меры» против «смутьянов».

В ряду конфликтов того времени на первое место, естественно, выдвигаются события в Новочеркасске. Но повышенной остротой отличались и другие конфликты тех лет. Многим из них характерна резкая эскалация насилия как со стороны протестующих, так и со стороны властей. Многие трудовые конфликты в это время перерастали в погромы и бунтарские выступления. И это роднит рабочий протест конца 1950-х – начала 1960-х годов уже не со временем НЭПа, а со временем военного коммунизма. Хотя это мало вписывается в современные представления о «блаженной» «либеральной заводи»

времен «оттепели», на практике центральные и региональные власти в конце 1950-х – начале 1960-х годов находили лишь одно средство борьбы с беспорядками – насилие. Очень часто это насилие было вооруженным, как в том же Новочеркасске, Темиртау, Тбилиси и других промышленных центрах. Причем события 1962 года в Новочеркасске по несоразмерности примененных властями мер подавления выглядят уникальными во всей советской истории. После того как в конце 1964 года курс на либерализацию был пересмотрен, происходит стабилизация советского режима. Под аккомпанементы пропагандистских заявлений о построении в СССР «развитого социализма» и неотреционалистской риторики намечается ощутимый спад рабочего протеста. Вместе с тем трудно согласиться с выводами исследователей, пишущих о «полном штиле» в плане массовых протестов в годы «брежневского застоя». Эти выводы строятся на неполных данных, предоставленных КГБ партийному руководству в начале периода «горбачевской перестройки». В них, кроме того, отражены только крупные выступления, да и то далеко не все. Однако наиболее распространенными в 1960–1980-е годы были локальные формы протеста, микропротесты, когда в трудовые и другие конфликты втягивалось незначительное количество участников.

Сведения о подобного рода фактах социальной активности трудящихся отрывочны, но они позволяют предполагать, что и в годы так называемого застоя рабочий протест носил сложную природу. Исследователи не пришли пока к единому выводу, являются ли формой массового протеста кражи с производства, но, во всяком случае, они явно свидетельствовали о неблагополучии в сфере отношений на производстве. Наверно, каждый, кто жил в это время, помнит, какое большое распространение получило среди наемных работников разочарование в официальных рабочих организациях, прежде всего в профсоюзах и партии. Массовым стало уклонение от участия в проводимых ими мероприятиях, партийных и профсоюзных собраниях. Определенное распространение в эти годы получает такая форма протеста, как письма в газеты и партийные инстанции. В ряде случаев можно говорить о стихийном кратковременном прекращении работ. Словом, хотя к детальным исследованиям рабочего протеста в 1960–1980-е годы еще только предстоит перейти, нет никаких оснований считать эти годы абсолютно бесконфликтными.

Парадоксально, но факт – прерваться традиции рабочего протеста в годы стабилизации советского режима не давала официальная про-

паганда. Ведя свое происхождение от революционной партии большевиков, КПСС по традиции через все идеологические органы, искусство и телевидение пропагандировала опыт и традиции рабочего протеста революционной эпохи. Нередко этот опыт, полученный посредством школы, кино, агитпропа, играл важную роль в организации массовых выступлений. Так было, в частности, в период Новочеркасска. Но так было и потом, когда начатая М. С. Горбачевым очередная волна либерализации советской системы стала порождать новую волну протестного активизма рабочих. Можно утверждать, что стачки шахтеров конца 1980-х годов, другие массовые рабочие протесты того времени опирались на крепкий опыт стачечной борьбы. Но у большинства рабочих это был не личный опыт, а опыт, сформированный учебниками по истории, историческими фильмами и художественной литературой. Организаторы стачек той поры, видимо, понимали это и активно использовали феномен «книжной памяти». Вероятно, именно в этом, а вовсе не в разорванности традиций рабочей борьбы за свои права как таковой, следует искать причину марионеточного характера рабочего протеста последних лет перестройки. Следуя «искусственным» стереотипам, возникшим в совершенно иных исторических условиях, рабочие стали тараном, разрушившим последние остатки советского строя. После того как рабочий протест сделал свое дело, он очень быстро идет на спад, и новейшая история собственно российских реформ начинается в условиях полной пассивности рабочего движения.

Но вот заканчивается советская эпоха. Идет социальное расслоение. Возникают группы людей с чрезвычайно высоким достатком. Рабочие, похоже, к ним совершенно не относятся. Происходят ли протестные выступления в последнее постсоветское десятилетие XX века? Отличались ли они принципиально от тех явлений, о которых говорилось выше?

Надо признать, что 90-е годы прошлого века действительно отмечены рабочими протестными выступлениями. Современный рабочий протест, несмотря на свою молодость, уже успел стать объектом активного изучения. Современная эпоха дала такие новые формы рабочего протеста, как стачкомы, массовые голодовки, марши протеста на столу. И, конечно же, в общественное сознание того времени прочно вошло новое значение такого понятия, как «рельсовая война», которое стало означать не закладку мин партизанами на оккупированных врагом территориях, а массовые перекрытия железных дорог протестующими шахтерами.

Исследователям удалось показать, что развитие протестных настроений в среде наемных работников в последние годы прошло несколько этапов. Если в начале 90-х годов прошлого XX века рабочий протест был явлением, фактически незаметным в масштабах российской политики, то к концу десятилетия реформ он заметно оживился. Вместе с тем, следует отметить одно важное обстоятельство: в отличие от конца 1980-х годов, массовые выступления рабочих и других людей, живущих на зарплату, на протяжении всех 90-х годов XX века носили не политический, а преимущественно экономический характер. Политические требования, конечно, время от времени выдвигались. Но принципиальность постановки политических вопросов во время рабочих протестов вызывает большие сомнения. Как только оказывались в самом минимальном объеме выполнены экономические требования, политические сразу же забывались. Очевидно, это девальвировало и само протестное движение ельцинского времени, и его воздействие на формирование курса, проводившегося тогда. И поэтому не приходится удивляться, что конец XX века завершился для России периодом очередного глубокого спада рабочего протестного движения.

Итак, рабочий протест в XX веке: от Октября до Путина. Какие же этапы, ступени его развития мы можем выделить?

Проделанный выше обзор развития рабочего протеста от Октября 1917 года до конца XX века позволяет выделить следующие его периоды:

1. Период возникновения и первых преобразований советской власти (осень 1917 г. – лето 1918 г.).
2. Период военного коммунизма (и Гражданской войны) (1918–1921 гг.).
3. Период новой экономической политики (1921–1928 гг.).
4. Период строительства мобилизационной экономики (1929 – середина 1950-х гг.).
5. Период первого кризиса советского проекта (середина 1950-х – начало 1960-х гг.).
6. Период стабилизации советского строя (конец 1960-х – начало 1980-х годов);
7. Период слома советского строя (вторая половина 1980-х гг.);
8. Период становления в современной Российской Федерации постсоветской политико-экономической системы (1990-е гг.).

Характер каждого последующего периода в той или иной мере предопределялся развитием протестного движения рабочих в предшест-

вующий период. Более того, определенная преемственность и общие черты могут быть выделены и в более длительной перспективе, а именно между дооктябрьским и послеоктябрьским развитием протестного рабочего движения. Это позволяет предположить, что на протяжении всего XX века тенденции развития рабочего протеста определялись одними и теми же или близкими по своей природе закономерностями и причинами. Разумеется, для более точного анализа в дальнейшем потребуются более внимательное рассмотрение каждого из названных периодов, анализ существовавших внутри них различных подпериодов, изучение протестного активизма рабочих разных возрастных и профессиональных групп, разных регионов страны и т. д. Но некоторые обобщающие наблюдения можно привести уже сейчас.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что активизация выступлений рабочих необязательно связана с изменениями их материального уровня. Наоборот, в некоторых случаях падение жизненного уровня рабочих могло по времени совпасть со спадом их протестного активизма. Такая ситуация характерна для нескольких периодов отечественной истории, например для начала и середины 1930-х годов. В еще больших масштабах это явление характерно для некоторых этапов Гражданской войны. Гражданская война как явление сопровождалась существенным падением жизненного уровня самых разнообразных слоев населения, но таких массовых протестов, как в 1917 году, в России уже не наблюдалось. Точно так же первые годы после упразднения СССР наблюдается настоящий обвал жизненного уровня большинства населения Российской Федерации, но на некоторое время протестное движение в стране сходит почти на нет. Очевидно, что на динамику протестного активизма рабочих в разные годы оказывали влияние и другие, нематериальные, факторы. Только этим может быть объяснен приведенный выше парадокс.

Во-вторых, ситуация в протестном движении рабочих на протяжении всего XX века коррелировалась с общим положением дел в системе «гражданское общество – власть». Можно выразиться более конкретно – формы, а также степень радикализма рабочего протестного активизма в значительной степени определялись состоянием государственной власти, проводимой ею политикой. Практически все периоды ослабления государственных начал в стране сопровождались активизацией рабочего протеста. Это, к примеру, годы НЭПа, когда некоторые послабления в экономике привели к изменению роли государства в различных, часто связанных с экономикой лишь опосредованно сферах

жизни общества. Точно такая же картина наблюдалась и во время правления Хрущева, когда власть буквально растранижила свой авторитет. Аналогичным образом слабость государства подпитывала рост протестных выступлений и в годы перестройки, когда начинается разрушение прежнего механизма центральной власти.

Поясним изложенную выше закономерность конкретными примерами. Так, очевидная зависимость форм и степени радикализма протестных выступлений рабочего класса от прочности и действительности государства, от его политической линии сполна проявилась уже в первые месяцы существования большевистского режима, а именно весной – летом 1918 года. Протестное движение этого времени, хотя и было порождено общими для всей страны причинами, но в разных регионах оно развивалось в различных формах.

В частности, в Московском промышленном районе преобладали стихийные формы протеста, иногда довольно радикальные. Но широкомасштабных *вооруженных* конфликтов между рабочими и большевиками здесь не было. Что же касается организованных форм протеста рабочих Центрально-промышленного района, то здесь они развивались в основном через традиционные пролетарские организации, такие как профсоюзы, рабочая кооперация или Советы. Иная специфика рабочего протестного движения наблюдалась в Петрограде. Лицо рабочего протеста здесь определялось массовыми стачками, нередко носившими организованный характер, а так же деятельностью рабочих в рамках альтернативных пролетарских организаций – так называемых чрезвычайных конференций уполномоченных фабрик и заводов. Именно Петроград становится центром движения уполномоченных во всероссийском масштабе, отсюда на протяжении некоторого времени шла координация деятельности рабочих уполномоченных и в других городах Советской России.

Наконец, особые черты рабочего протестного движения проявляются на Урале, ставшем центром повстанчества, в том числе рабочего антибольшевистского повстанчества, высшим выражением которого можно считать знаменитое Ижевское восстание. Ижевско-Воткинское восстание можно считать крупнейшим рабочим восстанием на данном историческом этапе, да и во всей советской истории вообще. Результатом этого восстания стало свержение советской власти в одном из наиболее стратегически важных городов на востоке страны, а также трехмесячное существование режима так называемой третьей силы – сепаратистского правительства, во главе которого стояли эсеры, меньшевики и радикальное консервативное офицерство. По отношению

к рабочим повстанческие власти проводили двойственную политику популизма и террора, в результате чего вскоре сами столкнулись с поднимающимся рабочим протестом.

Чем была вызвана отмеченная неоднородность рабочего протеста в разных районах России летом 1918 года? Представляется, что различия в формах и методах рабочего протеста тех месяцев были во многом обусловлены существенными различиями в политике местных властей в области решения рабочего вопроса. Так, в Петрограде, к примеру, Г. Е. Зиновьев настолько «заформализовал» рабочие организации, сковал их бюрократизмом, что иного пути, как только попытаться создать какие-то новые формы рабочего представительства и самоуправления, у петроградских рабочих, похоже, и не оставалось. В Москве ситуация контролировалась «центристским», а по многим параметрам даже «правоцентристским» руководством большевиков. Велико здесь было и личное влияние В. И. Ленина. Ленин, в отличие от многих своих сподвижников, вождей второго ряда, не боялся маневрировать, идти на уступки, порой значительные, которые вполне допустимо было бы назвать маленькими пролетарскими «брестами». В результате конфликты между рабочими и революционным государством в Московском регионе удавалось гасить, не доводя дело до большой крови. На Урале же власть делили левые большевики, левые эсеры и максималисты. Своим радикализмом они отсекали любые возможности компромисса и подчас не оставляли протестовавшим рабочим ничего другого, как браться за оружие.

Немало материала для анализа проблемы влияния политики властей на состояние рабочего протеста дает и время правления реформаторов ельцинского призыва. Так, например, активная апелляция власти к населению, в том числе к рабочим, в начале 90-х годов XX века для легитимизации курса реформ давала свои результаты. Рабочий протест в это время носил эпизодический, неорганизованный, чаще всего умеренный характер. Но по мере падения поддержки курса реформ протестные настроения приобретали все более массовый и организованный характер, заметно радикализировались. Обычным явлением стали митинги под красными знаменами, демонстрации, пикеты, стачки протеста.

Развитие протестных настроений привело к резкому осложнению ситуации во второй половине 1990-х годов. В то время оппозиции и профсоюзам удалось провести несколько всероссийских акций протеста, в которых приняли участие миллионы людей. Так, во Всероссийской акции протеста 27 марта 1997 г., проводимой Федерацией

независимых профсоюзов России при поддержке КПРФ, «Яблоко» и других политических и общественных сил, приняло участие по данным правоохранительных органов 2 млн, а по данным организаторов акции – 20 млн человек. Вслед за рабочими в акции протеста включались другие категории наемных работников, прежде всего так называемые бюджетники. К примеру, работники сферы образования, уровень жизни которых сегодня катастрофически низок. В частности, только во Всероссийской акции протеста 20 мая 1998 г. приняло участие 576 тыс. работников образования в 58 городах страны [8]. Но стоило только власти поменять свою тактику, вернуть в арсенал своей политики популистские приемы, наконец, продемонстрировать населению неэффективность и иллюзорность официальной оппозиции, как рабочий протест резко идет на убыль.

Можно выделить и другие закономерности, общие для всех этапов развития протестного движения в нашей стране в XX веке. В частности, обращает на себя внимание решающее влияние, которое оказывает на рабочий протест культурная традиция, социальный слой, который является носителем этой культурной традиции, – интеллигенция. Формы этого влияния менялись от прямой подпольной агитации до создания киноэпопей о Максиме и других рабочих – героях революции. Менялись и результаты воздействия, его эффективность. Но политическая культура самих рабочих самым тесным образом зависела от тех элементов, которые были привнесены в его среду извне, из более культурного и образованного слоя. Обращает на себя внимание также отмечаемая на протяжении всего XX века неустойчивость форм рабочего протеста. Рабочие сохраняли способность удивительно быстро переходить от самых разрушительных форм своей борьбы к полной пассивности, и наоборот. Нельзя не сказать и о довольно специфической роли в структурировании рабочего протеста рабочих организаций, в целом о специфике рабочих организаций в нашей стране. Многих на Западе, да и не только на Западе, удивляет упорное стремление (общественных по своей сути) рабочих организаций слиться с властью, стать частью власти, стать самой властью.

И какие выводы можно сделать в завершении беседы? Какова специфика отечественного рабочего протеста? Какие, хотя бы в самом общем виде, можно сделать прогнозы на будущее?

Рассматривая динамику рабочего протеста в минувшем веке, приходишь к выводу, что на протяжении всего предшествующего времени, и даже в наши дни протестные выступления рабочих в России существ-

венно отличаются по характеру от протеста рабочих большинства других ведущих держав (а Россия остается одной из ведущих держав даже сегодня). Приходится говорить о некотором архаизме протестного движения российских рабочих. По своему характеру рабочее протестное движение в нашей стране соответствует протестному движению, возникающему на этапе перехода к современному индустриальному обществу западного типа. Соответствующие исследования проводились специалистами по рабочей истории на материалах, в частности, США и Германии. Динамика рынков труда порождает соответствующую динамику трудовых отношений, в том числе трудовых конфликтов.

Можно попытаться возразить, что для России этот вывод может быть применим только к событиям первой четверти, по крайней мере первой трети XX века. В дальнейшем СССР превратился в мощную индустриальную державу, и для него должны были действовать закономерности, определяющие динамику рабочего протеста развитых государств. Однако в действительности индустриальное развитие СССР влияло на развитие общества парадоксально. С одной стороны, на протяжении всего советского периода действительно шло сближение Советского Союза с западным миром: экономическое, культурное, цивилизационное. Отчасти именно к этому апеллировали различные теории конвергенции, указывающие на сближение двух систем, в том числе теории о возможном взаимообмене опытом между рабочим движением России и запада. Но одновременно с этим развитие СССР шло по пути реанимации и консервации некоторых элементов традиционализма. Тем самым советское общество в своей основе оставалось обществом переходного типа: так же, как в дореволюционной России, в СССР сосуществовали и почвеннические тенденции, и многочисленные заимствования. Иногда они конкурировали, иногда взаимно дополняли друг друга.

Нынешняя Российская Федерация также сохраняет множественные элементы, позволяющие говорить о ней как об обществе переходного типа. Политические деятели современной России постоянно претендуют на то, чтобы Россия была признана страной с рыночной экономикой. В их понимании это повысит престиж государства, поможет решить какие-то экономические проблемы. Однако сам по себе поворот к товарно-денежным отношениям не может перестроить человеческие отношения и психологию людей – субъектов товарно-денежных отношений. Работник в современной России все еще существует и осознает себя частицей всеобщих патерналистских связей. Но точно так же

к наемному работнику относится и работодатель, и государство. Только в патерналистской экономике зарплата может за пару лет снижаться практически в два и более раз, а резкого сокращения населения не происходит. Только в стране, где экономика является лишь периферийной сферой общественной жизни, гиперинфляция, рост безработицы и ограничение экономических прав трудящихся могут не сопровождаться ростом массового протеста.

Стоить прогнозы – это занятие не историков, а футурологов. Не станем отнимать у них хлеб. Но некоторые наблюдения и размышления все же приведем. Изучение динамики рабочего протеста в XX веке позволяет в самых общих чертах прогнозировать основные тенденции, которые будут определять лицо рабочего протеста в XXI веке, если произойдет его реанимация.

В одночасье Россия не сможет совершить резкий рывок ни к открытому обществу, ни вернуться к прерванному в прошлые десятилетия национальному развитию. И «капитализм», и «коммунизм» для большинства российских граждан по-прежнему на долгое время останутся «бродящими призраками». Соответственно, на возникновение и развитие рабочего протеста будут влиять поэтому те же факторы, что и вчера, и позавчера. Переходный характер экономики нынешней России, сохранение традиций советского периода, еще не умерших в сознании и практике большинства граждан страны, – все это будет подталкивать к определенному застою форм и природы современного рабочего протеста. Сохранятся и механизмы, которые будут либо сдерживать, либо усиливать разрастание рабочего протестного активизма.

И центральным звеном для общественной стабильности, как и прежде, останется отношение населения к власти, моральные требования к государству. В сегодняшней России это так же актуально, как и пятьдесят, и сто лет назад.

Источники и литература

1. Демографическая характеристика безработных. 1900–1930-е гг. // Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 гг. М., 2000.
2. Ижевско-Воткинское восстание / Сост. А.А. Каревский, К.А. Кулагин, Д.О. Чураков; Под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2000.
3. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.
4. Конец рабочей истории? / Под ред. Марселя ван дер Линдена. М., 1996.
5. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995.

6. Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
7. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.
8. Солидарность. 1998. № 10.
9. Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. М., 1998.
10. Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

Вопросы и задания

1. Почему после победы большевиков в Октябре 1917 года рабочие протесты не прекратились, а временами даже вновь обострялись?
2. Какие основные этапы можно выделить в развитии рабочего протеста в 1917–1999 гг.?
3. Какие требования характеризовали протестные выступления рабочих в разные годы становления советского проекта?
4. Имелись ли в рабочем протестном движении 1917–1999 гг. созидательные и разрушительные стороны? Какие наиболее опасные для стабильности общества формы мог приобретать рабочий протест в разные годы?
5. В какие организационные формы выливался протестный рабочий активизм в разные периоды советской истории?
6. В чем вы видите основные причины протестных выступлений в рабочей среде на протяжении всего периода после Революции 1917 года? Актуальны ли эти причины в наши дни?
7. Почему до сих пор рабочий протест в СССР и современной Российской Федерации относится к темам, которые изучены еще недостаточно? Какие проблемы, по вашим оценкам, историки должны осветить в самое ближайшее время?
8. Почему изучение рабочего протестного движения имело в прошлом и имеет до сих пор столь высокий уровень политизации? Как вы полагаете, это способствует или тормозит научный анализ данной тематики?

РАЗДЕЛ 2

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: СПОРЫ ИСТОРИКОВ

А. А. Зданович

Органы военной контрразведки СССР накануне войны 1940–1941 гг.

Как в предвоенный период, так и с началом Великой Отечественной войны руководство СССР придавало большое значение обеспечению безопасности Красной армии и флота от внешних и внутренних угроз в целях их поступательного развития, повышения уровня боевой готовности и эффективного применения в условиях вооруженного противостояния с потенциальными противниками.

Противодействием угрозам, нейтрализацией их негативного воздействия на советские Вооруженные силы непрерывно занимались высшие политические и военные органы управления. Однако исполнительным аппаратом в данном деле, безусловно, являлись структуры государственной безопасности, как бы они ни именовались и в какие бы ведомства ни входили на протяжении рассматриваемого периода.

Как известно, практически весь межвоенный период главным субъектом управления в сфере обеспечения безопасности армии и флота выступали органы ВЧК–НКВД, прежде всего в лице Особого отдела. Отлаженная за многие годы служба военной контрразведки начала давать серьезные сбои в годы массовых репрессий (1937–1938 гг.), когда острие ее деятельности направлялось руководством страны на поиск «подрывных элементов», шпионов и вредителей в военной среде. В ходе массовых «чисток» контингента военнослужащих страдали и ни в чем не повинные люди. Под «каток» репрессий попали и многие сотрудники особых отделов. Были арестованы по ложным обвинениям, осуждены на длительные сроки или расстреляны все сменявшие друг друга с калейдоскопической быстротой начальники Особого отдела ГУГБ НКВД СССР и руководители его структурных подразделений. К концу 1938 г. не остались на своих должностях и начальники особых отделов военных округов и флотов. Согласно статистическим данным НКВД СССР, сохранившимся в фондах Государственного архива Российской Федерации, только с 1 октября 1936 по 1 января 1938 г.

было арестовано более 1200 сотрудников системы Главного управления государственной безопасности. В это число входили и военные контрразведчики [1, л. 1]. После принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. [5, с. 607] репрессивные действия резко сократились. Однако, что касается сотрудников органов госбезопасности, то количество арестованных за нарушения «социалистической законности» даже несколько увеличилось, не говоря уже об увольнении со службы, понижении в должностях, отстранении от оперативной и следственной работы.

На основе решений Центрального Комитета ВКП(б) в органы госбезопасности, включая и особые отделы, стали направлять в массовом порядке партийных и комсомольских работников, выпускников военных училищ и академий [5, с. 617–618]. Так, после окончания Артиллерийской военной академии им. Дзержинского начальником Особого отдела приграничного Белорусского военного округа был назначен в феврале 1939 г. П. Г. Бегма. Еще один выпускник этой академии – Н. А. Осетров возглавил Особый отдел Киевского военного округа. Даже не закончив полный курс академии, М. Е. Ростомашвили стал в июле 1939 г. начальником Особого отдела Харьковского военного округа. Аналогичные должности занял еще ряд слушателей военных академий [10, с. 659, 745].

Начальником Особого отдела Орловского, а через несколько месяцев – Киевского военного округа весной 1939 г. был назначен выпускник Военно-инженерной академии РККА им. Куйбышева А. Н. Михеев. В августе 1940 г., то есть спустя всего полтора года, на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) молодой чекист возглавил всю систему военной контрразведки нашей страны [6, с. 185].

Большинство из новых назначенцев, безусловно, имели безукоризненные политические и военные характеристики – аттестации, но, к сожалению, не обладали даже минимально допустимым оперативным и следственным опытом для эффективного руководства большими коллективами в специальных службах, не владели методикой чекистской работы. Исходя из этого, отстаивать интересы военной контрразведки в общей системе принятия тех или иных решений на государственном уровне им было достаточно сложно. Особенно ощутимо это стало в ходе и после окончания советско-финляндской войны, когда зримо проявилось желание военного командования взять под свое руководство всю систему особых отделов.

Критика в адрес военной контрразведки прозвучала на заседании комиссии Главного военного совета в апреле 1940 г. в выступлении начальника Автобронетанкового управления РККА Д. Г. Павлова. Он, к примеру, констатировал, что Особый отдел НКВД СССР давал ему в ходе войны не соответствующие реальности сведения [4, с. 352]. В негативном плане упомянул агентурную работу особых отделов начальник артиллерии 8-й армии генерал-майор Н. А. Клич. Он заявил буквально следующее: «Если я соберу своих помощников и отзовусь о формах работы иностранной армии положительно, то заранее знаю, что из 10 присутствующих 9 будут писать донесения» [4, с. 355].

Сгладить ситуацию попытался начальник ВВС РККА Я. В. Смушкевич, который посчитал разговоры об особых отделах не главными при разборе состояния дел в Красной армии [4, с. 367]. Однако выступавшие за ним генералы продолжили тему об органах военной контрразведки, а также о контрпродуктивности масштабного засекречивания информации, необходимой командирам и начальникам.

Приводя фрагменты выступлений участников совещания комиссии Главного военного совета, следует подчеркнуть, что ни одного доклада от имени органов НКВД на нем не прозвучало. И это при том, что в эти же дни (14–17 апреля 1940 г. – А. 3.) на прошедшем при ЦК ВКП(б) совещании по обобщению опыта боевых действий с Финляндией присутствовало 17 представителей Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, включая начальника Особого отдела В. М. Бочкова, трех его заместителей и практически всех руководителей отделений [4, с. 31]. Среди 64 членов комиссии Главного военного совета по обобщению и редакции предложений, выдвинутых участниками совещания, мы не находим ни одного ответственного сотрудника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР [4, с. 42–44]. Несмотря на это, подкомиссией по партийно-политической работе (руководитель – начальник Политического управления РККА Л. 3. Мехлис. – А. 3.) были выработаны предложения, напрямую затрагивающие организацию и практическую деятельность особых отделов. В частности, рекомендовалось привлекать к ответственности совершеннолетних членов семей изменников Родины, для чего добавить ряд положений в соответствующую статью закона от 8 июня 1934 г. Военным советам фронтов и отдельных армий предлагалось разрешить давать санкции на арест красноармейцев, младших и средних командиров по представлениям особых отделов [4, с. 126]. Участники совещания положительно оценили работу, проведенную контрольно-заградительными отря-

дами (КЗО). Эти отряды были созданы на основании совместного приказа наркомов обороны и внутренних дел СССР № 003/0093 от 24 января 1940 г. В задачи КЗО входили пресечение случаев дезертирства, а также очистка тылов действующей армии от «вражеского элемента». Предлагалось, в случае нового вооруженного конфликта или войны незамедлительно воссоздать заградительные отряды на основных направлениях действий армий и подчинить их органам НКВД [4, с. 127]. А в пункте 17 документа, принятого на совещании, прямо указывалось на потребность в кратчайший срок издать положение о работе особых отделов в военное время. Также подчеркивалось, что именно военные советы фронтов и армий должны объединять и направлять деятельность особых отделов, военной прокуратуры и военных трибуналов. Предлагалось, в частности, воссоздать оправдавшие себя как в мирной, так и в военной обстановке постоянно действующие Военно-политические совещания под руководством члена военного совета фронта (армии), разработать в ближайшее время и издать положение о них. Одним из участников данных совещаний, представлявших собой некий рабочий орган, должен быть и начальник соответствующего особого отдела, а принимаемые решения являлись бы обязательными для исполнения всеми представленными в нем структурами (Политическим управлением, особым отделом, военной прокуратурой и трибуналом. – А. 3.) [4, с. 127].

Следует заметить, что участие чекистов в военно-политических совещаниях предусматривалось еще в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1939 г. «О работе особых отделов НКВД СССР», однако этот коллегиальный орган регулярно не функционировал [6, с. 18].

В течение второй половины 1940 г. основная часть предложений участников совещания в подкомиссии по партийно-политической работе была реализована. В частности, в августе Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление об усилении работы по борьбе с изменой Родине. В документе отмечалось, что в отношении лиц, совершивших побег или перелет за границу, уголовные дела расследуются в ускоренном порядке военными трибуналами и приговоры выносятся не позднее, чем через 10 дней. Военной коллегии Верховного суда СССР предлагалось выносить решения и о привлечении к уголовной ответственности членов семей изменников Родине [2, л. 73].

Активно действовал созданный еще в апреле 1939 г. мобилизационный отдел НКВД. Его сотрудники доработали свой план в части, касающейся формирования и укомплектования личным составом особых

отделов фронтов, армий и подчиненных им органов. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00668 от 28 мая 1940 г. при особых отделах военных округов и армий были проведены двухмесячные учебные сборы лиц чекистского запаса, подлежащих переподготовке. Всего на эти сборы привлекалось 725 чел. [8, с. 190].

В январе 1941 г. приказом заместителя наркома внутренних дел № 0087 было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе органов НКВД», где нашли свое отражение и необходимые мероприятия по линии военной контрразведки в условиях общей, частичной, скрытой или открытой мобилизации. Наблюдение и контроль за выполнением Наставления возлагались на начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР [9, с. 22].

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР в состав созданного Комитета обороны вошел нарком внутренних дел Л. П. Берия, который и отвечал за реализацию всех управленческих решений высшего уровня в отношении органов госбезопасности, включая и военную контрразведку [6, с. 180]. Именно он предложил членам Политбюро и Совета обороны заменить на посту начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР профессионального пограничника В. М. Бочкова на выпускника Военной академии А. Н. Михеева, уже более года возглавлявшего Особый отдел Киевского военного округа и зарекомендовавшего себя с положительной стороны. Несомненно, это был шаг навстречу С. К. Тимошенко, назначенному в мае 1940 г. наркомом обороны СССР. Последний принимал неотложные меры по укреплению центрального аппарата НКО, улучшению руководства войсками, выстраивал более жесткую вертикальную линию управления. Ощущая поддержку всех членов Совета обороны, включая И. В. Сталина и Л. П. Берия, он впервые с 1918 г. предпринял попытку взять под свой контроль всю систему военной контрразведки.

Имея информацию о поступившем в ЦК ВКП(б) проекте реорганизации НКВД СССР и разделении его на два наркомата, С. К. Тимошенко направил И. В. Сталину и В. М. Молотову докладную записку, в которой отмечал, что в настоящее время происходит «коренная перестройка функций командования, направленная на укрепление единоначалия и сосредоточение в руках командира всех органов управления». Поэтому, как считал С. К. Тимошенко, предлагается назначать начальника Особого отдела РККА только приказом наркома обороны, которому и должен быть всецело подчинен начальник военной контрразведки [3, л. 123].

Получатели докладной записки поддерживали поступившее предложение, и через несколько дней после разделения Наркомата внутренних дел на НКВД и НКГБ (3 февраля 1941 г. – А. 3.) состоялось и решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О передаче Особого отдела из НКВД СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота СССР» [11, с. 151]. При этом необходимо отметить, что в упомянутом выше проекте реорганизации НКВД СССР, поданном Л. П. Берией в ЦК ВКП(б) в январе 1941 г., ничего не говорилось о выделении военной контрразведки. Поэтому однозначно можно утверждать, что Л. П. Берия подчинился мнению членов Политбюро, так как сам он в это время являлся лишь кандидатом в этот высший орган повседневного руководства большевистской партией.

В преамбуле постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР отмечалось: «За время своего существования особые отделы НКВД проделали большую работу и сыграли положительную роль в деле разгрома контрреволюционных элементов, проникших в Красную армию и Военно-морской флот. В настоящее время в связи с укреплением Красной армии и Военно-морского флота, значительным усилением их мощи и боевой готовности, ростом хорошо подготовленных и преданных делу партии Ленина – Сталина кадров командного и политического состава ЦК ВКП(б) и СНК СССР считает целесообразным передать органы особых отделов из ведения НКВД в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота» [6, с. 240].

Согласно данному постановлению, Особый отдел ГУГБ НКВД СССР ликвидировался, а вместо него создавались третьи управления НКО и НК ВМФ, соответственно. В НКВД СССР остался лишь 3-й отдел, в задачу которого входило обеспечение безопасности всех войск наркомата, а также милиции и пожарной охраны.

Аппаратам 3-х управлений и 3-го отдела поручалось решать следующие задачи: 1. Борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Красной армии, ВМФ и войсках НКВД; 2. Выявление и информирование руководства наркоматов обо всех недочетах в состоянии воинских частей и сил флота и обо всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих. Для решения указанных задач аппаратам военной контрразведки необходимо было использовать агентурно-осведомительную сеть в войсках и их окружении, производить следствие по делам, отнесенным к их компетенции, а также осуществлять обыски, аресты и выемки [6, с. 240].

Начальники 3-х управлений НКО и НК ВМФ, а также начальник 3-го отдела НКВД подчинялись непосредственно своим народным комиссарам, что избавляло военную контрразведку от вмешательства в ее дела других руководителей наркоматов. Такая же система подчиненности устанавливалась и на местах (в военных округах, на флотах и флотилиях, в армиях, корпусах, дивизиях. – А.З.). ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначили первых лиц управлений и отдела. Ими стали: А. Н. Михеев, А. И. Петров и А. М. Белянов в НКО, НК ВМФ и НКВД соответственно. Срок реорганизации был определен очень сжатый – 5 дней [6, с. 242].

Спешка с реализацией принятого решения не могла не сказаться на качестве проводимых мероприятий. Ведь постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома предусматривало ряд процедур, требующих определенного времени. Так, предписывалось, к примеру, направить весь личный состав особых отделов на укомплектование третьих управлений и отделов, передать туда литерные, агентурные и следственные дела, перечислить за вновь образованными структурами всех арестованных лиц, организовать камеры предварительного заключения для содержания подследственных, определить порядок использования военной контрразведкой сил наружного наблюдения и специальных технических средств органов НКГБ, наладить оперативный учет и т.д. Отсюда понятно, что в пятидневный срок удалось провести реорганизацию лишь формально, многие вопросы пришлось решать в течение месяца и более. Изменения в структуре военной контрразведки привели к переназначению оперативных и руководящих сотрудников, переводу многих из них на другие должности, либо даже в другие места прохождения службы, а это, в свою очередь, серьезно сказалось на темпах и эффективности работы.

До сегодняшнего дня историки не пришли к однозначному мнению относительно обоснованности и своевременности предпринятой реформы военной контрразведки. На наш взгляд, данное решение было проведено лишь под давлением руководства НКО СССР. После выявившихся недостатков в организации и боеготовности войск в ходе советско-финляндской войны И. В. Сталин шел навстречу любой инициативе НКО по укреплению системы управления. Но ускоренное проведение реформы позволяет увидеть еще один существенный факт: военно-политическое руководство страны, безусловно, не намеревалось предпринимать какие-либо превентивные боевые действия в отношении нацистской Германии, как это

утверждают некоторые авторы. И.В. Сталин и его ближайшие соратники надеялись, что войны с ней удастся избежать, по крайней мере, до начала 1942 г. Ведь аксиомой является то, что проведение крупных реформ в любых сферах жизнедеятельности государства, включая и реформы специальных служб страны, результативно лишь в перспективно-стабильной обстановке, когда потерянный темп их работы будет возможно постепенно восстановить. Изучение соответствующих материалов Центрального архива ФСБ России показывает, что с февраля по середину июня 1941 г. 3-е управление Наркомата обороны смогло предоставить своему новому руководству всего несколько информации по важнейшим вопросам боевой готовности войск, недостаткам в управленческих действиях разноразличных структур, включая и подразделения Генерального штаба. Так, в апреле 1941 г. начальник военной контрразведки проинформировал С.К. Тимошенко о серьезных системных проблемах в Разведывательном управлении, разведотделах военных округов и зарубежных аппаратах [3, л. 123].

По заданию ЦК ВКП(б) 3-е управление НКО СССР, в частности его авиационный отдел, активно участвовало в информационном обеспечении готовившегося постановления «Об авариях и катастрофах в авиации Красной армии», которое было принято 9 апреля 1941 г. В определенной степени военные контрразведчики даже инициировали это решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома [6, с. 261]. Речь в этом документе шла далеко не только и не столько о технических причинах гибели летно-подъемного состава и уничтожении самолетов, сколько о расхлябанности и недисциплинированности в авиационных частях, то есть о субъективных моментах, что и находилось в фокусе деятельности военной контрразведки и политорганов. Начальник 3-го Управления НКО А.Н. Михеев, несмотря на прямую подчиненность наркому обороны, сообщил в Центральный Комитет партии о «неблаговидном» поведении своего непосредственного начальника, который, якобы не разобравшись в причинах многих катастроф, подписал «замазывающий» все дело доклад заместителя наркома – руководителя ВВС РККА генерал-лейтенанта П.В. Рычагова. В итоге военно-политическое руководство страны посчитало необходимым снять его с занимаемой должности, а также предложило наркому обороны представить проект решения Главного Военного совета в разрезе вышеуказанного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР [6, с. 262].

За предвоенные месяцы 3-е управление НКО СССР реализовало с санкции наркома лишь одну серьезную оперативную разработку на группу генералов и офицеров бывшей латышской армии. Причем эта разработка была начата еще до проведения реформы военной контрразведки, и первые спецсообщения на имя И. В. Сталина по поводу проведенных арестов направлялись из НКГБ СССР за подписью В. Меркулова, а не руководителя военной контрразведки А. Н. Михеева. Только после допросов главы антисоветской организации генерала Ж. К. Баха, с учетом того, что все лица, названные им в показаниях, являлись военнослужащими РККА (24-го территориального Латвийского стрелкового корпуса. – А. 3.), оперативные и следственные материалы для дальнейшего расследования были переданы в 3-е управление НКО СССР [6, с. 248]. Уволенных в запас, разрабатываемых и уже арестованных латышских генералов и офицеров НКГБ СССР оставил за собой. Этот факт так же, как и проведение разработки военнослужащих в течение месяца после создания 3-го управления Наркомата обороны, свидетельствует об отсутствии у В. Меркулова, а следовательно, и у Л. П. Берии желания отдавать военную контрразведку в другое ведомство, о стремлении исподволь, пока еще идет реформа, переубедить И. В. Сталина изменить решение.

Здесь необходимо заметить, что в преамбуле постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома о передаче Особого отдела из НКВД в НКО и НК ВМФ СССР ничего не говорилось об успехах военных контрразведчиков по борьбе со шпионажем, будто они этой проблемой и не занимались. Речь шла только об укреплении боевой мощи Красной армии и Военно-морского флота, что само по себе не вызывало необходимости проведения реформы. Более того, если мы сопоставим задачи Особого отдела НКВД СССР, определенные постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 января 1939 г., с задачами 3-х управлений НКО и НК ВМФ, то увидим, что они текстуально во многом совпадают, а что касается информирования командования о вскрытых недостатках в войсках, то в первом документе это прописано даже более детально [6, с. 17, 18, 240].

Таким образом, можно констатировать, по крайней мере, преждевременность реформы военной контрразведки, ее субъективистскую основу. И тем не менее реорганизация состоялась.

В середине марта 1941 г., то есть через месяц после создания 3-х управлений и отделов, удалось разработать Положение о них которое, по непонятным до сих пор причинам было утверждено наркомом обороны

(к тому времени уже Маршалом Советского Союза. – А.З.) С.К. Тимошенко лишь 12 апреля и объявлено приказом НКО СССР № 0028 [9, с. 55]¹.

В Положении подчеркивалось, что 3-е управление существует на правах Главного управления НКО СССР, а его начальник подчиняется **только** народному комиссару обороны и выполняет **только** его распоряжения [9, с. 56]. Несомненно, И.В. Сталин ознакомился с текстом Положения и не мог не обратить внимания на выделенные нами слова. После того что было вскрыто в ходе проработки вопроса об аварийности и катастрофах в авиации, он, надо полагать, почувствовал утрату одного из важнейших источников информации о состоянии советских Вооруженных сил, поддержав предложение наркома обороны С.К. Тимошенко о подчинении ему органов военной контрразведки. При таком рассмотрении данного вопроса становится понятным, почему буквально через несколько дней после утверждения на Политбюро выводов по фактам аварийности и катастроф и подписания наркомом своего приказа № 0028 появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О третьих управлениях НКО и НК ВМФ» [9, с. 262–263]. В нем отмечалось, что практика применения постановления о передаче Особого отдела НКВД в ведение НКО и НК ВМФ показала наличие проблем во взаимодействии всех структур госбезопасности и единстве их действий. Поэтому и состоялось решение о введении в штаты 3-х управлений и в их местные органы (вплоть до бригадных, гарнизонных и т.д.) должностей заместителей, которые бы одновременно подчинялись соответствующим руководителям НКГБ–УНКГБ. Эти заместители назначались, перемещались и увольнялись со службы приказами НКГБ и содержались за счет сметы этого наркомата. В постановлении еще раз подчеркивалась роль Центрального и территориальных советов руководителей спецслужб. Председателями советов являлись нарком госбезопасности и начальники УНКГБ. Таким образом, высшее военно-политическое руководство страны частично устранило негативный эффект от выделения военной контрразведки из общей системы госбезопасности с ее прямым подчинением лично И.В. Сталину. Вскоре руководитель большевистской партии стал инициировать решения о передаче ряда расследуемых дел на военнотружущих из 3-го управления НКО в НКГБ СССР. В частности, 3 июня

¹ Возможно, что задержка с утверждением Положения о 3-м управлении НКО СССР произошла из-за ситуации, сложившейся вокруг подготовки постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной армии» от 9 апреля 1941 г. Информационную основу этого документа составили спецсообщения начальника 3-го управления А.Н. Михеева, поданные «через голову» наркома в высшие политические инстанции.

1941 г. состоялось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о передаче в Наркомат госбезопасности дела на бывшего командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта авиации, Героя Советского Союза П. И. Пумпура, арестованного еще 31 мая [6, с. 285].

Все отрицательные стороны осуществленной реформы проявились с началом Великой Отечественной войны. В условиях боевых действий командование требовало от военных контрразведчиков лишь участия в наведении порядка в войсках, недопущении ухода с позиций без приказа, проведении разведки непосредственно в тактической зоне обороны. Ни о какой планомерной борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника речи в первый месяц войны не шло. И это происходило на фоне изданной 3-м управлением НКО СССР директивы № 34794 от 22 июня 1941 г. [8, с. 37]. Согласно ее тексту, от военных контрразведчиков требовалось усилить именно оперативную работу, провести в жизнь планы перестройки агентурно-осведомительной сети в соответствии с потребностями условий военного времени. Если это возможно было реализовать в тылу, то в зоне боевых действий и в прифронтовых районах усилия военных контрразведчиков направлялись исключительно на выполнение приказов командования. Информация 3-го управления НКО СССР и подчиненных ему органов доходила до созданного в конце июня 1941 г. Государственного комитета обороны лишь в том виде, в котором ее представлял, если вообще представлял, нарком – Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В отличие от руководителей НКВД (Л. П. Берия) и НКГБ (В. Меркулов) начальник военной контрразведки А. Н. Михеев не имел прямого доклада И. В. Сталину и другим членам ГКО [7]¹.

Ввиду перегруженности работой в постоянно меняющейся обстановке, нарком обороны не находил времени для рассмотрения и утверждения Положения о работе органов 3-го Управления НКО в военное время. По крайней мере до конца июня 1941 г. (как явствует из директивы № 35523 от 27.06.1941 г., подписанной А. Н. Михеевым и разосланной в подчиненные органы) руководителям аппаратов военной контрразведки в войсках предлагалось руководствоваться в своих действиях временными правилами, которые, по существу, и являлись проектом Положения [8, с. 95].

Здесь следует подчеркнуть, что приказы и директивы начальника 3-го Управления НКО СССР не являлись руководством к действию для

¹ Судя по записям в тетрадях секретарей И. Сталина, начальник 3-го управления НКО СССР А. Михеев ни разу не посетил кабинет Председателя ГКО.

командующих армиями и фронтами, а подлежали исполнению лишь сотрудниками военной контрразведки. Подобного рода документы доводились до командования лишь в порядке ознакомления и практически не влияли на принимаемые им решения.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 8. Д. 45.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 28.
3. Центральный архив Федеральной службы безопасности России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 6.
4. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.). Материалы комиссии Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.
5. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Документы. М., 2004.
6. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы. М., 2006.
7. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.
8. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 1.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 2.
10. Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности в 1941–1954 гг.: Справочник. М., 2010.
11. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952: Каталог. Т. 3, 1940–1952. М., 2001.

Вопросы и задания

1. Какое влияние оказали итоги советско-финляндской войны на реформирование советских органов госбезопасности?
2. Соответствовал ли кадровый состав военной контрразведки задачам предвоенного периода?
3. Кто реально принимал решения в области реформирования советских органов госбезопасности: Совет народных комиссаров (правительство) СССР? Политбюро ЦК ВКП(б)? Наркомат обороны СССР? НКВД СССР?
4. По каким вопросам военная контрразведка информировала руководство Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота в предвоенный период?

**«Трудные вопросы» истории России:
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА**

В настоящее время совершенствование исторического и социально-гуманитарного образования является одним из ключевых направлений модернизации системы образования в целом. Одним из инструментов решения этой задачи стали разработка единого учебно-методического комплекса по истории для школы и его общественное обсуждение [14]. Представленная рабочей группой Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории включила в себя *Историко-культурный стандарт*, содержащий принципиальные оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории в современной школе с перечнем рекомендуемых для изучения тем, понятий и терминов, событий и персоналий [10]. Кроме того, разработчиками Концепции были выделены так называемые трудные вопросы отечественной истории (разработчики комплекса выделили 31 дискуссионный вопрос, начиная с истории Древней Руси и заканчивая современностью, из которых три имеют непосредственное отношение к истории Великой Отечественной войны), без общественного консенсуса по которым трудно рассчитывать на достижение поставленных целей. «Единые подходы к преподаванию истории совсем не означают казенное, официозное, идеологизированное единомыслие, – подчеркнул в ходе обсуждения Концепции Президент России В. В. Путин. – Речь совершенно о другом: о единой логике преподавания истории, о понимании неразрывности и взаимосвязи всех этапов развития нашего государства и нашей государственности, о том, что самые драматические, неоднозначные события – это неотъемлемая часть нашего прошлого. И при всей разности оценок, мнений мы должны относиться к ним с уважением, потому что это жизнь нашего народа, это жизнь наших предков, а отечественная история – основа нашей национальной идентичности, культурно-исторического кода» [1].

История Великой Отечественной и Второй мировой войны остается крайне мифологизированной в общественном сознании. Это объясняется целым комплексом причин, главной из которых является особая роль памяти о войне в общей структуре социальной памяти народов бывшего Советского Союза. Война была интерпретирована как испытание на прочность советского строя – всех систем жизнеустройства,

сложившегося начиная с 1917 г. Страна этот экзамен выдержала. Важнейшие события войны, начиная от трагического дня 22 июня 1941 г., через Дубосеково, Сталинград, Прохоровку, и заканчивая взятием Рейхстага, а также имена ее главных героев вошли в коллективную память как скрепляющие народное единство символы. В то же время победа над фашизмом стала одной из козырных карт в колоде официальной пропаганды и рассматривалась как доказательство прочности, жизнестойкости социалистического строя, правильности политики модернизации страны, проводившейся Коммунистической партией после Гражданской войны.

Когда в конце 1980-х гг. правящая элита Советского Союза взяла курс на демонтаж советского строя, в целях идеологического обоснования естественным образом потребовалась дискредитация всего того, что ранее рассматривалось как незыблемые ценности. В том числе заинтересованным в «революционной перестройке» общественным силам пришлось вести пропаганду, направленную на подрыв тезиса о том, что Победа была одержана благодаря советскому общественно-политическому устройству, плановой экономике, особой роли Коммунистической партии. Не благодаря, а вопреки – вот основная идея начатой идеологической кампании, конкретное содержание которой варьировалось в зависимости от материала, на котором строилась аргументация.

К числу наиболее дискуссионных проблем, связанных с началом Великой Отечественной войны, относятся вопросы **о степени готовности нашей страны к войне, причинах поражений Красной армии в июне 1941 г. и ответственности за это политического и военного руководства.**

Начиная с доклада Хрущева XX съезду КПСС, одной из главных причин поражений Красной армии в начале войны принято считать репрессии 1937–1939 гг. [24]. В этот период из армии было уволено по разным причинам около 40 тыс. командиров, из них были арестованы около 18 тыс. человек. Однако считать, будто в результате репрессий был утрачен весь «офицерский корпус» КА или хотя бы его половина, нельзя. Для объективной оценки этой трагической страницы советской истории нужно иметь в виду, что перед войной произошло трехкратное увеличение армии, и к 22 июня 1941 г. численность командного и начальствующего состава Красной армии составляла около 450 тыс. человек. Обличители сталинизма, как правило, апеллируют к тому, что в результате репрессий Красная армия была «обезглавлена»,

лишена наиболее подготовленных кадров. Так ли это? Данные об уровне подготовки военных кадров перед войной свидетельствуют о росте числа командиров, имевших высшее военное образование. Перед началом репрессий академическое образование имели 29% представителей советского высшего командного состава (генералитета), в 1938 г. таких было уже 38%, а в 1941 г. – 52% [3]. Не отрицая, что репрессии нанесли ущерб подготовке нашей страны к возможной войне, следует все же отметить, что историкам до сих пор не удалось на конкретном материале показать, какое именно влияние оказали репрессии на подготовку СССР к войне и ход вооруженного противоборства после 22 июня, и доказать, что репрессированные военачальники – Тухачевский, Гамарник, Уборевич, Якир – воевали бы лучше, чем Жуков, Конев, Василевский и Рокоссовский. Решение этой задачи связано с анализом и сопоставлением уровня боевой выучки командиров, штабов, отдельных подразделений *до* и *после* репрессий. До последнего времени историки избегали такого сопоставления, предпочитая апеллировать к тому или иному «авторитетному» мнению (высказанному, как правило, в период разоблачения «культ личности»). Изучение данного вопроса на основе документов, однако, заставляет усомниться в справедливости распространенного представления о серьезном влиянии «чистки» 1937–1938 гг. на боеспособность Красной армии [22].

Так или иначе, но современные военные историки, опираясь на анализ хода сражений начального периода Великой Отечественной войны, в качестве главной причины поражения Красной армии называют вовсе не репрессии. Прежде всего, немецкому командованию посредством тщательно спланированной кампании по дезинформации удалось сохранить свои приготовления в тайне и до середины июня поддерживать у Кремля иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. Советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел противника: докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР. В то же время сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и стратегические соображения: если бы Гитлеру удалось выставить Советский Союз виновником конфликта, это могло, как опасались в Москве, стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников,

но и против более широкой коалиции государств.

Все это привело к тому, что выдвижение советских войск к границам, осуществлявшееся как реакция на становившуюся все более явной угрозу нападения, запаздывало. Начатое 22 июня вторжение застало Красную армию в момент, когда сосредоточение и развертывание еще не были завершены: советские дивизии и корпуса были разделены на три стратегических эшелона, не имевших между собой оперативной связи. Поэтому немцам в первые недели войны удавалось громить соединения Красной армии по частям, имея на решающих участках фронта значительное преимущество в силах. Именно это и стало главной причиной крайне неудачного для нашей страны развития событий на фронтах в первые недели войны.

Таким образом, к настоящему времени в освещении причин поражения Красной армии в начале Великой Отечественной войны достигнут определенный прогресс, заключающийся в конструировании рационального объяснения действий советского руководства накануне 22 июня 1941 г., при отказе от ссылок на «необъяснимую слепоту», «маниакальную уверенность» Сталина (или упрямство, глупость и тому подобные факторы), что было свойственно советской историографии со времен «разоблачения культа личности», а затем значительно усилено в «перестроечные» годы. Методология использовавших подобные модели объяснения авторов не заходила дальше сведения причин поражений 1941 г. к существовавшему тогда в СССР политическому режиму – «системе личной власти», при которой, дескать, только и возможны подобные «необъяснимые» просчеты. Этот путь представляется бесперспективным: очевидно, что ссылки на политический режим в данном случае ничего объяснить не могут – прежде всего потому, что принятие решений такого рода в любой стране и при любом режиме является прерогативой узкого круга высших руководителей государства. Любителям же исторических параллелей достаточно вспомнить, что демократический режим не помог Франции избежать разгрома в 1940 году, как не помогла демократия Соединенным Штатам Америки избежать катастрофы в Перл-Харборе, несмотря на предупреждения разведки.

Итак, говоря о внезапности нападения, современные исследователи подразумевают в первую очередь незавершенность мобилизационных мероприятий, сосредоточения и развертывания советских войск. Что касается других причин трагического начала войны, то специалисты обращают внимание на незавершенность программы перевоору-

жения Красной армии (рассчитанной минимум до 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году. Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами в соответствии с установленными штатами и должным образом оборудовать театр военных действий, командование Красной армии, тем не менее, не сумело под влиянием изменившейся обстановки внести изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Одним из следствий этого явилась недостаточная обученность личного состава подразделений всех родов войск. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом после начала войны.

Современными военными историками много сделано для изучения **хода вооруженного противоборства на фронтах Великой Отечественной войны**. Более подробное освещение получили сражения, чье течение и исход были неудачными для советских войск. В то же время значительно детализированы представления и о ключевых, решающих битвах на советско-германском фронте: Московской, Сталинградской и Курской битвах, в том числе Прохоровском сражении [7, 8, 11], обороне и блокаде Ленинграда, операции «Багратион», взятии Берлина и т.д. Современные достижения российских историков обобщены в недавно изданном фундаментальном коллективном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в 12 томах (М., 2011–2015).

Окружение и разгром советскими войсками вражеской группировки под Сталинградом справедливо признается решающим событием, предопределившим изменение военно-стратегической обстановки в пользу стран антигитлеровской коалиции и знаменовавшим коренной перелом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн. В то же время в современной литературе контрнаступление под Сталинградом (операцию «Уран») предлагается рассматривать в общем контексте наступательных замыслов Ставки ВГК. В частности, внимание историков привлечено к сражениям на Центральном направлении,

а именно 2-й Ржевско-Сычевской операции (операции «Марс»), проводившейся войсками Западного и Калининского фронтов в ноябре – декабре 1942 г.

В прежние годы эта операция не получила достаточного освещения в отечественной историографии. Оживление интереса к вопросу о значении событий в районе Ржевского выступа для исхода Сталинградской битвы в настоящее время не в последнюю очередь связано с появлением монографии американского историка Д. Глэнца «Крупнейшее поражение маршала Жукова», в которой операции «Марс» приписывается самостоятельное значение, и она рассматривается как равнозначная по масштабу и значению операции «Уран». Согласно Глэнцу, окружение и разгром 9-й армии вермахта под Ржевом должно было наряду с наступлением под Сталинградом стать основным звеном в цепи громких побед Красной армии зимой 1942–1943 гг., что могло бы привести к поражению Германии уже в 1943 г. Эта точка зрения оказалась привлекательной для некоторых российских историков, согласившихся считать операцию «Марс» «провальной». Отметим, что для них история сражений за Ржев интересна не столько сама по себе, сколько как средство для критики в адрес маршала Г. Жукова, развенчания его как великого полководца [4, с. 39–42; 20, с. 39–42]¹.

Действительно, ставшие известными историкам в последнее время материалы позволяют дать убедительное обоснование тезиса о тесной взаимосвязи победы под Сталинградом с развитием событий на других участках фронта, прежде всего – на западном (московском) направлении. Тем не менее обстоятельства подготовки и проведения операции «Марс», а также некоторые важные детали (в частности, сообщение П. А. Судоплатова о том, что советской контрразведкой немцам были переданы сведения о планирующемся наступлении под Ржевом [25, с. 188]), вынуждают рассматривать итоги операции «Марс», прежде всего, в контексте общей ситуации на всем советско-германском фронте: несмотря на неудачу наступления под Ржевом, советское командование в целом переиграло противника в стратегическом плане, воспрепятствовав переброске немецких войск с московского направления на юг и обезопасив себя от вероятного удара вермахта на Москву [2, с. 17–21; 5, с. 433–453; 16, с. 194–196].

Для обозначения сражений 1942–1943 гг., которые вели войска Западного и Калининского фронтов против немецкой группы армий

¹ Особенно заостренным «антижуковским» пафосом проникнута развязная по тону и малоразумительная по содержанию статья В. М. Сафира.

«Центр», в последнее время все шире используется термин «Ржевская битва». Усилиями ряда авторов сражениям в районе Ржевского выступа приписывается самостоятельное значение, предпринимаются попытки отделить «Ржевскую битву» от Московской и Сталинградской и поставить ее в один ряд с ними. Наиболее последовательно данная точка зрения высказывается региональными исследователями, краеведами Ржева – Кондратьевым и Герасимовой. Их старания ведут к тому, что термин «Ржевская битва» закрепляется в общественном сознании, о чем свидетельствует создание тематической экспозиции в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, появление статей в интернет-энциклопедиях, создание документальных фильмов, в основу сценария которых положено соответствующее осмысление темы (например, фильма А. Пивоварова, вызвавшего оживленную дискуссию в СМИ).

Стоит подчеркнуть, что это делается без должного научного обоснования. Собственно, с художественной точки зрения можно образно назвать битвой и столкновение двух взводов. Внедрение же термина «Ржевская битва» происходит без полемики на военно-теоретическом уровне, где понятия «битва», «сражение», «бой» имеют вполне определенный смысл, и решает, как представляется, исключительно идеологические задачи: навязать общественному сознанию образ «Ржевской мясорубки» как символа бездарности советского командования и его пренебрежения к сбережению жизни солдат, единственной битвы Великой Отечественной войны, в которой Красная армия якобы не смогла одержать решительной победы.

Если учитель не ставит задачу сконструировать в сознании учащихся именно такой образ войны, нецелесообразно некритически использовать предлагаемые популяризаторами «Ржевской битвы» материалы.

Одной из наиболее политизированных и сложных для непредвзятой оценки **является проблема коллаборационизма** граждан Советского Союза в годы войны.

Основные трактовки, искажающие суть данного явления и его масштабы, восходят к нацистской пропаганде военных лет и преимущественно представлены на страницах изданий, так или иначе связанных с эмигрантскими кругами и организациями, созданными при активном участии бывших участников «власовского движения» (НТС, журнал и издательство «Посев» и т. п.).

Сотрудничество в годы войны части граждан СССР с оккупантами объявляется здесь вызванным, прежде всего, идеологическими причи-

нами: неприятием сталинского режима и социалистического «эксперимента». Численность коллаборационистов всячески преувеличивается, в то же время беспрецедентный характер принуждения советских граждан к коллаборации со стороны оккупантов в нарушение всех норм и обычаев войны замалчивается. В конечном счете вынужденное сотрудничество советских граждан с врагом подается как проявление некоего «антисталинского протеста». Тем самым «власовское движение» получает моральное оправдание, а русофобская сущность нацистской оккупационной политики затушевывается. Эти трактовки служат основанием для отрицания правомерности использования названия Великая Отечественная война, поскольку в 1941 г. «Россия была оккупирована Советским Союзом» (тележурналист В. Правдюк), и замены его на термин «нацистско-советская война».

Ложность этой концепции, ее крайняя идеологизированность и тенденциозность не вызывают сомнений у историков. Она основана на ряде подтасовок: 1) термин «коллаборационизм», традиционно используемый для обозначения добровольного, прежде всего политического сотрудничества с врагом, необоснованно применяется в данном случае для обозначения *любого*, в том числе вынужденного, взаимодействия с оккупантами; 2) в результате этой подмены происходит необоснованное увеличение численности «коллаборационистов»; 3) в свою очередь, раздувание масштабов явления служит затем одним из обоснований тезиса о его закономерности и обусловленности внутренними пороками советского строя.

Вот как рассуждает Г. Х. Попов, приводя цифровые данные (разумеется, максимальные из тех, что можно почерпнуть из исторической литературы): «Никогда в русской истории такое количество русских людей не сотрудничало с врагом. В докладах об Отечественной войне наших лидеров хотелось бы услышать, что это Сталин, советская власть, большевистская партия и госбезопасность довели сотни тысяч граждан своей страны до самого страшного в жизни человека – до готовности сотрудничать с врагом России» [17, с. 78]. Виноватыми, таким образом, оказываются не нацисты, отказавшиеся для достижения победы в войне от соблюдения каких бы то ни было правил войны и моральных норм, проводившие политику геноцида на оккупированных территориях, а Сталин и его режим.

Особенности «исследовательского метода» сторонников данной точки зрения заставляют высказать предположение о сознательной манипуляции. При истолковании источников используется, как правило,

следующий прием: любое отраженное в документах (письмах солдат, материалах советской цензуры, документах особых отделов НКВД и военной прокуратуры) проявление недовольства военнослужащих Красной армии рассматривается как свидетельство наличия «протестного настроения» в обществе, направленного против советского строя, – «сталинской системы несвободы». Используя такую «методологию» можно, действительно, подверстать к «антисталинскому протесту» сотни тысяч людей. Характерно, что необоснованность такого представления подчеркивается и в немецкой научной литературе. Немецкий историк, специалист по истории военного плена Кристиан Штрайт в этой связи отмечает: «Утверждение, что в целом от 800 тыс. до 1 млн советских граждан, которые в той или иной форме делали это сознательно, по политическим убеждениям выступая против советского руководства, проходит мимо исторических реальностей» [18, с. 168].

Важнейшей предпосылкой коллаборационизма граждан СССР явился *особый характер* войны, которую вела гитлеровская Германия против Советского Союза. Антибольшевистские и антисталинские лозунги были лишь прикрытием нацистских планов и предназначались для того, чтобы облегчить их реализацию, расколов советское общество и дезориентировав Красную армию. Кроме того, гитлеровцами делалась ставка на разобщение и срамливание между собой народов СССР по национальному признаку. Представители национальных меньшинств подвергались пропагандистскому воздействию, призванному возбудить в них националистические чувства и противопоставить их русским как государствообразующей нации.

Беспримерная жестокость оккупантов и сознательное нарушение ими законов и обычаев войны, выразившиеся в *масштабном принуждении советских граждан к коллаборации*, – именно это и создало условия для широкого вовлечения людей, в том числе военнопленных Красной армии, в сотрудничество с врагом в разнообразных формах.

Сегодня оправдание Власова и «власовцев» гораздо опаснее для национального самосознания, чем любое благостное мифотворчество по поводу выдающейся роли в нашей истории Сталина, Брежнева или даже Троцкого. Оправдание «власовцев» провоцирует оправдание коллаборационизма как такового. Достаточно заявить: наше правительство – злодеи, мерзавцы, инородцы, просто «преступная банда», то значит измена присяге такому правительству – вовсе и не измена. «Идея коллаборационизма, психология коллаборационизма – не просто исторический спор, а одна из самых серьезных опасностей, вольно или не-

вольно нагнетаемая в сегодняшней России. Некоторые исторические фигуры, даже давно отошедшие в мир иной, становятся настоящим оружием, обладающим гигантской разрушительной силой, потому что оружие это направлено на слом традиционной духовной идентичности: зло пытается предстать добром, предательство – героизмом, а истинный героизм представляют как неразвитость, отсталость и даже грех... Но пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее» [прот. Тихон (Шевкунов)].

Попытки оправдания войны против СССР и существовавшего в нем общественно-политического строя с помощью «юридической» аргументации не являются каким-то «ноу-хау» современных ревнителей исторической правды. В частности, соответствующие идеи развивались нацистскими «учеными» в гитлеровской Германии. Известно, например, что некий доктор юридических наук Э.-Г. Бокгофф в работе «Является ли Советский Союз субъектом международного права?» (1936) рассуждал так: СССР не государство, а сборище кочевников, задающихся революционно-разрушительными целями, поэтому «всякая война против Советского Союза, кто бы и почему ее ни вел, вполне законна» [Цит. по: 9, с. 706]. То, что набор идей, во время войны представленный на страницах геббельсовских листовок, сегодня тиражируется и с ученым видом обсуждается в российской печати, не может не настораживать [15].

То же самое можно сказать о проблеме **истории создания и применения штрафных частей и заградотрядов**. В данном случае мифологизация преследует цель обосновать тезис о том, что успехи Красной армии на фронте обусловлены, прежде всего, масштабностью карательных мероприятий, проводившихся в годы войны для «принуждения к героизму» советских солдат и офицеров. Внушается, что без этой системы принуждения советский народ был не в состоянии защитить свою Родину, более того – массовое дезертирство и отказ солдат воевать «за Сталина» вызвали бы развал армии и дезорганизацию тыла. В конечном счете преувеличение роли штрафных частей и заградотрядов служит задаче развенчать войну как Отечественную, представить ее как столкновение двух тоталитарных режимов, жертвами которых оказались «братские» немецкий и русский народы.

Такой подход являлся традиционным для части создававшейся в годы «холодной войны» на Западе историко-публицистической литературы о Второй мировой войне, где стойкость и мужество советских воинов

нередко объяснялись страхом перед «железной дисциплиной комиссаров» и «расстрельными командами». В то же время он идеологически перекликается с содержанием нацистской пропаганды времен войны, также широко использовавшей образ бесчеловечных евреев-комиссаров и бойцов заградотрядов, якобы силой гнавших русских солдат «на убой» ради Сталина и его друзей, англо-американских капиталистов [15, с. 31].

И тогда, и сегодня в качестве примера жестокости советского командования в первую очередь приводится приказ народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года, известный как «Ни шагу назад!». Однако соблюдение принципа историзма, помещение этого и других документов той эпохи в широкий исторический контекст немедленно выявляет тенденциозность такой их интерпретации. Было ли нечто «новаторское» в самой постановке вопроса – запрете частям отступать без приказа? Очевидно, в любой армии оставление солдатом своего поста, части своей позиции без приказа вышестоящего командира рассматривается как ЧП, в условиях военного времени – как преступление. В России эта норма была закреплена в воинских уставах еще в период создания регулярной армии при Петре I.

Ложность ревизионистского прочтения истории штрафных частей и заградотрядов доказывается рассекреченными в последние годы архивными документами. Представление о масштабах репрессий дает следующая статистика: например, в период с 1 октября 1942 г. по 1 февраля 1943 г. в частях Донского фронта было арестовано 203 «паникера и труса», из которых были расстреляны 49 человек, направлены в штрафные подразделения 139 человек. Еще 120 человек, по данным Особого отдела фронта, были расстреляны «перед строем по постановлениям особых органов». Много это или мало? Для сравнения: численность войск Донского фронта к началу Сталинградской наступательной операции составляла 307,5 тыс. чел. Что касается штрафных частей, то известно, что с сентября до конца 1942 г. в штрафные роты и батальоны Красной армии было направлено 24 тыс. 993 чел. Общая же среднемесячная списочная численность личного состава действующих фронтов в четвертом квартале 1942 г. составляла 6 млн 343 тыс. чел.

Численность штрафных частей не позволяет говорить о них как о факторе, оказавшем хоть сколько-нибудь существенное влияние на ход и результаты военных действий. Что касается заградотрядов, то историкам не известны случаи (и подтверждающие их архивные документы), когда они стреляли бы по своим войскам.

Современный американский историк А. Аксел, объясняя истоки героизма советских людей в годы войны, категорически возражает против предположения, что «русский мужик сражался хорошо только благодаря железной дисциплине, наведенной комиссарами, и из-за страха наказания». «Эти аргументы неправдоподобны, – пишет Аксел. – Один только страх не способен сделать людей героями». Материал, собранный А. Акселем в книге «Герои России», убедительно свидетельствует, что моральный дух Красной армии и советского народа определялся справедливым характером войны, прочностью авторитета политического руководства, высоким статусом ценностей патриотизма, самопожертвования, чувства воинского долга в русской культурной традиции. Этот вывод американского историка целиком разделяют и историки России.

Еще одной темой, подвергающейся настойчивой мифологизации не только на Западе, но и в нашей стране, является **освободительная миссия Красной армии в Европе**.

В данном случае основным направлением фальсификации является создание негативного образа Красной армии как банды насильников и убийц, учинившей в Европе массовые насилия над мирным населением освобожденных стран, прежде всего Германии. Ставшие достоянием гласности отдельные факты совершенных военными Красной армии преступлений против мирных жителей Германии неправомерно выдаются за типические, характеризующие поведение советских солдат в целом.

Сам факт того, что военными советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Историки нередко сталкиваются с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной армии, благодаря чему создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей – чуть ли не характерная черта поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылками на искалеченные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим

факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводится один, два, три, десять почерпнутых из источников фактов. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение в первую очередь советских военнослужащих?

Доступные историкам материалы, напротив, свидетельствуют о том, что данные случаи не носили массового характера. При этом советское командование предпринимало немало усилий для поддержания дисциплины и пресечения случаев мародерства и насилия, и попытки представить дело иным образом являются злонамеренной ложью [21].

Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию американской армии также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. Конечно, общей картины составить нельзя: имеющиеся в литературе данные фрагментарны, однако при должном рвении можно подобрать несколько криминальных эпизодов с участием американских военных и нарисовать для обывателя ужасающую картину вакханалии насилия, захлестнувшей американскую зону оккупации. В добросовестном историческом исследовании использование такого метода противопоказано, а в пропаганде – почему бы и нет?

На основе «клиповой» подборки образов современные русофобствующие идеологи делают выводы, лживые от начала и до конца. Известный публицист М. Солонин, например, заявляет: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад» [23]. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными доказательствами: таких документов нет. Напротив, существуют другие документы за подписью Сталина: например, директива Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г., в которой содержался приказ «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что, наряду с разъяснительной работой, в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности.

Сопоставление содержания приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат и офицеров вермахта к советским людям, и приказов советского командования исключает возможность какого-либо уподобления поведения немецких оккупантов в России и советских солдат-освободителей в Германии.

Отдельного разговора заслуживает **проблема людских потерь Советского Союза** в Великой Отечественной войне.

Без сомнения, эта тема остается одной из центральных для любого публицистического материала «обличительного» характера. Крайняя тенденциозность при обращении к ней проявляется, как правило, в стремлении того или иного автора кощунственно говорить о жертвах, понесенных народами СССР ради свободы и независимости своей Родины, в рыночных категориях «цены» и «качества оказанных услуг».

Преувеличение размеров потерь, сопровождающееся рассуждениями о «чрезмерной цене» одержанной Победы, направлено на дискредитацию советских полководцев, в первую очередь маршала Г. К. Жукова, и создание в общественном мнении его образа как «мясника» (сценарист Э. Володарский). Шире – на дискредитацию советской политической системы, якобы не способной к эффективным действиям ни в экономической, ни в социальной, ни в военной сфере. Лейтмотивом при этом является мысль, что огромные людские потери нашей страны объясняются в первую очередь «пренебрежительным и неряшливым ее ведением» (А. Солженицын), «грубейшими ошибками как партийного руководства страны (в первую очередь Сталина), так и военного (в том числе и Жукова)», а вовсе не силой и опытом противостоящего нам врага.

В настоящее время историки располагают основательной документальной базой для изучения этой проблемы, и за последние двадцать лет специалистами проведено немало научных исследований, результаты которых опубликованы [6, 12, 13, 19 и др.]. Тем не менее в некоторых средствах массовой информации до сих пор продолжают тиражироваться сведения, дезориентирующие широкую общественность. Полученные в результате многолетней работы отечественных демографов и военных историков данные (26,6 млн – общие людские потери СССР; 9,1 млн – потери Красной армии убитыми и пропавшими без вести) объявляются «патриотической пропагандой», а обществу внушается мысль, будто людские потери СССР до сих пор не подсчитаны

и сделать это невозможно, так как современные российские власти якобы заинтересованы в сокрытии правды. В результате появляется возможность внедрения в общественное сознание мифа о том, что причиной победы нашей страны в Великой Отечественной войне были численное превосходство и равнодушие советских полководцев к сбережению жизни солдат, популяризируются объяснения по типу «трупам завалили».

Результаты исследований отечественных демографов за последние 25 лет не раз прошли независимую экспертную проверку, в том числе и зарубежными специалистами, и признаны вполне обоснованными. То же самое можно сказать о потерях Красной армии: результаты статистического исследования, выполненного в Генеральном штабе ВС РФ, приняты сообществом специалистов-историков как надежная база для дальнейшего уточнения названных цифр.

В заключение хотелось бы отметить, что, к сожалению, до сих пор относительно важнейших событий XX – начала XXI в. в современном российском обществе продолжается не столько научная, но в большей степени политическая дискуссия. Поэтому представленные на страницах историко-публицистической литературы интерпретации и оценки, как правило, оказываются предвзятыми и политизированными. Односторонний взгляд на историю с точки зрения определенных социальных слоев или групп широко представлен в СМИ и может проникать в школьные учебники. Осознание этого обстоятельства сегодня весьма актуально с точки зрения решения задачи сохранения памяти, а также создания системы противодействия таким попыткам искажения и политизации истории, которые уже являются (или потенциально могут стать) составной частью современной антироссийской пропаганды в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Источники и литература

1. В курсе истории. Владимир Путин требует от авторов нового учебника объективности и патриотизма // Российская газета. 2014. 17 января [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2014/01/17/istoria.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
2. Гарева М. А. Операция «Марс» и современные «марсиане» // Военно-исторический журнал. 2003. № 10.
3. Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.

4. *Герасимова С. А.* Битва за Ржевско-Вяземский плацдарм // Вопросы истории. 2000. № 4–5.
5. *Гончаров В.* Тайна операции «Марс» // *Попель Н. К.* Танки повернули на запад. М., 2002.
6. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.
7. *Замулин В.* Курский излом. М., 2008.
8. *Замулин В.* Прохоровка – неизвестное сражение Великой войны. М., 2005.
9. История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 3.
10. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Федеральный портал История.РФ // URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/kontsieptsia-novogho-uchiebno-mietodichieskogho-kompleksa-po-otiechiestviennoi-istorii> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
11. *Лопуховский Л.* Прохоровка без грифа секретности. М., 2005.
12. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
13. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001.
14. Общественное обсуждение проекта Историко-культурного стандарта // Министерство образования и науки РФ // URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3483> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
15. *Окороков А.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007.
16. *Орлов А. С.* Красная армия в 1942-м: от поражений к победам // Россия XXI. 2002. № 3.
17. *Попов Г. Х.* Три войны Сталина. М., 2007.
18. Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2009.
19. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил: статистическое исследование. М., 2001; 2-е изд. М., 2005.
20. *Сафир В. М.* О том, как в научном споре недостаток профессионализма возмещается клеветой и оскорблениями // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22).
21. *Сенявский А. С., Сенявская Е. С., Сдвижков О. В.* Освободительная миссия Красной армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерки и документы. М.; СПб., 2015.
22. *Смирнов А. А.* Крах 1941 – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную армию? М., 2011.
23. *Солонин М.* Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина // URL: <http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
24. *Сувериров О. Ф.* Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998.
25. *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Вопросы и задания

1. Какие ключевые дискуссионные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны мы можем выделить?
2. В чем причины возрастающей мифологизации истории Великой Отечественной войны в современном обществе?

В. П. Попов

Советская концепция Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В ходе своего формирования советская историческая концепция Отечественной войны 1941–1945 гг. прошла несколько этапов. Условно их можно разделить на сталинский, хрущевский и брежневский. Особняком стоит эпоха перестройки.

Прежде чем перейти к характеристике каждого из этапов, отметим, что предметом нашего анализа являются, как правило, обобщающие труды. Для них характерно то, что по своему содержанию они являются в первую очередь идеологическими сочинениями и лишь во вторую – научными. В наибольшей степени эта особенность присуща работам сталинского периода, что вызывало и вызывает не только особые претензии историков к сталинской концепции Отечественной войны, но и дает основание многим историкам называть И. В. Сталина главным виновником всех бед и ошибок, допущенных советским политическим и военным руководством в годы войны. Помимо политических спекуляций, такой подход к оценке бывшего лидера страны служил и продолжает служить удобной «палочкой-выручалочкой» не только для большинства политических, государственных и военных деятелей, принимавших участие в войне и несущих свою, немалую, долю ответственности, но и для историков.

Подобный подход, на наш взгляд, малопродуктивен. Во-первых, утверждения о степени персональной ответственности советских руководителей в годы войны возможно сделать лишь после скрупулезного анализа **полных** (а не выборочно-конъюнктурных) публикаций не только постановлений Государственного Комитета Обороны (ГКО), но и материалов Ставки Верховного Главного Командования (ВГК), включая переговоры Сталина по ВЧ с командующими крупными воинскими соединениями, документов о боевых действиях фронтов, ар-

мий и флотов, о внешнеполитической деятельности и других, до сих пор не рассекреченных документов высших органов государственной власти и управления. Во-вторых, чрезмерная «персонификация» роли отдельных советских деятелей в годы войны в том виде, как она была представлена в работах советских историков, не отвечала на главный вопрос: что явилось движущей пружиной тех исторических событий 1941–1945 гг., которые вошли в историю под названием «Великая Отечественная война».

Сталинская концепция складывалась в годы войны, когда главным для руководства страны был именно идеологический аспект: катастрофическое для Советского Союза начало войны требовало не столько анализа довоенных просчетов в деле подготовки страны к обороне, то есть ответа не на вопрос «кто виноват?», сколько ответа на вопрос «что делать?». Подчеркнем еще раз. Поскольку сталинская концепция носила идеологический характер, постольку ее соответствие историческим фактам не могло служить мерилom ее качества, так как поиск исторической истины не являлся в тот момент или в более позднее время основной задачей. Главным для руководства было вселить в население Советского Союза твердую уверенность в окончательной победе над фашистской Германией и ее сателлитами. В дальнейшем, по мере роста успехов Красной армии над врагом, эта концепция все более становилась идеологией победившего в войне государственного советского строя – она помогла объединению народа в войне и победе, а потому уже только в силу этих обстоятельств нельзя было изменить ни одного базового элемента этой концепции в послевоенные годы. Единственное исключение – преимущественно негативная оценка роли И. В. Сталина в войне, фактор, напрямую связанный с политической борьбой на советском Олимпе. Отметим, эти изменения никак не коснулись оценки роли партии.

Сталинская концепция, многими своими чертами вошедшая в официальную историю Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в хрущевско-брежневские годы, успешно просуществовала до перестроечной эпохи и была развенчана не ранее того момента, когда руководство страны сочло возможным отказаться от официальной советской идеологии. Таким образом, советская историческая концепция войны исчезла не сама по себе, под напором новых исторических фактов, а в связи с ревизией руководством страны всей советской идеологической доктрины, в которой концепция войны являлась важной, но лишь составной частью. Сама советская идеологическая доктрина

в годы перестройки перестала отвечать главному условию любого идеологического документа государственного масштаба: питать массовые иллюзии и надежды населения и соответствовать им в действительности. Именно в годы правления М. С. Горбачева отчетливо выявились полная несостоятельность советской идеологии и тот факт, что ее положения окончательно утратили свою привлекательность для советского народа. Убедившись в этом, а также в том, что советская система не подлежит реформированию, Горбачев официально закрепил разрыв государственной идеологии СССР с идейным большевизмом, в том числе с теоретическим наследием И. В. Сталина.

Фундаментом всей советской исторической концепции Отечественной войны 1941–1945 гг. является сборник речей, выступлений, приказов И. В. Сталина за годы войны, так как в этот период он одновременно возглавлял ГКО, партию, правительство, являлся Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами и наркомом обороны СССР [19].

Ход военных действий сразу сложился для нас так, что все советское население ждало ответа на главный вопрос: «Почему немцы прут вперед, а мы отступаем?» Советские войска в первые часы войны пытались выполнять задачи по плану прикрытия, который совершенно не соответствовал складывавшейся обстановке. Действовать по ситуации командиры корпусов и дивизий не могли, поскольку не имели данных о количестве сил и военных акциях противника. Постоянной связи между частями не было, об истинных потерях никто не знал. Оперативные результаты советских контрударов, несмотря на самоотверженные действия наших войск, были незначительны, а понесенные потери неимоверно велики. Особенно тяжелое положение складывалось на Западном фронте, так как здесь наступала группа армий «Центр», самая мощная из всех групп армий, участвовавших в нападении [9].

К концу июня стало очевидно, что ни на одном фронте не удалось разгромить вклинившиеся группировки противника. Кроме того, вражеская авиация господствовала в воздухе, а наши огромные потери в авиации, танках и личном составе обрекали Красную армию на дальнейшее отступление. За три недели боев были оставлены Латвия, Литва, Белоруссия, значительная часть Украины и Молдавии. Немецкая армия за этот период продвинулась в глубь страны на северо-западном направлении на 450–500 км, на западном – на 450–600 км, на юго-западном – на 300–350 км. Эти цифры дают представление о среднесуточных продвижениях немецких войск – от 20 до 30 км. Даже на юго-

западном направлении, где советские войска имели значительное преимущество над немецкими в живой силе и вооружении, где была развитая система укрепрайонов, в ожесточенных сражениях выявилось превосходство вермахта в решающих компонентах боя, умелом и четком взаимодействии немецких танков с пехотой, артиллерией и авиацией.

В первую неделю войны, не зная истинных размеров катастрофы, поскольку отсутствовала постоянная связь со штабами фронтов, армий, дивизий и был утрачен общий контроль над ходом военных событий, И. В. Сталин считал нецелесообразным рисковать одним из своих главных козырей – личным авторитетом. Поэтому грозную весть о начале войны народу сообщил В. М. Молотов. Лишь когда определились масштабы потерь и стало ясно, что на главном центральном направлении приграничное сражение проиграно, а с ним может быть проиграна и война, перед народом выступил И. В. Сталин.

Было ли действительно внезапным нападение Германии на Советский Союз? Была ли готова страна к организованному отражению агрессии? Кто повинен в катастрофе 1941 г.?

В своем первом обращении к советскому народу 3 июля 1941 г. Сталин объяснял все случившееся неожиданностью нападения, полной готовностью и отмобилизованностью немецких войск, опытом войны, который они получили в западных кампаниях. Эти же объяснения во множестве встречаются в военной мемуаристике и многих исторических работах до настоящего времени¹. В речи от 3 июля 1941 г. можно условно выделить три части. В первой дано объяснение причин нашего отступления (неожиданное и вероломное нарушение немцами пакта о ненападении, полная отмобилизованность войск Германии, «тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам»), оправдывается предвоенное соглашение между СССР и Германией (подписание пакта о ненападении). Затем, во второй части, дается оценка начавшейся войны как ведущейся на уничтожение («дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР»), что, по мнению И. В. Сталина, определяет ее со стороны СССР как «всемирную отечественную войну». Третьей, важнейшей частью речи являлся план конкретных мер, направленных на «немедленную перестройку всей нашей работы на военный лад». В основу этой части легла известная директива Совнаркома и ЦК партии

¹ Наш опыт преподавания темы «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» в вузе показывает, что данная позиция разделяется многими студентами, то есть речь идет о стойком укоренении стереотипов и мифов по важнейшим проблемам отечественной истории.

от 29 июня 1941 г., подготовленная А. С. Щербаковым, В. М. Молотовым, А. И. Микояном. Повторим еще раз: советская историческая концепция стала формироваться еще в годы войны как острое идеологическое оружие в битве за умы и настроения советских людей, а не как научный анализ действительных причин неудач советских войск.

Имеющиеся в распоряжении историков факты опровергают расхожую версию о «неожиданности нападения». Хотя немцы до последнего момента держали точную дату нападения в тайне, но, как считают многие историки, суммарный анализ всей информации, получаемой советской разведкой и ложившейся на стол Сталина, позволял сделать вывод о том, что **германское руководство приняло политическое решение о нападении на Советский Союз**. Эти историки полагают, что Сталин стоял перед проблемой не дефицита, а **избытка информации**, но по своей укоренившейся привычке никому не верить, маниакальной подозрительности он из всего потока сообщений брал то, во что желал верить. Ему казалось, что без завершения войны с Англией Германия, боясь войны на два фронта, не нападет на СССР. Поэтому он стремился всячески избежать конфликта с Германией, не спровоцировать ее на агрессию, чем и объясняется его нерешительность.

Другие историки возражают: Сталин не шел на объявление всеобщей мобилизации до войны, так как в этом случае стал бы в глазах всего мира агрессором, что лишило бы СССР возможности создать антигитлеровскую коалицию и получить помощь от Англии и США. По их мнению, неправильно считать главной причиной катастрофы сталинское руководство, потому что были созданы и сосредоточены на западных границах в 1939–1941 гг. армии прикрытия, а в апреле – июне 1941 г. приняты дополнительные меры по повышению боеготовности Красной армии. Поскольку фактически первым ударам войск агрессора 22 июня подверглись лишь 30 дивизий армий прикрытия из 237 дивизий западных приграничных округов и стратегического резерва, то **ошибка Сталина заключалась лишь в переоценке боеспособности наших войск**, значительно превосходивших вермахт по числу дивизий и боевой техники: «Было сделано все главное, что страна должна была и могла сделать для успешного отражения надвигавшейся агрессии, если не затрагивать вопроса о качестве наших войск в сравнении с гитлеровскими» [22, с. 500].

Итак, если под боеспособностью понимать главное – умение воевать, то, видимо, следует согласиться со многими советскими генера-

лами и маршалами, что в июне 1941 г. Красная армия уступала вермахту в этом качестве, что и стало важной причиной поражения наших войск.

Еще одна важная причина поражения, отмечают современные историки, – это качество советского стратегического планирования перед войной. В соответствии с советским планом войны, войска первого стратегического эшелона должны были отразить первый удар врага и перенести действия на его территорию еще до развертывания наших главных сил и резервов. Этот план первоначальных боевых действий, по мнению военных историков, не учитывал того, что в первых кампаниях Второй мировой войны (против Польши и Франции) немецкая армия наносила первый удар главными силами, сосредоточенными еще до начала вторжения. За счет высокой концентрации войск немцы создавали многократное превосходство в силах на направлении главных ударов. Советские же войска были растянуты по фронту и имели низкую оперативную плотность: вместо полагавшейся по Полевому уставу 1941 г. полосы обороны одной дивизии в 8–10 км, в действительности приходилось 40–60 км. Именно это обстоятельство, то есть **характер самого удара**, нанесенного **всей массой** немецких бронетанковых войск, по словам маршала Г. К. Жукова, не был предусмотрен ни Генштабом, ни Наркоматом обороны [2, с. 500–508]. Раз не был предусмотрен такой удар, далеко не все было сделано для его отражения.

Военные историки также отмечают, что группировка советских войск на границе не носила ни наступательный, ни оборонительный характер, а оперативная готовность войск оценивалась командованием **без учета характера действий противника**, что не дало возможности «постепенно наращивать боевую готовность войск в зависимости от складывающейся обстановки на границе».

Выход в свет в наши дни фундаментального 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» [4] свидетельствует, что в конце 1940 г. руководство страны располагало сведениями разведки о плане «Барбаросса», дислокации войск противника вдоль советско-германской границы и возможных сроках нападения. 24 мая 1941 г. И. В. Сталин на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заявил уже со всей определенностью: «В ближайшее время мы подвергнемся внезапному нападению со стороны Германии».

И все же, по мнению большинства современных историков, не были проведены в полном объеме мероприятия по своевременной мобилизации,

сосредоточению и развертыванию Вооруженных сил для отпора врагу. И. В. Сталин знал о директиве, подписанной Гитлером, но не доверял данным разведки и считал их дезинформацией. Его позиция – любой ценой избежать войны и остаться в стороне от разгорающегося мирового пожара – привела к катастрофическим последствиям.

Многие историки, вслед за политиками и военными, заявляют, что один из основных просчетов заключался в определении возможного времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. В результате враг упредил нас в концентрации войск, в создании мощных наступательных группировок и добился превосходства в силах и средствах на главных направлениях. Войска Красной армии, не приведенные в боеготовность, не заняли положенные им рубежи обороны, находились в лагерях, на полигонах, в стадии реорганизации, пополнения, передислокации и передвижения. Не будь этого, считает историк В. А. Анфилов, даже при самом неудачном для нас развитии событий советские войска не отошли бы дальше Днепра.

Однако при более глубоком рассмотрении причин катастрофы выясняется, что дело заключалось не только в просчетах, связанных с временем нападения. В своих записках, не вошедших в книгу «Воспоминания и размышления», маршал Г. К. Жуков писал, что Сталин и «полностью согласное с ним» Политбюро не только ошиблись в своей оценке обстановки и всех прогнозах в отношении действий гитлеровской Германии («У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдет»), но и не приняли необходимого политического решения – разрешить высшему военному командованию заранее развернуть войска прикрытия в боевые порядки и создать на всех стратегических направлениях группировки войск, способные отразить массированные удары германской армии. По этой же причине, по мнению маршала, не был осуществлен еще до войны, весной 1941 г., столь необходимый перевод основной промышленности «на военные рельсы». Жуков не снимает вины за поражение и с военного руководства, но ошибки последнего, по его твердому убеждению, были производными от политических просчетов Сталина и возглавляемого им правительства. Жуков также подчеркивал, что наши Вооруженные силы в том состоянии, в котором они находились к началу войны, не могли отразить массированные удары германских войск и не допустить их глубокого прорыва. Отсутствовала надежная система ПВО страны, не имелось в достаточном коли-

честве хорошо вооруженных и подготовленных танковых и механизированных соединений, слабо была развита бомбардировочная авиация, не уделялось должного внимания таким формам ведения войны, как оборона, не было сделано «надлежащих выводов из опыта начального периода Второй мировой войны» и, наконец, замечает маршал, он сам «не успел взять в руки» сложнейшее дело руководства Генштабом [2, с. 500–508].

Приведенное мнение одного из наиболее информированных представителей советской военной элиты, который в январе – июле 1941 г. возглавлял Генштаб, свидетельствует о наличии серьезных разногласий о характере предстоящей войны с Германией между политическим и военным руководством Советского Союза. Многие конкретные предложения Наркомата обороны и Генштаба не были приняты Сталиным своевременно, время оказалось упущенным, перестраиваться пришлось уже в ходе войны, неся большие потери. Начальный ход войны продемонстрировал советскому руководству многие просчеты предвоенной политики, в том числе в области военного строительства, но на осознание этого факта также ушло время. Нужны были новые решения, принципиально пересматривающие всю стратегию войны. Приведем только один пример. Так, переход к стратегической обороне был осуществлен в период с 25 июня 1941 г. по конец месяца. Однако, как подчеркивают военные историки, мысль о переходе в контрнаступление «не оставляла Ставку Главного Командования еще несколько месяцев». Это проявилось и в ходе знаменитого Смоленского сражения. И только 27 сентября Ставка пришла к выводу о «неготовности» войск к серьезным наступательным операциям и приказала Западному фронту перейти к «жесткой упорной обороне». До этого военное и политическое руководство страны не сомневалось в правильности советской военной доктрины, главным стержнем которой были идея «ответного удара» и теория глубокого боя, заслонившие для нашей армии вопросы обороны. Только война показала, чего стоила теория, разработанная советскими генштабистами до войны. Попытка Сталина переложить вину за катастрофу на командование Западного фронта, верхушка которого была обвинена в измене и по приговору суда расстреляна через месяц после начала военных действий, свидетельствовала о чрезвычайной растерянности кремлевского правителя, его нежелании признать ошибки своей предвоенной политики.

Большинство историков сходятся в том, что одной из основных причин неудач Красной армии в начале войны стало ослабление

офицерского корпуса массовыми репрессиями. Погибли как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» три маршала Советского Союза из пяти имевшихся в то время: в 1937 г. – М.Н. Тухачевский, в 1938 г. – В.К. Блюхер и в 1939 г. – А.И. Егоров. Из 16 командармов 1-го и 2-го рангов уничтожены 15; из 67 командиров корпусов – 60; из 199 комдивов 136, погибли все 17 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов. За 1936–1939 гг. было уволено из Красной армии 42575 человек начсостава, в том числе «за связь с заговорщиками»: в 1937 г. – 11 104 человека, в 1938 г. – 3580, в 1939 г. – 284 человека. Из числа уволенных к лету 1940 г. было восстановлено 12461 человек. По подсчетам О.Ф. Сувенирова, общее число жертв в группе высшего (от бригадного, дивизионного, корпусного звена и выше) комначполитсостава РККА за 1936–1941 гг. составило 932 человека. **Красная армия по существу была обезглавлена**, считает он [20]. Репрессии сопровождались публичным шельмованием, что приводило к подрыву авторитета и тех военачальников, которые не подвергались наказаниям. Была также нарушена преемственность между старой и новой военной элитой. Чистки командного состава Красной армии, проведенные в 1936–1939 гг., не только обезглавили Вооруженные силы, но и посеяли страх в офицерской среде. Боязнь командиров принять на себя ответственность за самостоятельные решения делала нашу армию безынициативной, обрекала на поражение в отдельных сражениях даже при равенстве сил с немецкими войсками.

Восполнить понесенные потери до начала войны было невозможно, а реорганизация и увеличение Вооруженных сил перед войной создавали дополнительный некомплект в офицерских кадрах. За 1938 г. – июнь 1941 г. число стрелковых дивизий возросло с 96 до 198, а всего к началу войны в Вооруженных силах имелось 303 дивизии. На должности выдвигались молодые, но малоподготовленные и не имеющие опыта руководства войсками кадры. Перед войной в сухопутных войсках в звене «округ – полк» в среднем 75 % командиров и 70 % политработников имели стаж работы в занимаемой должности до одного года. Красная армия перед войной росла количественно, но в ущерб качеству прежде всего офицерского и сержантского состава. В 1940–1941 гг. вновь были назначены на должности более 80 % командующих округами, около половины – командующих армиями, примерно 70 % – командиров корпусов и дивизий. Немецкие войска, в отличие от советских соединений, во всех звеньях имели хорошо подготовленный в теоретическом и практическом плане командный состав. Советско-

финляндская война выявила серьезные провалы в подготовке командиров тактического звена, в том, что боевой подготовке бронетанковых войск и авиации Генштаб и Наркомат обороны не уделяли должного внимания. Поэтому авиация и танковые войска не стали ударной силой, как в вермахте. Сказалось и отсутствие хорошо подготовленных штабистов.

Представляется достаточно обоснованным вывод ряда историков о том, что ход приграничных сражений показал неготовность всех – от Ставки Верховного Главнокомандования до командиров тактического звена – к современной войне. Приказ Ставки во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи даже в условиях глубокого флангового обхода противника часто становился причиной того, что целые группировки советских войск попадали под удары врага, что вынуждало их вести тяжелые бои в окружении, влекло за собой большие потери в людях и боевой технике, усиливало панические настроения в войсках. Отсутствовало, в отличие от вермахта, четкое взаимодействие на поле боя танков с пехотой, артиллерией и авиацией. Значительное место этому сюжету уделено в мемуарах К. К. Рокоссовского; в советском издании эти места из воспоминаний маршала были изъяты по цензурным соображениям¹ [17].

Важное значение в свете рассматриваемой проблемы имеет и вопрос о соотношении сил обеих противоборствующих сторон. По данным военного историка генерала Ю. А. Горькова, на 22 июня 1941 г. Германия сосредоточила на границе с СССР 3,5 млн человек, 31 тыс. орудий и минометов, 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4 тыс. боевых самолетов. Все войска были сведены в три армейские группировки: «Север», «Центр» и «Юг». На стороне Германии выступили финские, румынские и венгерские войска численностью около 900 тыс. солдат и офицеров. Более 90 тыс. войск отправили к границам СССР Италия, Словакия и Хорватия. Уверенные в превосходстве своих сил, Гитлер и его генералитет предполагали закончить *блицкриг* («молниеносную войну») на Востоке за 8–10 недель. Войска Германии были полностью развернуты. Лидер нацистов убеждал армию и народ, что вторжение в Россию будет носить характер *превентивной войны* (войны, *упреждающей действия противника, готового к нападению, каковым Гитлер считал Советский Союз*). В последующем легенда о «превентивной войне» Германии против

¹ В современном издании мемуаров маршала восстановленные части, изъятые в тексте советского издания, обозначены курсивом.

СССР стала мощным идеологическим оружием в руках всех недругов нашей страны.

По мнению большинства историков, весной – летом 1941 г. Германия была готова к полномасштабной войне против Советского Союза. Это подтверждают следующие факты. Во-первых, еще в июле 1940 г. немецкое командование приняло политическое решение: «Россия должна быть ликвидирована». Во-вторых, план нападения на Советский Союз («Барбаросса») определял направления главных ударов, чтобы в ходе «молниеносной войны» достигнуть намеченной цели, линии Архангельск – Астрахань в течение восьми, максимум – в течение шестнадцати недель. В-третьих, Германия располагала первоклассно подготовленной армией, оснащенной современным вооружением и техникой, с опытом ведения войны. В-четвертых, немцы составили план эксплуатации и управления завоеванными территориями, определили курс на планомерное уничтожение местного населения. В-пятых, стратегическое развертывание немецких сил на Востоке началось еще в феврале 1941 г. и осуществлялось с таким расчетом, чтобы мощный ударный кулак сформировался непосредственно перед началом вторжения в СССР.

Советские войска, расположенные вдоль западной границы, превосходили вермахт в танках и авиации, но уступали в численности – 2,9 млн человек. Они не имели необходимого боевого опыта, а потому оказались не готовы отразить массированные удары немецких войск и не допустить их глубокого прорыва.

В октябре 1941 г. вражеские армии стояли под Москвой. Поэтому в речи 7 ноября 1941 г., обращаясь к войскам на Красной площади, Сталин сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина». Важнейшую идеологическую наработку военных лет – тезис о советском патриотизме и «морально-политическом единстве советского народа» – Сталин активно использовал и в дальнейшем. Так, на приеме в Кремле в мае 1945 г. он провозгласил тост «за здоровье нашего советского народа и прежде всего русского народа». В нем за внешней благодарностью русскому народу, одержавшему победу над врагом в союзе с другими народами страны, в сознание населения и потомков вкладывался тезис о том, что «доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила

историческую победу над врагом человечества, над фашизмом»¹ [15]. Таким образом затушевывалось то обстоятельство, что народ защищал в первую очередь Отечество, а не партию и советский режим. Ничем иным, кроме идейного раскола, охватившего общество в первый год войны, нельзя объяснить факт, известный каждому школьнику: немецкие войска с боями шли до Москвы около пяти месяцев, а наши – в обратном направлении – почти три года. Это при том, что начиная с лета 1943 г. (Курской битвы) и до конца войны Красная армия имела подавляющее преимущество в живой силе и вооружении над вермахтом. О том, что «реверанс» в сторону русского народа был со стороны Сталина не более, чем тактической уловкой, свидетельствует следующий факт. Получив в июле 1947 г. записку Жданова с материалами к проекту новой Программы партии, вождь против слов: «Особо выдающуюся роль в семье советских народов играл и играет великий русский народ, [который] по праву занимает руководящее положение в советском содружестве наций» написал свое знаменитое «не то» [1, л. 23]. Оставшись до конца жизни верным ленинцем, Сталин понимал слово «народ» только в значении «советский», употребляя выражение «русский народ» в конъюнктурных интересах государственной идеологии. Признать иное было для него равносильно отрицанию социализма как реальности, отрицанию того, чему он посвятил свою жизнь. Поэтому в новом государственном гимне были и такие слова: «Знамя советское, знамя народное/Пусть от победы к победе ведет!»

Следующий шаг в разработке концепции был сделан после первых побед Красной армии в Московской битве. 23 февраля 1942 г. И. В. Сталин определил в приказе наркома обороны № 55 «Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии». Интерес представляет не сам перечень, а его истолкование. В работе, специально посвященной этой теме, говорится, что в понятие «прочность тыла» входит все, чем исчерпывается жизнедеятельность государства, то есть морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм,

¹ Не вдаваясь в споры между историками по поводу интерпретации этой знаменитой сталинской речи, укажем только на одно важное обстоятельство, выявленное историком В. А. Невежиным: Сталин тщательно правил текст своего выступления; характер правки свидетельствует о стремлении вождя дистанцироваться от личной вины за ошибки и поражения 1941–1942 гг., «переложить ее на Советское правительство».

крепость социалистического строя и советского государства, партия Ленина – Сталина [21, с. 16–24]. В том же идеологическом духе, далеком от действительных фактов и анализа духовного и материального потенциалов обеих противоборствующих сторон, толковались советскими историками другие факторы.

В ноябре 1943 г. И. В. Сталин дает развернутую характеристику прошедшего года не только как переломного в ходе Отечественной войны, но мировой войны в целом. Основаниями к этому, по его мнению, являлись: умение Красной армии проводить успешные стратегические наступления не только зимой (Сталинградская битва), но и летом (Курская дуга), уничтожение наиболее опытных кадров немецко-фашистских войск, хозяйственный и военно-политический кризис Германии, успешная работа советского тыла, изменения в расстановке сил воюющих держав в пользу антигитлеровской коалиции.

Основные положения сталинской концепции повторяются во втором издании его краткой биографии, вышедшей к 70-летию И. В. Сталина миллионным тиражом [11].

Повторим еще раз. Имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении историков документы противоречат основам сталинской идеологической концепции. О плане «Барбаросса» политическое и военное руководство СССР знало из разведданных через две недели после его утверждения, как и о развертывании немецких войск на границе с Советским Союзом (вплоть до подробной дислокации всех немецких дивизий). Части Красной армии, сосредоточенные вдоль западной границы, хотя и уступали вермахту в живой силе, но имели достаточное количество вооружения для организации долговременной обороны. Кроме того, как уже отмечалось, в апреле – июне 1941 г. были приняты дополнительные срочные меры по повышению боеготовности (призыв 800 тыс. резервистов для пополнения войск западных военных округов, скрытая переброска из внутренних округов 66 дивизий, приведение в боеготовность 63 дивизий резервов и выдвижение их в состав армий прикрытия, создание командных пунктов фронтов и т. п.). Создание штрафных батальонов и рот, действия заградительных отрядов, особых отделов НКВД и военной контрразведки «Смерш» на фронте, военных трибуналов на фронте и в тылу, бесчеловечное правовое положение пленных красноармейцев, командиров, политработников и членов их семей – все это породило не характерные для России случаи массового перехода солдат, офицеров, а иногда и генералов на сторону врага. Волнения рабочих (например, ивановских

текстильщиков осенью 1941 г.), недовольство крестьян, жизнь населения оккупированных территорий, которое после войны осталось под постоянным подозрением советской власти, также развенчивают миф о «морально-политическом единстве советского народа». Историки сталинской эпохи, создавая свои работы, следовательно, всего лишь обслуживали определенный идеологический и политический заказ. Эта задача сохранилась за ними и в последующем, но сам характер заказа изменился.

Идеологическая подготовка «оттепели», наиболее полно и ярко выраженная в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях», предусматривала в качестве первоочередной задачи политическую дискредитацию И. В. Сталина. Не остался без внимания и период Отечественной войны. Для этого докладчик прибег к прямой подтасовке фактов (например, в вопросе о действительных виновниках харьковской катастрофы в мае 1942 г., плохом вооружении Красной армии). Учитывая несоответствие собственного масштаба как государственного деятеля в сравнении со сталинским, Никита Сергеевич, стремясь принизить Сталина в глазах окружающей партийной, государственной и военной номенклатуры, прибег в своем докладе к такому приему, как насмешка. Отсюда его выдумки о том, будто бы «Сталин операции планировал по глобусу».

Одновременно, чтобы удовлетворить общественные претензии на знание правды об Отечественной войне 1941–1945 гг., дается указание о написании шеститомной истории [12].

Шеститомник, если рассматривать его как перечень фактов и сведений о ранее неизвестных страницах войны, не потерял своей актуальности до настоящего времени. Большое значение для понимания различных проблем Отечественной войны имеет содержащийся в последнем томе историографический обзор, который включает анализ работ ученых «братских социалистических стран» и «основных капиталистических», ряд других оригинальных тем и сюжетов. Вместе с шеститомным исследованием архивистами был подготовлен десяти томный сборник документов, который не был опубликован. Основы сталинской концепции (о «правильной внешней политике» СССР накануне войны, «внезапности нападения» Германии на Советский Союз, «неприведении в боеготовность» Красной армии и «превосходстве агрессоров» в количестве войск и боевой технике, о «морально-политическом единстве» народа и «коренном переломе» в войне) поколеблены не были, да такой задачи и не ставилось.

В хрущевские времена указывалось, что Германии удалось сконцентрировать в своих руках экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы, создать блок единомышленников по агрессии, оснастить вермахт передовой техникой и вооружить его опытом ведения современной войны. Германская армия имела также «тщательно составленный и до мелочей продуманный план», а к моменту нападения Вооруженные силы Германии были полностью отмобилизованы, укомплектованы и сосредоточены у западных границ СССР в «выгодной для наступления группировке». Как важнейший фактор называлась также внезапность нападения. Крупной ошибкой Сталина являлась недооценка им реальной угрозы войны, несостоятельность его расчетов на возможность предотвратить конфликт между СССР и Германией «мерами политического и дипломатического характера». Низкая боевая готовность Красной армии объяснялась преимущественно ошибками военного руководства и Генштаба.

Заряд критики культа личности Сталина, заложенный Хрущевым на XX съезде партии, нашел отражение в книге А. Некрича «22 июня 1941 г. », вышедшей в 1965 г. Она стала апофеозом «антисталиниады», вызвала невиданный читательский интерес и была подвергнута погромной критике при обсуждении ее в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1966 г. В поисках исторической правды Некрич, по его собственным словам, занялся анализом «причин, приведших к поражению начального периода войны». По существу, эта книга впервые на концептуальном уровне подвергла научной критике точку зрения официальной советской историографии.

В брежневскую эпоху продвижение советской исторической науки в изучении Отечественной войны наиболее полно отразилось в 12-томной «Истории Второй мировой войны», изданной в 1973–1982 гг. [13]. Если рассматривать вынесенную в заголовок проблему с позиций «сталинизации» или «десталинизации», трудно продвинуться дальше сбора дополнительных фактов о «плохих» и «хороших» вождях и военачальниках, «наказанных» народах и иных мифах, сложившихся в эти и предшествующие годы. В этом смысле двенадцатитомник внес свою немалую лепту. Чего стоят, например, такие фразы, рассыпанные по его страницам: «в идейном и политическом отношении советский народ встретил войну в полной патриотической готовности», или «советская экономика сумела существенно превзойти уровень военного производства противника... [за счет] четкого планирования, эффективного использования основных фондов рабочей силы, внедрения в произ-

водство прогрессивной технологии и более совершенной организации производства». Учитывая экономическое и технологическое развитие Германии в предвоенные и военные годы, можно предположить, что приведенные оценки характеризуют экономику Германии, а не СССР.

Брежневский 12-томник отразил основную черту советской исторической науки: соединение правды и лжи, где специально подобранные факты (наряду с «фигурами умолчания») должны, по замыслу создателей, подкрепить ложные выводы и оценки. Поэтому расширение источниковой базы нового труда (в научный оборот впервые было введено множество неизвестных архивных документов, включая текст знаменитого приказа «Ни шагу назад!») и круга затронутых проблем не привели к пересмотру советской концепции войны, ее подлинно научному постижению. Отдельные интересные дискуссии (например, о коренном переломе во Второй мировой войне и его начале, о стратегических операциях Отечественной войны и др.) велись, при всей их значимости, но частным порядком и мало затрагивали концептуальные основы, заложенные И. В. Сталиным [5, 7].

В брежневские времена во многом вернулись к сталинским оценкам. Отмечалось, что наша армия своевременно была организационно перестроена и приведена в соответствие с новой боевой техникой, уровнем советской военной науки, а по технической оснащенности не отставала от армий крупнейших империалистических держав. Неудачи начального периода войны объяснялись тем, что Красная армия сражалась в невыгодных, тяжелейших условиях, когда на стороне агрессора были «материальное превосходство, опыт ведения современной войны и фактор внезапности». Ни слова не было сказано о репрессиях командных кадров Красной армии перед войной, что, по мнению многих историков, было одной из главных причин наших поражений.

Период перестройки в изучении Великой Отечественной войны характеризовался, с одной стороны, полным отказом от прежней идеологической концепции, просуществовавшей без особых изменений более сорока лет, с другой – новой критикой И. В. Сталина и сталинизма. Поначалу ничто не предвещало перемен. В докладе М. С. Горбачева, посвященном 40-летию Победы, компартии, Политбюро и лично И. В. Сталину, отдано должное за их вклад в победу [18, с. 1–7]. В 1987 г. Политбюро поддержало предложение об издании 10-томного труда «Великая Отечественная война советского народа». Тем самым признавалось, что войну выиграл народ. Правда прилагательное «советский»

оживляло в памяти тезис о «морально-политическом единстве советского народа», а вместе с ним и сопутствующие концептуальные понятия. Уже первые обсуждения плана-проспекта предполагаемого издания показали, что за формальными призывами ученых учитывать «диалектическое переплетение» объективных причин и субъективных факторов на первый план по-прежнему выдвигаются в качестве основы «преступления Сталина и его ближайшего окружения» [16].

Наиболее показательна в этом отношении работа Д. А. Волкогонова, как бы завершающая перестроечный период. По насыщенности новыми архивными документами (в том числе с грифом «совершенно секретно») ей долго не было равных в отечественной историографии, но никакой самостоятельной авторской концепции она не содержала. В работе сделана попытка на новом, уже «архивном уровне» доказать историческую вину И. В. Сталина и его режима. Парадоксально, но и закономерно, что при решении указанной задачи Волкогонов практически не порывает с важнейшими положениями сталинской концепции войны. В подтверждение приведем лишь одну цитату из его книги: «Кроме достаточно прочной социальной монолитности советского общества, его морально-политического единства, огромное значение для исключения проявлений власовщины имели военные успехи. Они, по сути, исключали факты депрессии, паники, подавленности, которые являлись благодатной почвой для предательства» [6, с. 259]. Утверждение автора прямо противоречит фактам, изложенным в его же книге.

О том, что коллаборационизм был характерен для всех стран, участвующих во Второй мировой войне, что сама проблема предательства далеко выходит за рамки отдельной личности или чисто «арифметических» подсчетов количества советских людей, волею или неволею перешедших на сторону врага, свидетельствуют последние публикации на эту тему [3, 8, 14].

По мнению некоторых историков, эта проблема напрямую связана с другой проблемой: с какого времени война 1941–1945 гг. стала носить характер войны Отечественной. Некоторые историки считают, что на первом этапе войны – с июня 1941 г. до зимы 1941/42 г. – причины поражения Красной армии, наряду с официально признанными советской историографией, заключались в *«нежелании армии воевать»*, что обуславливалось внутривнутриполитическим положением страны накануне войны и морально-политическими факторами, влиявшими

на сознание, волю и поведение подавляющего большинства народа, а следовательно, и армии. Начало войны было воспринято народом как «переход идеологического и политического конфликта между фашизмом и коммунизмом в военную схватку», которая «не обязательно затрагивала историческую судьбы страны». По этой причине, утверждают эти историки, часть общества, «ненавидящая сталинскую диктатуру», восприняла войну как сигнал о «предстоящем свержении советской власти», а другие были повергнуты в страх. Этот раскол породил и разную реакцию – от проявления твердой воли к сопротивлению, борьбе не на жизнь, а на смерть до парализующего страха. Отсюда сдача в плен врагу, встречи оккупантов «с хлебом и солью», стихийное формирование добровольческих отрядов из местного населения для освобождения страны от коммунизма (от себя заметим, что многочисленные свидетельства подобных проявлений среди населения самых разных районов страны к настоящему времени опубликованы во многих документальных сборниках). Однако знакомство на практике с немецкой оккупационной политикой привело к серьезному «психологическому сдвигу» в душах и сердцах многих людей, думающих, что «хуже коммунизма ничего быть не может». Былые обиды забылись, доминирующей стала мысль о «первостепенности задачи уничтожения вторгнувшегося в страну внешнего врага». Таким образом, возникла «морально-психологическая основа для превращения войны в Великую Отечественную». Помимо осуществления «жесткой и глупой политики немецких оккупационных властей», считают эти историки, все большее число добровольцев осознавало, что они, осуществляя волю политического руководства Германии, «борются в сущности не с коммунизмом, а с Россией». Это имело огромное психологическое значение, приводило к возникновению у добровольцев внутренних конфликтов, появлению разочарования, чувства вины перед собственным народом.

Именно исчезновение Советского Союза как великой державы сделало возможным появление книг, которые окончательно разрушили советскую историческую концепцию Отечественной войны 1941–1945 гг. и создали альтернативу, имевшую столь же идеологизированный характер, что и предшествующая советская. Только основывалась она на иных, уже западных, мифах, стремившихся полностью обесценить великую Победу народов Советского Союза в войне, лишить российское общество исторической памяти, сделать историю России объектом критики, а не научного постижения и изучения.

В середине 1980-х гг. вновь актуализировалась тема «Кто начал Вторую мировую войну?». Она получила новое развитие, особенно после того, как бывший офицер-разведчик из СССР В. Резун перебежал на Запад и начал там с помощью иностранных спецслужб публиковать статьи и книги под псевдонимом В. Суворов. В книге «Ледокол», первоначально опубликованной в ФРГ и Англии, а в 1992 г. – в России миллионными тиражами, Суворов утверждал, что если бы Гитлер не напал на СССР 22 июня 1941 г., то спустя две недели – 6 июля – Сталин двинул бы Красную армию на разгром Германии. Поскольку Гитлер, опасавшийся агрессии со стороны Советского Союза, завершил концентрацию своих войск в ударные группировки раньше, чем это смогла сделать Красная армия, он первым и нанес удар. Наши войска, готовившиеся к наступлению, а не к обороне и находившиеся к июню 1941 г. еще только в стадии отмобилизования и развертывания, были захвачены врасплох. В момент немецкого удара они оказались не готовы ни к наступлению, ни к обороне и потому понесли тяжелое поражение [10].

Если рассматривать основную посылку автора как аксиому, то его концепция, основанная на умелом цитировании советских источников (преимущественно на мемуарах советских маршалов и генералов), внутренне не противоречива. Годом ранее была опубликована небольшая по объему книга Б. В. Соколова «Цена Победы», в которой выдвинут следующий основной тезис: все победы в Отечественной войне достигались советскими полководцами «многомиллионными напрасными жертвами армии и народа», а используем мы свой технический и численный перевес более рационально – «победы, быть может, удалось бы достичь еще в конце 1942 г. и уж во всяком случае в 1943 г.». Если до этого в общественное сознание активно внедрялась мысль о том, что «нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим» (строки из песни к кинофильму «Белорусский вокзал»), то отныне цена достигнутой победы признавалась «чрезмерной», а сама победа – пирровой.

Разрушение устойчивых мифов и создание новых происходило на рубеже конца 1980–1990-х гг. очень болезненно потому, что было связано с социальной психологией не отдельных слоев, а всего народа. Новая идеологическая концепция, поначалу воспринятая и некоторым числом отечественных историков, наносила удар по самому сокровенному, ибо и сегодня, как показывают результаты многочисленных социологических опросов, Победа в Отечественной войне 1941–1945 гг.

является для населения России одним из важнейших результатов, достигнутых народом за всю свою многовековую историю.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 123.
2. 1941 год: В 2 кн. М., 1998. Кн. 2.
3. *Александров К. М.* Мифы о генерале Власове. М., 2010.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. М., 2011–2015.
5. Военно-исторический журнал. 1987. № 10.
6. *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И. В. Сталина. М., 1989. Кн. 2. Ч. I.
7. Вопросы истории. 1987. № 4; 1988. № 5.
8. Генерал Власов: история предательства. В 2 т. В 3 кн. М., 2015.
9. Генерал Сандалов. Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: В. А. Афанасьев, А. Н. Пономарев, Е. В. Юрина. М., 2011.
10. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов / Под ред. Г. А. Бордюгова; Сост. В. А. Невежин. М., 1995.
11. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. М., 1947.
12. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.: В 6 т. М., 1959–1965.
13. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг.: В 12 т. М., 1973–1982.
14. Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и вlassовщина. М., 2010.
15. *Невежин В. А.* Застолья Иосифа Сталина. Большие кремлевские приемы 1930–1940-х гг. М., 2011.
16. Политическое образование. 1988. № 17.
17. *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997.
18. Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1985.
19. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946.
20. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998.
21. *Таранчук М. В.* О постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны. М., 1952.
22. Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). М., 1996.

Вопросы и задания

1. В чем была сила и в чем слабость сталинской концепции Великой Отечественной войны? Какие ее элементы вошли в советскую, а какие – в современную концепцию?

2. Чем были обусловлены причины поражения Красной армии летом – осенью 1941 г.: отсутствием необходимого боевого опыта? внезапностью нападения фашистской Германии? низким уровнем командного состава Красной армии, обескровленной репрессиями? просчетами военно-политического руководства СССР? Как данная тема раскрывается в современной отечественной литературе?
3. Как вы понимаете выражение «внезапность нападения» в стратегическом и тактическом плане? Обоснуйте свой ответ со ссылкой на мемуары советских полководцев.

В. П. Попов

От Сталина до Покрышкина

Сложные чувства охватывают человека при чтении двухтомной книги «Имена Победы», вышедшей в издательстве «Кучково поле» в 2015 г., нам до конца так и не понять тех, кто встретил войну с первого дня и прошел ее до конца, до победного дня. Перед нами галерея из 53 имен советских полководцев и военачальников Великой Отечественной войны, кавалеров высших орденов – Победы, Суворова, Кутузова и Ушакова. Выход книги стал возможен благодаря подвижническому труду автора проекта – дочери прославленного маршала Р. Я. Малиновского Н. Р. Малиновской и составителю – внучке знаменитого генерала Л. М. Сандалова Е. В. Юриной, другим составителям – родственникам героев, журналистам.

Жанр книги – исторический портрет, основанный на воспоминаниях самих героев, а также на мемуарах других военных и государственных деятелей той поры, официальных документах и газетных сообщениях, редких фотографиях и материалах из семейных архивов. Мы видим войну и человека на войне глазами участников этой небывалой исторической битвы между добром и злом, начинаем лучше осознавать цели и замыслы наших героев, их деятельность, те качества личности, которые позволили им выстоять в тяжелейшей из схваток, когда-либо происходивших в истории человечества, выстоять и победить. Такой подход составителей к теме, по нашему мнению, является единственно правильным: учить патриотизму можно только на собственном примере. Перед нами истинные, не ложные герои. Веса

истории – неподкупны, они определяют масштаб личности и ее соответствие эпохе; на этих весах почести, чины, звания и награды, как и официальная лесть, ничего не значат. Недаром с древнейших времен в отношении хвастунов крылатыми стали слова: «Здесь Родос, здесь прыгай!», то есть не рассказывай о своих славных делах, совершенных где-то или когда-то, а покажи свои возможности здесь и сейчас. Вот именно в этом – демонстрации героизма, ставшего составной частью жизни отечественных полководцев и военачальников, заключается основное содержание данной книги. Все они родились на рубеже XIX–XX веков, большинство из них вышли из народной среды и не колебались в выборе военной профессии, связав свою судьбу с защитой Отечества, судьбой молодого советского государства. Все они – коммунисты, разделявшие советские идеалы и не изменившие им. В этом тоже видится большой исторический урок; пора по-новому оценить этот факт, попытаться объяснить его.

Книгу открывает подборка документов и фотоматериалов, посвященных волнующим первым дням мира, последовавшим после разгрома фашистской Германии, и Параду Победы. В посланиях руководителей союзных держав, чьи отношения с нами еще не были сильно омрачены послевоенными раздорами, выражено искреннее уважение и восхищение народами Советского Союза, «разгромившими нацистскую тиранию». В послании американского президента Гарри Трумэна говорится о победоносных «советско-англо-американских войсках», то есть на первое место поставлена Красная армия, внесшая решающий вклад в общую победу. И это выражение не только дань устоявшейся дипломатической традиции.

Особняком в галерее стоит фигура Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Авторы-составители дали возможность «высказаться» о роли Сталина в войне сталинским соратникам и лидерам обеих воюющих сторон – и нашим союзникам, и нашим противникам. Получился образ, поражающий своей многомерностью, завершенностью и, вместе с тем, противоречивостью. «Жестокий, умный, хитрый», обладающий «гениальным умом и стратегическим чувством», «способностью вникать в тонкости» и «тонким пониманием человеческого характера», «уверенностью и сознанием своей силы», грубоватым юмором, «не лишенным изящества и глубины», «простотой общения», «большой эрудицией и редкой памятью», способностью «очаровывать собеседника», с характером «нелегким, вспыльчивым, непостоянным», отношением к людям, «как к шахматным фигурам,

и преимущественно пешкам», твердостью в намерении достичь «великих идеалов, управляя реальностью и людьми» – таков весьма неполный перечень свойств сталинской личности, данных в мемуарах видных военных и государственных деятелей разных стран. И спустя более шестидесяти лет после своей физической смерти Сталин – абсолютный «рекордсмен» по количеству посвященных ему публикаций. Научный подход к изучению данного феномена не стоит ни в какой связи с современными попытками определенной и, подчеркнем это, ангажированной части общества призвать «к общественному суду над сталинизмом». Можно вынести тело Сталина из ленинского Мавзолея, но нельзя «вычеркнуть» эту личность из отечественной и мировой истории. Можно сослаться и на исторический прецедент, не имевший успеха: среди более 120 исторических лиц, чьи изображения помещены на памятнике «Тысячелетию России», установленному в Новгороде в 1862 г., отсутствует изображение Ивана Грозного. Понятно, что это была уступка либеральным общественным настроениям, соответствовавшим духу реформ Александра II. И тогда, как и сегодня, «прогрессивные круги» видели в Иване IV жестокого тирана и самодура, чье царствование было для них прямой параллелью с недавно закончившимся правлением Николая I. Вот только личность грозного царя по-прежнему пользуется вниманием и историков, и российского общества. Поучительный для нас урок истории.

Г. К. Жуков был первым среди советских военачальников, произведенных в Маршалы Советского Союза (18 января 1943 г.), а 10 апреля 1944 г. он получил орден Победы за номером один. Командующий Резервным, Ленинградским и Западным фронтами, герой Московской и Берлинской битв, он также осуществлял координацию действий фронтов во время Сталинградской битвы, по прорыву блокады Ленинграда, в Курской битве и при форсировании Днепра. Сложные отношения с Верховным Главнокомандующим не мешали Жукову пользоваться его постоянной поддержкой и доверием. Жесткий и бескомпромиссный, Жуков как нельзя лучше подходил на роль самого верного и последовательного выразителя сталинской воли в войсках.

5 июля 1943 г., когда началась Курская битва, вышел журнал “Time” с портретом А. М. Василевского на обложке. К этому времени он уже более года возглавлял Генеральный штаб. В редакционной статье говорилось: «Сталин выбрал Василевского, агрессивный маршал Жуков приводил в исполнение планы Василевского». И хотя в действитель-

ности все обстояло иначе, подчеркнута главная мысль – начальник советского Генштаба, говоря словами Жукова, принимал на своем посту «умные решения». Он был вторым, кто получил звание маршала (16 февраля 1943 г.) и орден Победы за номером два (10 апреля 1944 г.). Третьим был Сталин – звание маршала было присвоено ему 11 марта 1943 г., орденом Победы за номером три он был награжден 29 июля 1944 г.

Так они и вошли в историю – Верховный Главнокомандующий и два его ближайших сподвижника военных лет. «Если бы можно было распоряжаться личными качествами людей, – говорил Сталин, – я бы сложил качества Василевского и Жукова вместе и поделил бы между ними пополам». По отзывам сослуживцев, основными чертами характера Василевского были: доверие к подчиненным, глубокое уважение к людям, бережное отношение к человеческому достоинству. Прославился Василевский не только своей штабной деятельностью, но и как представитель Ставки в войсках, где проводил большую часть времени, как главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, разгромившими Квантунскую армию.

От себя заметим, что Сталин всячески поощрял острое соперничество между маршалами, командующими фронтами. Особенно ярко это проявилось в ходе Берлинской операции. Он видел в этом не только эффективное средство контроля, поскольку ощущал в сплоченности военной элиты реальную угрозу своей единоличной власти. К чести составителей они не стали углубляться в эту тему, проявив деликатность и поддерживая праздничный настрой всей книги.

У каждого из маршалов был свой звездный час. Полководческий дар К.К. Рокоссовского проявился в ходе разгрома трехсоттысячной армии Паулюса под Сталинградом, на Курской дуге, в ходе блестяще проведенной Белорусской операции. Он обладал редким даром предвидения, почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника. Светлый ум, широта мышления и культура, скромность, личная храбрость и мужество отличали этого полководца.

В первом ряду военачальников и маршал И.С. Конев, которому на начальном этапе войны пришлось сталкиваться с отборными кадровыми дивизиями вермахта. Учеба на поле боя далась нелегко, но Конев выстоял. Образцами военного дарования маршала служат Корсунь-Шевченковская, Уманская и Берлинская наступательные операции.

Особое место в судьбах многих советских военачальников занимала Сталинградская битва. «Поворотным пунктом войны союзных наций

против сил агрессии» назвал ее американский президент Ф. Рузвельт. Именно под Сталинградом немецкие армии окончательно утратили свой наступательный порыв, и Восточный фронт медленно, но неуклонно стал перемещаться на Запад. Среди тех, кто снискал здесь славу, был и командующий 2-й гвардейской армией Р.Я. Малиновский. В разгар битвы гитлеровское командование собрало в районе Котельниково ударную группировку генерала Гота, чтобы вызволить из окружения армию Паулюса. 21 декабря 1942 г. передовые части Гота с боями приблизились на 50 км к внешнему фронту окружения, а армия Паулюса была готова выступить им навстречу. В этот критический момент командование Сталинградского фронта, не надеясь собственными силами сдержать прорыв, запросило помощи. Из резервов Ставки навстречу противнику была выдвинута 2-я гвардейская армия, остановившая врага.

Трудно удержаться от того, чтобы в блестящей плеяде военачальников не упомянуть героя Сталинграда В.И. Чуйкова. Эпическим величием дышат слова маршала из его завещания: «После моей смерти прах похороните на Мамаевом кургане в Сталинграде, где был организован мной 12 сентября 1942 г. мой командный пункт».

Командующий знаменитой 64-й армией генерал-полковник М.С. Шумилов, прославившийся в Сталинградской битве, также похоронен на Мамаевом кургане. В середине сентября 1942 г., когда бои развернулись в самом городе, Шумилов приказал: «Очистить весь правый берег Волги в районе штаба армии и войск от переправочных средств. Пусть никто не сомневается: драться мы будем до конца». К.К. Рокоссовский отмечал, что в войсках генерала Шумилова «повсюду чувствовалась забота о солдате» и был «высокий боевой дух». 31 января 1943 г. в штабе армии Шумилов допрашивал фельдмаршала Паулюса. На просьбу фельдмаршала не фотографировать его генерал ответил: «Вы снимали наших пленных и показывали всей Германии, мы сфотографируем вас одного и покажем всему миру».

Несколько слов о личных впечатлениях: когда стоишь на Мамаевом кургане в тишине, кажется, что отовсюду из-под земли и с неба несется незатухающий гул страшной битвы, непрерывный стон тысяч и тысяч сражающихся и умирающих бойцов. Незабываемое чувство, святое место!

Человеком изменчивой военной судьбы был генерал армии М.М. Попов, в годы войны возглавлявший Северный, Ленинградский, Резервный, Брянский, Прибалтийские фронты. Маршалы и генералы,

с кем сводили Попова фронтовые дороги, отмечали исключительные военные способности генерала, личную храбрость (с легкой сталинской руки его стали называть «генерал атака»), разностороннее образование, доброту, жизнерадостность и остроумие. Пожалуй, главное, что запомнили сослуживцы, – огромная выдержка генерала, который, даже если дела на фронте складывались вопреки планам, и Ставка требовала совершить невозможное, «не переносил нервозность на подчиненных, вежливо говорил с командующими армиями, поддерживал в них бодрость».

Ярким полководческим талантом обладал командующий 2-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский, смертельно раненный в ходе Восточно-Прусской операции в феврале 1945 г. По воспоминаниям К. К. Рокоссовского, «это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это же сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого».

Свое место в ряду героев занимает генерал армии А. В. Хрулев, начальник Тыла Красной армии. Чтобы понять объем работы человека на этой должности, способности, знания и опыт, которыми он должен обладать, достаточно привести один пример. В Берлинской операции с нашей стороны участвовали 19 общевойсковых армий, 4 танковые, 3 воздушные, одна флотилия, 2,5 млн человек (включая тыловые части фронтов), 3,8 тыс. танков, 2,3 тыс. САУ, более 15 тыс. полевых орудий, 6,6 тыс. самолетов и другой техники. Всю эту массу войск и боевой техники надо было обеспечить питанием и обмундированием, боеприпасами, горючим, средствами связи, мостовыми переправами (учитывая сложный характер театра военных действий), инженерной подготовкой плацдармов и многим другим. А ведь за годы войны Красной армией было проведено более 50 крупных стратегических оборонительных и наступательных операций. При их обсуждении в Ставке каждый командующий фронтом и члены Государственного комитета обороны высказывали свои требования и претензии к тылу; при этом некоторые были не прочь свалить на генерала вину за неполадки на фронте или в оборонной промышленности.

Хочется сказать и о тех, чья судьба сложилась трагически. Среди них генерал 33-й армии М. Г. Ефремов, погибший под Вязьмой в апреле 1942 г. Смерть он предпочел вражескому плену, до конца выполнив свой воинский долг.

Свое место в книге занял знаменитый генерал Л. М. Сандалов, вступивший в войну в должности начальника штаба 4-й армии Западного фронта. Именно против войск этого фронта был направлен главный удар немецких войск, закончившийся для нас катастрофой. Вина за разгром была целиком возложена на командование фронта, а также и командующего 4-й армией генерала Коробкова. Все они были приговорены к расстрелу. Сандалов считал это решение «вопиющей несправедливостью» и после смерти Сталина приложил много сил для реабилитации своего командира. 29 ноября 1941 г. Сандалов был назначен начальником штаба вновь сформированной 20-й армии и вплоть до 19 декабря во время самых ожесточенных боев под Москвой руководил армией ввиду отсутствия из-за болезни ее командующего, печально знаменитого генерала А. А. Власова. После победы в Московской битве советская пропаганда всячески превозносила роль Власова, а после его перехода на сторону врага сделала его фигурой умолчания. Сандалов, оставивший одно из самых правдивых повествований о событиях 1941 г., был вынужден считаться с этим обстоятельством и не касаться данной темы.

Свое место среди героев войны по праву занял лучший ас мировой войны А. И. Покрышкин. Он, как и многие воины, прошел войну с первого до последнего дня на передовой. Молва приписывает ему следующие слова: «Кто в сорок первом не воевал, тот войны не видел». Сам герой в полной мере познал тяжесть суровых испытаний, доставшихся тем, кто встретил войну на границе в первые дни. Русский летчик никогда не ставил самоцелью увеличение личного счета сбитых самолетов врага. Свои достижения он мерил по-иному. За всю войну ни один ведомый Покрышкина не погиб. «Для меня жизнь моего товарища дороже любого "юнкера" или "мессершмитта", вместе с ним мы их больше насшибаем», – неоднократно повторял он. Большинство сбитых им противников были асами, поскольку тактика, разработанная и применяемая Покрышкиным, заключалась в рассеивании сомкнутого строя самолетов, для чего следовало поразить в первую очередь ведущего группы. Весной 1943 г. на Кубани, где развернулась самая ожесточенная битва Второй мировой войны за господство в воздухе, стала приносить свои плоды новая тактика истребительной авиации, основоположником которой по праву все фронтовики называют Покрышкина.

Вопреки расхожим мнениям, как вузовский преподаватель могу уверенно заявить, что молодежь и сегодня интересуется героями войны,

и все мы, читатели, получили прекрасный подарок. К сожалению, рамки пособия не позволяют даже кратко упомянуть обо всех героях книги. Издание содержит более 900 фотографий, в том числе уникальных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Имена Победы: В 2 т. М., 2015.

Вопросы и задания

1. На основе текста книги подготовьте презентацию об одном из советских полководцев.
2. Какие черты характера и особенности военного дарования были присущи нашим великим полководцам – Г.К. Жукову и К.К. Рокоссовскому; в чем они были схожи, а в чем отличались?

РАЗДЕЛ 3

ГЕОПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

В. Ж. Цветков

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СССР в 1980-е гг.

Значение духовно-нравственных ценностей, культурных традиций, изучение исторического опыта весьма велико для любого современного государства, а для современной России – в особенности. Но если стратегические цели вполне определены и поставлены (прежде всего, следует отметить утвержденную Указом Президента России В. В. Путина (31 декабря 2015 г., № 683) «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации»), то способы, формы их конкретной реализации заслуживают отдельного рассмотрения. И здесь весьма актуальным представляется опыт идеологической работы в СССР в начале – середине 1980-х гг.

Вопросы идеологической работы рассматривались в данный период весьма активно. Причем делалось это исходя из двух позиций: необходимости противостояния «идеологическим диверсиям» и проведения «контрпропаганды» и с точки зрения необходимости формирования убежденных сторонников «обновления социализма». По сути, провозглашалась задача: при защите «социалистических ценностей» от «буржуазной пропаганды» добиться «решительной перестройки» сложившейся к началу 1980-х гг. системы государственного управления, экономических и социальных отношений, которые не позволяли, по мнению тогдашних руководителей КПСС и советского правительства, добиться «существенного роста», «прогресса» на пути «построения коммунизма».

В качестве альтернативы советской идеологической работе в 1980-е гг. рассматривалась так называемая буржуазная пропаганда, определенная как «манипулирование сознанием». Так, например, в монографии «Элементы психологии и педагогики в партийной пропаганде» Б. Ц. Бадмаев определял методiku пропагандистской работы на Западе, как содержащую значительную долю не столько научного анализа конкретной политической или экономической ситуации,

сколько ее элементарного объяснения и навязывания такового обществу в качестве общепринятой модели. Пропаганда определялась именно как «манипулирование сознанием».

Подобные «приемы идейного и психологического воздействия на массы», по мнению автора, основывались «главным образом на методе внушения». Объяснение данного термина давалось следующее: «Внушение – это такое воздействие на личность, которое приводит к появлению у человека, помимо его воли и сознания, определенного состояния... Некритичность восприятия при внушении характеризует механизм, но не содержание воспринимаемой информации. Поэтому использовать внушение можно для пропаганды любого содержания».

В числе средств, применяемых «буржуазной пропагандой» для реализации определенных политических целей, в работах советских исследователей отмечались также: «учет особенностей объекта идеологического воздействия», среди которых «национальные и религиозные особенности, народные традиции и обычаи, временные трудности и неурядицы, тоска и сомнение, нужда и недовольство отдельных людей или групп»; «правдоподобие как условие действенности», призванное заменить «правдивость, истинность»; «многократность повторения пропагандистской идеи» (методика, апробированная в рекламном бизнесе); «предпочтение эмоционального элемента в пропаганде рациональному... использование элементарных человеческих эмоций и инстинктов (тщеславие, алчность, сострадание, половые инстинкты, страх и т.д.)»; «выделение объекта ненависти и разжигание противоречий», а также «сокрытие мотивов пропаганды и уклонение от прямых призывов» [3, с. 79–82].

При этом постоянно подчеркивалось, что в отличие от «буржуазной пропаганды» идеологическая работа в СССР не стремится ни к внушению, ни к другим ценностным установкам, которые приняты на Западе.

В октябре 1982 г. в Таллине состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция, на которой обсуждались проблемы развития идеологической работы в СССР в свете последних партийных постановлений. Был прочитан целый ряд весьма интересных докладов. Так, в частности, по мнению председателя правления Агентства печати «Новости» Л. Н. Толкунова, участника конференции, преимущество советской идеологии заключалось в утверждении «социальной активности» как одного из наиболее важных критериев ценности личности:

«Многие люди капиталистического мира, даже живя в достатке (скажем, представители так называемого среднего класса), не могут считать свою жизнь полнокровной потому, что не имеют возможности социального самовыражения. Не является ли характерный для буржуазного общества уход в потребительство выражением стремления как-то компенсировать... свою социальную неполноценность, невозможность выразить себя как личность? Да и широко распространенная в условиях капитализма индивидуалистическая психология, очевидно, также объясняется недостатком социального самоутверждения» [7, с. 93].

Иными словами, формы и методы советской пропаганды должны были принципиально отличаться от западной, работать в «иной системе» ценностей и ориентиров. Уникальность методических разработок советской пропаганды 1980-х гг. призвана была обеспечить очевидные преимущества в сохранении «государственной безопасности» СССР. Однако их практическая реализация (как будет отмечено далее) оказалась далекой от теоретических построений.

Базовое определение важности идеологической работы, в значительной степени «задававшее тон» последующим теоретическим разработкам 1980-х гг., было дано 26 апреля 1979 г. в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Именно в нем были систематизированы и перечислены направления, по которым предстояло развивать пропагандистскую деятельность в предстоящие годы. Вопреки установившемуся мнению о том, что в большинстве партийно-политических документов присутствовало исключительно славословие по поводу «очередных побед социализма», данное постановление ЦК носило скорее деловой и достаточно критический характер по отношению к текущему состоянию идеологической работы.

В числе «актуальных задач политико-воспитательной работы» на первое место ставилась необходимость обеспечения «высокого научного уровня пропаганды и агитации». Соответственно и в ряду «весьма существенных» недостатков на первое место ставилось то, что качество информационной и идейно-воспитательной работы «далеко не всегда отвечает возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества» [8, с. 354, 358].

Аналогичную проблему выделял в своем докладе на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС (посвященном вопросам идеологической

работы) Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов: «...должен быть обеспечен новый, значительно более высокий уровень идейно-теоретической работы в области общественных и, прежде всего, экономических наук, работы наших научных учреждений и каждого ученого в отдельности. Необходим решительный поворот к реальным, практическим задачам, которые ставит жизнь перед нашим обществом. Общественные науки в такой же мере, как и естественные, должны стать эффективным помощником партии и всего народа в решении этих задач» [2, с. 285].

Тем самым подчеркивалась важность отнюдь не «внушения», не «манипулирования сознанием» ради достижения политически значимых, но все-таки сиюминутных целей, лучше всего выражаемых в системе «политических технологий». Ставилась принципиально иная задача – ориентироваться на научные методы пропагандистской работы, что позволило бы добиться гораздо более существенных результатов. Для этого, очевидно, потребовалось бы больше времени, однако преимущества реализации подобной стратегии были очевидны. Ведь тогда, во-первых, пропагандистская работа опиралась бы не на набор малосодержательных, хотя и, вероятно, ярких по форме пропагандистских штампов, а на глубоко обоснованную, систематизированную научную базу, при которой каждый факт как исторического прошлого, так и современности был бы обоснован и разъяснен. Во-вторых, это позволяло бы не просто соответствовать «возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей», но и «поднять», «улучшить» этот уровень в том случае, если он, наоборот, не был достаточно высоким.

С педагогической и психологической точек зрения, «для формирования убеждений эффективнее излагать теоретический материал не в виде готовых знаний (опора на память), а в форме логического вывода из анализа фактического материала (опора на мышление)... предпочтительнее тот вариант изложения, который прежде всего опирается на активную мыслительную деятельность человека». При этом «мало распространенным, но очень прогрессивным вариантом изложения» считался в начале 1980-х гг. следующий: «Пропагандист ориентируется исключительно на самостоятельную мыслительную деятельность слушателей. Он не только не дает готовых выводов, но и не доводит свои рассуждения до выводов, а преподносит только материал для выводов. Мыслительная работа по конструированию обобщений

целиком возлагается на слушателей, а за пропагандистом остается функция организатора этой работы».

Разумеется, подобные методы предполагалось использовать только систематически, постоянно. Это, конечно, требовало времени и определенных усилий. Но выводы: «пропаганда, не заставляющая мыслить, не может формировать мировоззрение... Пропагандистское изложение, рассчитанное не на мышление, а лишь на непосредственное запоминание, обречено на неудачу», – звучали весьма актуально [3, с. 33, 35, 45–46].

В лекциях, посвященных историческим проблемам, особое внимание следовало обратить на следование принципам «историзма». Бывший классической фразой, в частности, в методологических разделах кандидатских и докторских диссертаций, этот принцип, к сожалению, очень часто лишь формально обозначался, а его содержание выхолащивалось. В монографии вполне определенно указывалось, что «принцип историзма науки» означал, что «явления, процессы и события рассматриваются в науке как продукт определенного этапа исторического развития, с точки зрения того, как и под влиянием каких объективных факторов они возникли, как развивались и пришли к современному состоянию».

Подобный подход нельзя было не признать продуктивным. Дело в том, что в начале 1980-х и особенно в период перестройки существенно возрос интерес к истории. Этому способствовали и исторические юбилеи, традиционно связанные с изданием десятков книг (от популярных брошюр до солидных монографий). 800-летие Куликовской битвы и 1000-летие Крещения Руси, 60-летие образования СССР, 40-летие Победы в Великой Отечественной войне и 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции, наконец, 80-летие II съезда РСДРП, 165-летие со дня рождения и 100-летие со дня смерти К. Маркса (весьма активно отмечавшиеся в 1983 г.) – все эти даты в той или иной степени обращались к «исторической памяти» и требовали «научного объяснения».

Поэтому актуальность следования пропаганде «принципа историзма науки» была очевидной. Его определение гласило, что «принцип историзма – важнейший принцип науки», а значит, и пропаганда научных знаний тоже должна исходить из него. Критерии были следующие: «явления, процессы и события рассматриваются в науке как продукт определенного этапа исторического развития, с точки зрения того, как и под влиянием каких объективных факторов они возникли, как разви-

вались и пришли к современному состоянию... Нельзя понять особенности какого-либо нового явления, если слушатель не будет знать характеристику предшествующего явления, на смену которому пришло новое. Сколько бы ни повторял пропагандист слова «новое», «новый», «новая», слушателю не будет ясна сама суть нового, качественно отличающаяся от старого...» [3, с. 67–68].

Весьма актуально звучат слова о значении истории в идеологической работе, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.: «...Можно понять нетерпение общественности, желание поскорее взглянуть на закрытые страницы нашего прошлого. И тем не менее это не может быть оправданием скоропалительных выступлений, какой-либо торопливости в оценках, которая может приводить лишь к поверхностным выводам, не отражающим всю сложность происходивших процессов. Недопустимо, чтобы вместо действительно научных исследований на широкую общественность выбрасывались конъюнктурные поделки, которые скорее затемняют, чем высвечивают истину. Нам надо избавляться от этого...»

М. С. Горбачев отметил также, что «анализ истории общества предполагает упорную, напряженную и критическую работу мысли», а это, в свою очередь, «требует времени, таланта и ответственности». Нужно учесть, что в основе изучения обществоведения и истории лежал принцип диалектики, предполагавший изучение явлений и событий в соответствии с логическими законами и с учетом их особенностей и изменений [5, с. 11].

Содержание идеологической работы предполагало и соответствующие формы. Для 1980-х гг. помимо классических форм пропагандистской работы (лекций, рассказов, самостоятельной подготовки в виде рефератов и т. п.) признавались очень важными и иные методы. Один из акцентов политики в области информационной безопасности – это ее направленность на максимально широкие круги населения. На упоминавшейся выше конференции идеологических работников в Таллине (октябрь 1982 г.) с особым беспокойством говорилось о недостаточном внимании к отдельным социальным группам, прямо отмечались наиболее опасные участки идеологической работы. Так, например, первый секретарь ЦК компартии Эстонии К. Г. Вайно отмечал: «Еще сравнительно недавно кое-кто у нас самоуспокоенно рассуждал о том, что само наше время, сама наша действительность, дескать, воспитывают людей в нужном направлении... Но жизнь по-

казывает и другое: пассивность, невмешательство, запущенность в политическом воспитании людей, в контрпропагандистской работе приводят к отрицательным последствиям. А такой беспринципный, равнодушный подход как раз и обрекал на определенную бездеятельность, отсутствие наступательности, активности в работе».

Вайно отмечал опасность действий через интеллигенцию, особенно через тех, кто искренне разделял беспокойство о будущем эстонской национальной культуры: «враждебной пропагандой усердно протаскивается в среду творческих работников тезис о "грядущей гибели" эстонской культуры, природы, языка». Первый секретарь отмечал также серьезность положения в «небольших коллективах учреждений, учебных заведений, различных контор, предприятий торговли». В подобных «небольших коллективах... как правило, и малочисленные партийные организации. Именно в силу малочисленности они не имеют достаточного влияния... А в таких коллективах как раз необходимо более сильное идеологическое влияние, поскольку здесь чаще муссируются разные слухи, кривотолки, бытуют незрелые суждения».

Особое беспокойство вызывала молодежь, специфическая молодежная субкультура. Об этом говорили довольно часто, причем на самых разных партийных и государственных уровнях. От позиции молодежи не просто зависело будущее СССР: «...те, кто сегодня садится за школьную парту, будут решать сложнейшие задачи грядущего XXI века». Закономерно, что в силу неустойчивости своих ценностных установок молодежная среда оказывалась более восприимчивой к проведению пропагандистской и контрпропагандистской работы. И несмотря на то, что внешне в молодежной среде идеологическая работа далеко не всегда воспринималась как неременный атрибут социальной культуры (хотя членство в ВЛКСМ, по существу, было обязательным для подавляющего большинства молодых людей и девушек), в реальности недооценивать ее не следовало бы.

Вайно говорил, что «буржуазная пропаганда делает ставку на ослабление классового сознания молодежи, пытается посеять в ее среде аполитичность, протаскать под маркой "молодежных" негативные взгляды и установки. Используются все каналы, в том числе и такие, казалось бы, далекие от политики, как мода, музыка и спорт... Нельзя не признать, что часть молодых людей проявляет политическую наивность, незрелость, некритично относится к западному влиянию. Возьмем, к примеру, моду. Пропагандистские рисунки и тексты широко печатаются на изделиях заграничного ширпотреба. Майки и футболки

с изображениями буржуазных государственных символов, идиолов рок-музыки... несут вполне определенную идеологическую функцию и далеко не так уж безобидны... ведь значок, полиэтиленовый пакет выступают в данном случае не просто как мелочи быта, но как проводники западного влияния, своеобразные возбудители преклонения перед иностранным... в сфере массовой музыкальной культуры именно легкая музыка, столь популярная среди молодежи, используется в целях подготовки почвы для восприятия ценностей буржуазного мира» [7, с. 47–49].

Актуальность идеологической работы подтверждалась и в условиях «смены лидеров» в СССР. О роли идеологического воспитания говорил преемник Ю. В. Андропова в должности Генерального секретаря ЦК КПСС – К. У. Черненко. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропову он подчеркнул, что, несмотря на «верность коммунистическим идеалам, революционным традициям», нельзя не заметить «негативных явлений в молодежной среде. Беспокоят запоздалое гражданское становление и политическая наивность, иждивенчество некоторых молодых людей, их нежелание трудиться там, где это требуется обществу сегодня. Не может не тревожить стремление части молодежи выделиться не знаниями и трудолюбием, а дорогостоящими вещами, купленными на деньги родителей...» [10, с. 54–55].

Но не только на «обозначении уязвимых мест» останавливались докладчики, предлагались вполне конкретные методы «контрпропаганды». Вайно озвучил, в частности, весьма оригинальный способ защиты молодежной среды, посредством «переключения внимания», методика которого была довольно успешно апробирована в Прибалтийских республиках СССР в 1980-е гг. (правда, в годы перестройки эта методика сработала в прямо противоположном направлении): «Противостоять возникающим вопросам молодежи, закрывать глаза на требования моды – это, вероятно, бессмысленно, тут мы многого не добьемся. Но учитывать ее повороты, быстро реагировать на них, выпуская свои изделия, способные заинтересовать, увлечь молодежь, противопоставить западной продукции свою, не менее популярную, модную, если нужно, тоже с интересной, привлекательной символикой и тем самым направить эту возникшую моду в нужное нам русло – это мы можем, это в наших силах...

Спекуляцию зарубежными значками нам удалось сократить после того, как в республике был налажен выпуск тематических, со вкусом

выполненных значков... Наши предприятия... освоили выпуск отечественной красивой и современной продукции. Это, к примеру, полиэтиленовые пакеты... Они теперь выпускаются с красочными рисунками, фотографиями интересных мест республики. Это также недорогие свитера, футболки, майки со спортивной символикой, с названиями городов, других мест» [7, с. 48–49].

Еще одна оригинальная и достаточно эффективная форма пропагандистской работы была обозначена как приоритетная в 1980-е гг. Речь идет о введении практики так называемого единого политдня. Его суть сводилась не только к проведению в определенные дни недели политинформаций и докладов, но и к практике регулярных выступлений представителей местной власти перед населением, трудовыми коллективами, в воинских частях, в учебных заведениях. Как правило, это была пятница. Данная форма работы позднее (в условиях изменения избирательного закона о выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г.) станет основой для политических дебатов, в том числе в прямом эфире. В начале 1980-х такой способ взаимодействия власти и общества был новым и весьма востребованным. Правда, в отличие от многих современных политических дебатов, выступлений чиновников и политических деятелей, обычно проводящихся лишь накануне выборов или в связи с возникновением какой-либо кризисной ситуации местного масштаба, «единый политдень» в СССР проводился гораздо чаще (ежемесячно или даже еженедельно). Проводиться он должен был в форме диалога или, что было более распространено, в форме ответа руководителя (после небольшого отчета) на «письма трудящихся».

Это было весьма эффективной и перспективной формой идеологической работы. Конечно, и в подобного рода общении не исключалась известная доля предварительной подготовки, отбора «нужных писем» и отсева «неудобных вопросов». Нередко руководители вообще не стремились к участию в «едином политдне». Все это неоднократно отмечалось на уровне партийного руководства.

К. У. Черненко в докладе на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС высказался, что, хотя «единые политдни показали себя хорошей формой массово-политической работы», но «в ряде мест их содержание обедняется». «Подчас руководящих работников заменяют лекторы и политинформаторы, вместо живого обсуждения актуальных проблем идет читка или пересказ общеполитических текстов. Почему некоторые руководители уклоняются от этой работы? Да потому, что многие

вопросы трудящихся требуют не только разъяснения, не только ораторского искусства, но и практических мер. И когда они постоянно откладываются на завтра, возникает, с одной стороны, неудовлетворенность аудитории, а с другой – известная "робость", боязнь публичных выступлений».

«Нельзя уходить от открытого разговора с людьми, – подчеркивалась в докладе важность непосредственного контакта того или иного государственного деятеля с общественностью, – надо не только уметь разъяснять нашу политику, учить массы, но и уметь учиться у масс, что называется, заряжаться на массах. Это должно быть не только обязанностью, но и потребностью каждого руководителя. Политические выступления, регулярные деловые отчеты перед трудящимися – тот оселок, на котором хорошо проверяются качества руководителя, его способность организовывать, вести за собой людей... Без «широкой гласности» (так этот термин стал употребляться за пять лет до его «официального провозглашения». – В.Ц.) немыслимо развитие социалистической демократии... Мы будем продолжать эту линию, обеспечивая максимально возможную гласность в вопросах, затрагивающих интересы людей. Следует, очевидно, придать обязательный характер систематическим выступлениям по телевидению и в печати руководителей министерств и ведомств, партийных комитетов...» [10, с. 63–64].

В целом позитивно оценивали значение «единого политдня» и на отмеченной выше конференции в Таллине (октябрь 1982 г.). В докладе Вайно подчеркивалось, что «наша партия всегда шла с "живым словом" к трудящимся, и сегодня это так же важно, как и раньше. Устное выступление – это не просто общее рассуждение, а доверительный, откровенный разговор с людьми. На наш взгляд, наиболее полно этим требованиям отвечают общереспубликанские политдни... В едином политдне в республике одновременно участвуют в среднем около половины трудящихся... Кроме того, широко распространены и другие формы массовой политической работы – беседы в форме ответов на вопросы, тематические вечера, дающие возможность глубже изучать и активнее формировать здоровое общественное мнение по злободневным вопросам современности» [7, с. 46–47].

Но в целом положение улучшалось медленно. Немного изменилось и с началом перестройки. Очередной Пленум ЦК КПСС (последний в истории партии), касавшийся идеологических вопросов в контексте

образовательной политики, состоялся 17–18 февраля 1988 г. На этот раз об особом значении идеологической работы говорилось применительно к школьному обучению. Содокладчиком Генерального секретаря ЦК М. С. Горбачева на Пленуме выступил секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев. Касаясь проблемы контактов «власти» и «общества», им был отмечен недопустимый недостаток внимания к образованию, к школе: «Действительные заботы и проблемы школы, ее работников, учащихся затрагиваются нередко в отчетах и докладах, но и только. Судьбы, заботы людей для бюрократа не существуют. Для него главное не движение умов и душ, а движение вещей. Такие работники вспоминают о школе, профтехучилище лишь тогда, когда надо убирать хлопок или картошку (имелись в виду регулярные «выезды в помощь колхозникам» по уборке урожая, широко практиковавшиеся в 1970–1980-е гг. – В. Ц.).

Местные партийные, советские работники систематически бывают на животноводческих фермах, у механизаторов. Между тем визит первых руководителей района, города, области в вуз, школу, профтехучилище, детский сад воспринимается не иначе как чрезвычайное событие. Поистине, это такая же редкость, как явление Христа народу...» [6, с. 57].

Но все заявленные приоритеты пропагандистской, идеологической работы имели смысл только в случае решения кадровой проблемы. Предполагалось, что при проведении пропагандистской работы приоритет будет отдаваться «местным звеньям», «низовым структурам». И здесь огромная, без преувеличения, роль принадлежала самим назначенным работникам «идеологического фронта». Кадровая политика стала еще одним отличительным признаком назревших перемен в идеологической работе.

В цитированном выше апрельском (1979 г.) Постановлении ЦК КПСС об этом говорилось весьма критично: «Всегда следует помнить, что ослабление внимания к освещению актуальных проблем, недостаточная оперативность, вопросы, оставленные без ответа, подталкивают некоторых граждан к другим, сомнительным источникам информации...»

Одним из наиболее негативных факторов в проведении идеологической работы признавался формализм, работа «ради галочки», для «красивой», позитивной отчетности. Эти изъяны в пропагандистской работе были хорошо заметны и, безусловно, снижали ее значимость в глазах населения.

«Большим недостатком, существенно снижающим эффективность воздействия воспитательной работы на сознание и чувства людей, являются нередко встречающиеся формализм, склонность к словесной трескотне, всякого рода пропагандистским штампам, серый, "казенный" стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин вместо их творческого осмысления, поиска живой и доходчивой формы. Теоретические обобщения, серьезный, вдумчивый анализ, обогащающий читателя, слушателя, порой подменяются напыщенностью, внешним наукообразием языка, а убедительность аргументов и доверительность тона в разговоре с аудиторией – назидательностью и громкой фразой. Все это следует решительно изживать из практики» [8, с. 356–357].

С еще большей обеспокоенностью говорил о кадровой политике и Ю.В. Андропов. Поставив эту проблему на одно из первых мест в сфере идеологической работы, он отмечал, что «все партийные комитеты... должны иметь специально подготовленные кадры, способные умело организовать идеологическую работу с различными группами населения – с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, молодежью – и отвечать за эту работу. Это должны быть авторитетные, образованные люди. Надо создать им необходимые условия, заботиться о систематическом повышении их квалификации...»

Большую роль должно сыграть изменение стиля работы сети нашего политического просвещения, массовой политической учебы. Нужно прежде всего покончить с формализмом, с механическим, оторванным от жизни заучиванием (или зачитыванием с листа) тех или иных общих положений. Смысл политической учебы в том, чтобы каждый глубже понял политику партии в условиях сегодняшнего дня, умел применять на практике получаемые знания, яснее представлял себе и выполнял на деле собственный долг» [2, с. 284–285].

По сути, ставилась проблема специальной подготовки кадрового «резерва», имеющего профессиональную пропагандистскую подготовку. Причем это должны быть (особое внимание на это обращал Андропов) не те, кто занимается проведением политинформаций в «свободное от работы время», а действительно хорошо подготовленные специалисты.

Но поскольку подготовка «специально подготовленных кадров» представлялась трудоемким и достаточно длительным делом, следовало обратить внимание на тот потенциал идеологической работы, который, как представлялось, мог быть использован оперативно

и эффективно. И здесь внимание партийно-государственного руководства было обращено на систему образования прежде всего в школах и вузах.

Если до начала 1980-х гг. роль образования признавалась, главным образом, в сфере получения знаний и элементарных профессиональных навыков (нужных в плане так называемого соединения школы с производством), то с начала нового десятилетия стала особо выделяться роль школы в воспитательной области. Роль учительских кадров в развитии идеологической работы была весьма велика. Именно эта задача была отмечена в докладе Ю.В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «...Формирование человека начинается с первых лет его жизни... партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего – как гражданин... А где, как не в школе, может человек получить начала эстетического воспитания, на всю жизнь приобрести чувство прекрасного, умение понимать и ценить произведения искусства, приобщаться к художественному творчеству?

Конечно, решение всех этих задач потребует немалых усилий и времени. Придется, помимо всего прочего, улучшить отбор и подготовку педагогических кадров с учетом современных требований. Мы здесь, в Президиуме, обменялись мнениями вот о чем. Видимо, возникает необходимость серьезно подумать о реформе нашей школы...» [2, с. 293–294].

Эта школьная реформа, заявленная Ю.В. Андроповым, но официально утвержденная уже после его смерти, в 1984 г., стала одним из главных внутривластных событий в период партийно-политического руководства К. У. Черненко. Вопреки утвердившемуся позднее мнению о том, что «последняя реформа советской школы» была связана только с объединением «школы и производства», в ходе ее реализации предполагалось существенное усиление роли воспитательной работы учителей. Возрастало значение школьных и классных комитетов ВЛКСМ, пионерских дружин (школьный уровень) и отрядов (уровень отдельных классов), призванных постоянно поддерживать взаимодействие между учителями и школьниками. В структуре школьного комитета комсомола большое значение приобретала должность заместителя комсорга по идейно-политической работе («политсектор школы»). Вводились «новые предметы», причем не только технические («основы информатики и вычислительной техники»), но и гуманитар-

ные, ориентированные на изучение актуальных вопросов общественной жизни («этика и психология семейной жизни»).

Идеологическая работа стала тесно связываться со всеми направлениями школьной жизни. Не случайно февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС, формально посвященный ходу реализации школьной реформы, фактически перенес акцент идеологической работы на уровень образовательных учреждений. И М. С. Горбачев в своем выступлении с первых же слов говорил о значении учительского труда для успеха всей перестройки. В целом это вписывалось в стратегическую концепцию усиления роли «человеческого фактора» во второй половине 1980-х гг. Глава государства совершенно правильно заявил: «Конечно, нужны – и как можно быстрее – и новая организация образования, и новые программы, и материально-техническое обеспечение обучения, оснащение его компьютерами. Но без людей, отдающих свои знания и свое сердце нашим детям, без Учителя с большой буквы все это может остаться лишь формальными и дорогостоящими нововведениями, не дойти до живого дела.

Учитель – важнейшее действующее лицо перестройки. Поддержит ли он нас убежденно, толково и страстно – и перестройка получит много новых искренних сторонников и борцов... Ну а если поддержит формально, останется равнодушным, нейтральным? Кто возьмется предсказать, каким социальным застоем, каким попятным движением может обернуться такое равнодушие?

Конечно, всегда есть надежда на саму жизнь: сегодня она говорит языком перестройки – честным, откровенным языком правды, а это, наверное, и есть лучшая социальная педагогика. И все-таки – и это естественно – надежды на будущее в значительной мере мы связываем с работой нашей школы, с ее собственной перестройкой, с педагогическим талантом и творческим поиском советского учителя.

Отношение к учителю надо менять в корне, решительно, без проволочек и колебаний. Избавить его от мелочной опеки, снять подозрительность к поискам и находкам. Разгрузить от чуждых преподавательскому труду обязанностей, максимально освободить его время и силы для главного. Устранить все рогатки и барьеры на путях новаторства в педагогике, создать достойные материальные условия для творческого труда учителя. Это – долг партийных и советских органов» [5, с. 4].

Однако создание новой идеологической «системы», новых – качественно отличных от предыдущих – форм и методов работы оказалось

более сложным и длительным процессом, чем представлялось изначально. Недостатки идеологической работы продолжали оставаться, несмотря на смену лидеров страны. Становилось понятным, что это потребует значительного времени, существенных перемен в подготовке и проведении политического просвещения в массах. С началом перестройки о проблемах в идеологической работе снова и снова говорилось как об одних из самых насущных на «пути построения социализма с человеческим лицом» («Человеческий фактор – это трудовая и политическая активность человека, его совесть, честность и порядочность; это – его мечты, надежды и чаяния, отношение к людям, интересы и образ жизни, поведение в обществе. Только включив в действие все слагаемые человеческого фактора, можно добиться серьезных результатов») [1, с. 46].

Например, в 1987–1988 гг. в брошюрах серии «История и политика КПСС», издаваемых Всесоюзным обществом «Знание», неоднократно затрагивались проблемы повышения эффективности и качества идеологической работы, хотя «критический накал» данных в них негативных оценок подчас преобладал, к сожалению, над конструктивными, деловыми предложениями.

«Отрыв идеологической работы от жизни, формализм, пустословие, начетничество серьезным образом ослабили ее воздействие на трудящихся и прежде всего на молодежь. Значительное распространение получили такие уродливые явления, как политическая инфантильность и безыдейность, психология "вещизма" и стяжательства, грубейшие нарушения трудовой и общественной дисциплины, норм коммунистической морали, алкоголизм и наркомания... В советское общество постепенно стали проникать идеологически чуждые стереотипы буржуазной "массовой культуры", а с ней – пошлость, прагматизм и бездуховность, примитивные вкусы, которые захватили немало молодых людей... На определенном этапе партийные организации, по существу, прекратили борьбу с проявлениями шовинизма, национализма и местничества в экономической, культурной и духовной сферах...

В ряде городов, районов, областей и даже в некоторых республиках революционная перестройка по-настоящему еще не развернулась. Главная причина такого образа мышления и действий – политическая и организационная беспомощность и вялость, отсутствие инициативы партийных комитетов, их руководителей, идеологических кадров. Во многих партийных организациях не преодолен до конца

механизм торможения перестройки идеологической работы, сложившейся в годы застоя...»

Интересной и актуальной была идея создания специального (по истории КПСС) исторического общества: «Отрицательно влияет на теорию и практику идеологической работы отсутствие глубоких научных исследований и популярных изданий по истории КПСС, написанных ярко, доходчиво, интересно. Крайне трудное положение сложилось в изучении курса истории КПСС в вузах: студенты не имеют специального учебника по данной общественной науке. Им трудно разобраться в тех острейших спорах и дискуссиях, которые сегодня разворачиваются на историческом фронте.

В стране действует множество самых различных добровольных объединений трудящихся – от общества автолюбителей до общества книголюбов, но почему-то нет общества любителей истории. Такое общество, если бы оно было создано – смогло бы внести важный вклад в дело воспитания советских людей историей, и прежде всего миллионов юношей и девушек. Оно могло бы координировать работу всех организаций и учреждений, в той или иной степени занимающихся историческим образованием и воспитанием трудящихся. Общество любителей истории стало бы первым помощником партийных организаций, идеологических кадров в воспитании историей широких народных масс, в эффективном использовании ее идейного заряда в интересах дальнейшей демократизации советского общества, гласности, осуществления радикальной экономической реформы, революционной перестройки...» [1, с. 23–24, 39, 47, 61–62].

М. С. Горбачев в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира», названной современниками «революционной», фактически повторил ту же оценку уровня «знаний об обществе», которую несколькими годами ранее озвучивал Ю. В. Андропов. «В целом, – писал Михаил Сергеевич, – практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы нарастали быстрее, чем решались. Общество становилось все более неуправляемым. Мы только думали, что управляем, а на самом деле складывалась ситуация, о которой предупреждал еще Ленин: машина едет не туда, как думают те, кто сидит за рулем» [4, с. 18].

Впрочем, гораздо быстрее, чем «перестройка» идеологической работы, поиск и реализация новых, более эффективных ее методов, стали распространяться полное забвение идеологии, настойчивое внедрение

принципов сиюминутного удовлетворения потребностей, агрессивного потребления, не останавливающегося ни перед чем в достижении своих целей. К сожалению, подобная потребительская система ценностей, осуждавшаяся ранее как «мещанство», нашла определенное признание и в тезисах о необходимости «удовлетворения возросших материальных потребностей советских людей». Считалось, что здесь нет противоречия и материальная заинтересованность должна сыграть свою роль в проведении экономических преобразований в период перестройки. Но очень скоро подобный сугубо утилитарный подход стал господствующим, практически полностью вытеснив ценности духовного служения, морально-нравственные традиции, этические принципы.

Показательно привести характеристику роста потребностей в контексте публицистических оценок того времени. Известный советский демограф Б. Ц. Урланис, анализируя причины резкого сокращения количества детей в семьях в начале 1980-х гг., писал: «Еще 23-летний В. И. Ленин в своей работе "По поводу так называемого вопроса о рынках" установил "закон возвышения потребностей". Рост потребностей есть вполне закономерное выражение социалистического образа жизни. Дробь потребление/потребности характеризует степень удовлетворения этих потребностей. У нас растет как числитель, так и знаменатель. Однако если знаменатель будет опережать рост числителя, то вся дробь, понятно, будет уменьшаться. А для того чтобы она не уменьшалась, эту "эскалацию" потребностей надо ввести в разумное русло потребностей рациональных и позитивных. Для этого необходимо определенное воспитание потребителя, развитие в нем потребностей в определенных пределах...» [9, с. 199–200].

Пропагандистские кампании и административные мероприятия не давали существенного результата, недостатки эти оставались и, как подтвердили дальнейшие события 1989–1990-х гг., негативное их воздействие на советское и, позднее, российское общество не уменьшалось. В 1989–1991 гг. об идеологической работе все чаще и чаще говорилось исключительно в отрицательном контексте. В результате, наряду с положительными явлениями демократизации общества, проявились и негативные факторы, допущенные в процессе перехода на рыночные отношения и в приватизации государственного имущества и т. д. Свобода слова в сознании части общества воспринималась нередко в из-

вращенном виде – как вседозволенность, допустимость выражать свои мысли и дела в любой форме. Перемены в содержании и формах идеологической работы, заявленные в начале – середине 1980-х гг., оказались невостребованными.

Источники и литература

1. Андрухов Н. Р. Идеологическая работа – фактор ускорения и перестройки // История и политика КПСС. 1988. № 6.
2. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983.
3. Бадмаев Б. Ц. Элементы психологии и педагогики в партийной пропаганде. М., 1980.
4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987
5. Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления. Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года. М., 1988.
6. Лигачев Е. К. О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению. Доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС 17 февраля 1988 года // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17–18 февраля 1988 г.
7. Обострение идеологической борьбы на мировой арене и политическое воспитание трудящихся: По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Таллине (12–14 октября 1982 г.). М., 1983.
8. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», 26 апреля 1979 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1981. Т. 13.
9. Урланис Б. Ц. Женщин также нужно беречь // В сборнике: Демографы думают, спорят, советуют. М., 1981.
10. Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии // Материалы Пленума ЦК КПСС, 14–15 июня 1983 г.

Вопросы и задания

1. В чем заключаются проблемы «политических разоблачений» в новейшей отечественной истории?
2. Какие эффективные приемы пропагандистской работы дает нам советский опыт организации идеологической работы?
3. Какова роль средств массовой информации в идеологической работе в СССР и сегодня?
4. В чем заключался советский опыт информационной деятельности с различными социальными группами?

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ОРУДИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ XX–XXI вв.

«Национализм – прекрасное средство для быстрого разрушения изнутри стабильного государства», – эти слова известного украинского политолога Ростислава Ищенко в отношении турецкого национализма как фактора, разрушившего Османскую империю, можно экстраполировать и на историю взаимоотношений национализма и институтов государственной власти в России [4].

Россия всегда, начиная с момента своего возникновения, была государством, объединяющим многие племена и народы. Разные языки, религии, жизненные уклады и особенности хозяйственной деятельности предопределили основной принцип существования нашей страны – принцип межнационального мира, учета интересов всех этнических групп, входивших в состав империи. Советская идеология, основанная на идеях интернационализма, довела принцип межнационального мира и согласия до своего логического завершения. Российская Федерация унаследовала основное содержание данного принципа от Советского Союза. Федеративное государственное устройство, наличие своих государственных языков в отдельных субъектах Федерации, именование гражданского коллектива жителей страны «многонациональный российский народ», наконец, признание в 1991 году всех жителей России автоматически гражданами новой страны являются яркими проявлениями реализации принципа межнационального мира на практике.

Именно такой вариант политики является единственным возможным в современной России, позволяет не только сохранять ее целостность, но и успешно развиваться. Это понимают ответственные российские политики. По словам В.В. Путина, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие» [3].

И, напротив, единственным способом разрушения России является нарушение межнационального мира. Национализм как фактор разру-

шения межнациональных отношений уже не раз использовался внешними и внутренними противниками российской государственности.

Пожалуй, наиболее показательным примером является политика фашистской Германии. Характерно, что усилия Третьего рейха по подрыву целостности Советского государства были направлены на поощрение националистических воззрений как среди этнических меньшинств, проживающих в Советском Союзе, так и в отношении русского населения. Объектами националистической пропаганды стали десятки народов, проживающих на территории СССР, в том числе крымские татары, народы Прибалтики и Северного Кавказа. Но наиболее показательными примерами являются спекуляции на украинской и русской национальных идеях.

Анализ идей украинских и русских националистов этого периода позволяет выявить их удивительную близость, созвучие. И те, и другие основывались на трех основных позициях:

1. Создание национального государства.
2. Борьба с СССР в союзе с фашистской Германией.
3. Вхождение в союз национальных европейских государств во главе с Германией.

Так эти идеи изложены С. Бандерой и его сторонниками 10 июля 1941 года в «Акте провозглашения независимого Украинского государства»: «Вновь создающееся Украинское Государство будет тесно взаимодействовать с Национал-Социалистической Велико-Германией, которая под руководством своего Вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и в мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации. Украинская Национальная Революционная Армия, которая создается на украинской земле, будет бороться дальше совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Государство и новый порядок во всем мире» [1, с. 340].

Взгляды С. Бандеры полностью соответствуют базовым принципам идеологии русских националистов, изложенной генералом А. Власовым 27 декабря 1942 года в так называемой «Смоленской декларации»: «Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место. Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе будет зависеть от степени его участия в борьбе против большевизма... Довольно проливать народную кровь!

Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов! Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!» [6].

Спустя десятилетия после начала Великой Отечественной войны суть конфликта между интернациональным «Русским миром» и мононациональной европейской идеей была осмыслена идеологом украинского национализма и расового превосходства украинской нации Дмитрием Донцовым в работе «Дух России»: «С определенностью можно утверждать, что идеология московитского коммунизма и идеология царизма – только две разные формы того же явления, собственно, того же феномена общего характера, который является ничем другим, как московитским мессианством, которое ведет войну против Запада» [8].

Развал Советского Союза по национальному признаку, не удавшийся Гитлеру в 1941 году, был в полной мере реализован в 1991 году. Ведущей силой антисоветской оппозиции, обеспечившей ей массовую поддержку, во всех республиках СССР был не столько либерализм, сколько идея национальной обособленности и превосходства. В начале 1990-х годов эти идеи продолжили свое разрушающее воздействие уже в отношении Российской Федерации, выразившись, с одной стороны, в национальном сепаратизме на Кавказе и иных национальных территориях, с другой стороны – в росте русского национализма, возникновении идеи так называемой Русской республики.

Наиболее показательным в этом плане является ренессанс украинского национализма, выразившийся, прежде всего, в культе Степана Бандеры и его сторонников, как истинных героев Украины. Основные идеи современных украинских националистов о создании мононационального государства, уничтожении России и союзе с европейскими государствами поразительно напоминают взгляды украинских и русских националистов времен Великой Отечественной войны. Примером подобных рассуждений являются высказывания лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша и известного украинского либерального профессора, директора Института трансформации общества Олега Соскина.

В 2008 году, задолго до современного украинского кризиса, Дмитрий Ярош, воевавший против России в качестве добровольца в рядах грузинской армии, заявил следующее: «И Кавказский регион, и Украина, и Беларусь, и Прибалтийские республики, как и вся Восточная Европа обречены на постоянное напряжение, пока существует Московская империя. Единственным залогом мирного, цивилизованного развития народов, которые перестраивают свою жизнь рядом с Россией, есть полная ликвидация империи и построение на ее территории национальных государственных образований» [5].

Спустя 3 года киевский профессор Олег Соскин творчески развил идеи лидера украинских националистов: «Следует всячески оказывать содействие естественному распаду Русской конгломерации на финно-венгерские и тюркские страны, которые в дальнейшем могут создать финно-венгерскую, тюркскую конфедерацию на территориях современной Российской Федерации. Этот процесс всеми силами необходимо ускорить. Если Украина осуществит такой геополитический прорыв, трансформируется в федерацию и возьмет название Русь-Украина, тогда появятся все возможности, чтобы в наш состав вошли Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская, Новгородская области и Краснодарский край, которые являются ареалами русско-славянского, а в современных условиях украинского, этноса. Это наши естественные этнические территории, которые мы должны себе вернуть, тогда логическим станет и присоединение к нам Приднестровья. Это становится нашей главной геополитической и геоэкономической задачей на ближайший период. В Украине к власти должны прийти патриотически сознательные государственные силы, которые предложат украинскому народу именно такую геополитическую и геоэкономическую доктрину» [7].

Таким образом, речь идет не только о распаде Российской Федерации, но и о захвате ряда приграничных российских территорий. Подобные идеи характерны не только для украинских политиков, но и для некоторых представителей других постсоветских государств. Например, литовский ученый, аналитик Центра исследования Восточной Европы Лауринас Кашунас предлагает следующий способ отделения Калининградской области (Каралаячуса) от России: «Если жителям Каралаячуса была бы предложена перспектива экономического развития, открывающая европейский рынок, регион понял бы, что это очевидная и естественная его потребность. Если Россия не сумеет

отреагировать на эту потребность, можно бы было думать о референдуме по вопросу статуса Караяучуса» [3].

В настоящее время, в условиях усложнения геополитической ситуации в мире и роста напряженности в отношениях России и Запада, радикальный национализм вновь, как и 70 лет назад, становится основным оружием в борьбе против России. Так же, как и в период Великой Отечественной войны, расчет геополитических противников России строится, прежде всего, на идее разрушения многонациональной природы Российского государства, эрозии «Русского мира», провоцировании противоречий и конфликтов между народами, населяющими Российскую Федерацию.

Источники и литература

1. Акт провозглашения независимого Украинского государства // Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны». Т. 1. 1939–1943. М., 2012.
2. Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 21 января [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.htm (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
3. В Литве обсуждают отделение Калининградской области от России // Информационное агентство «Регнум» // <http://www.regnum.ru/news/polit/1849507.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
4. Геноцид, убивший империю // Информационное агентство «РИА Новости» // URL: <http://ria.ru/analytics/20150422/1060260161.html#14299751292843&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
5. Ярош Дмитро. Рано или поздно, но мы обречены воевать с Московской империей // Новости Украины // URL: http://censor.net.ua/forum/416274/dmitro_yarosh_rano_ili_pozdno_no_my_obrecheny_voevat_s_moskovskoyi_imperieyi (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
6. «Смоленская декларация» // Интернет-журнал «Кругозор» // URL: <http://www.krugozormagazine.com/show/Deklaratsiya.598.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
7. Соскін Олег. «Російська Федерація: розпад неминучий» // Інтернет-холдинг Олега Соскіна // URL: <http://soskin.info/news/3484.html> (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
8. Donzow D. Der Geist Russlands. München, 1961.

Вопросы и задания

1. Согласны ли вы с выводом автора о том, что нарушение международного мира является главной угрозой для российской государственности? Обоснуйте ответ.
2. Прочитайте текст «Смоленской декларации». Выявите главные идеи генерала А. Власова.
3. Сравните идеи, изложенные в текстах «Акта провозглашения независимого Украинского государства» и «Смоленской декларации». Выявите общее и различия.
4. Проанализируйте высказывания Дмитрия Яроша и Олега Сошкина. Какие угрозы для национальных интересов России представляют подобные взгляды? Какое, с вашей точки зрения, влияние данные идеи оказывают на украинское общество?

РАЗДЕЛ 4

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Г. А. Артамонов

**Познавательные границы и возможности
исторической и археологической наук
в исследовании проблемы происхождения славян**

Вопросы происхождения индоевропейцев вообще и славян, в частности, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю изучения, сохраняют высокую степень научной актуальности поскольку, продолжают оставаться дискуссионными и принципиальными для понимания характера «исходной» этнической общности, то есть по сути, являются определяющими для оценки особенностей и условий исторического «старта» народов Европы. Исследования социальных наук традиционно вызывают и повышенный общественный интерес. В данном случае следует учитывать, что этногенетические изыскания нередко используются для обоснования агрессивных притязаний отдельных стран на желаемую, но чужую территорию. События последних лет, связанные с обострением международной обстановки, возрастанием разжигания межнациональных конфликтов на фоне углубляющихся экономических и политических кризисов глобального и локального масштабов, присоединением Крыма к России и последовавших вслед за этим санкций со стороны Западной Европы и США, наглядно продемонстрировали роль идеологически оформленных искусственных исторических концепций-мифов «об изначальной земле прародины» в отстаивании стратегических геополитических интересов субъектов мировой политической системы.

В этой связи не может не настораживать факт значительного снижения научного интереса к вопросам происхождения славян, наметившийся после распада СССР и «Варшавского блока», что самым негативным образом сказалось на развитии славистики. Так, практически исчезла некогда ведущая польская школа комплексного изучения ранней истории славян, которая за последние 10 лет не подготовила ни одного крупного издания на интересующую нас тему. После

ухода из жизни известных советских и российских ученых-археологов И. П. Русановой (1998), академика В. В. Седова (2004), а также лингвиста с мировым именем академика О. Н. Трубачева (2002) крупные обобщающие работы на тему происхождения славян не издаются и в России¹. Можно назвать лишь работу А. Г. Кузьмина «Начало Руси», вышедшую в 2003 г. [6] На сайте ведущего отраслевого академического Института археологии РАН в разделе публикации сектора славяно-русской археологии соответствующих публикаций за последние 10 лет не представлено вообще. Изданные же в 2000-х годах работы такого известного специалиста, как, например, А. М. Обломский и некоторых других затрагивают лишь несколько частных аспектов этой темы [8, 9]. Об относительном расцвете славистики на постсоветском пространстве можно говорить только применительно к Украине. Но украинская историко-археологическая школа и в советский период была склонна к необоснованному удревнению пребывания славян в Восточной Европе, а сегодня и вовсе рассматривает Среднее Поднепровье в качестве прародины украинской, а не древнерусской народности [16].

На эффективность развития этногенетических исследований значительное влияние оказывают и продолжающаяся специализация, и разобщение различных областей гуманитарного (и не только) научного знания, в рамках которых изучаются отдельные аспекты этой проблемы (история, археология, лингвистика, физическая антропология, этнография и др.). В последнее время в этногенетических работах все чаще встречаются материалы, отражающие достижения наук естественного профиля – физики, астрономии, географии, палеогеологии, палеоботаники и т. д. [4].

Процесс расширения круга научных дисциплин, задействованных в решении указанных вопросов, закономерен и перспективен. Поскольку о дописьменных эпохах сохранились лишь отрывочные свидетельства, практически все доступные для анализа объекты способны стать важнейшими источниками дополнительной информации. Вместе с тем очевидные преимущества исследований, основанных на данных нескольких наук, не гарантируют получения более надежных, достоверных и качественно новых результатов. Сама по себе задача реализации комплексного подхода в изучении тех или иных процессов была сформулирована уже в XIX веке. Продолжающаяся же специализация различных сфер научного знания приводит к тому, что специалист

¹ Здесь имеются в виду работы, прошедшие апробацию в профессиональном научном сообществе. К сожалению, на прилавках книжных магазинов в настоящее время едва ли не доминируют издания фантастического и откровенно дилетантского уровня.

в отдельной узкой области оказывается не в состоянии в равной степени овладеть методологией и методами самостоятельного исследования в непрофильных для него разделах науки и, соответственно, проверить репрезентативность привлекаемых данных и материалов.

Отмеченное противоречие предполагает осмысление как минимум двух важнейших методологических вопросов: во-первых, должны ли все факты, независимо от того, с помощью какой науки они получены, синтезироваться и объясняться в рамках истории лишь на том основании, что ее предмет наиболее полно охватывает процессы общественного развития в целом, и, во-вторых, возможно ли определить познавательные возможности и границы отдельных наук, данные которых привлекаются к этногенетическим исследованиям.

В пределах настоящей публикации невозможно развернуть всю аргументацию по существу поставленных вопросов. Универсальных рецептов сегодня нет и в фундаментальной науке в целом. Но обозначить позицию просто необходимо для понимания авторского подхода. Суть его состоит в признании приоритета в этом отношении именно исторической науки как единственной, имеющей соответствующий задел и ставящей задачу открытия универсальных законов развития общества, включая и такие его аспекты, как язык, материальная культура, антропологический тип и т. п. И речь, конечно, в первую очередь, идет о российской научной исторической традиции, пока еще сохраняющей известную самостоятельность в вопросах определения предмета и объекта истории, в отличие от антропологически ориентированного постмодернистского Запада, все более склонного к уходу в ментальные сферы, то есть по сути скатывающегося на позиции субъективного идеализма, казалось бы преодоленного уже в XIX столетии. Впрочем, признание приоритета истории может и не снимать гносеологических противоречий, если в ней самой не будет преодолен плюрализм на уровне методологии. Конкретно принципиальное значение в этом смысле имеют современные подходы к определению сущности понятий «этнос» и «археологическая культура» [13].

В зависимости от ответов на эти вопросы решается и проблема, составляющая основной предмет данной работы: определение места и роли археологических изысканий в исследовании проблем этногенеза вообще и особенностей становления славянской этнической общности, в частности.

Археология принадлежит к числу научных дисциплин, поставляющих едва ли не самый объемный фонд источникового материала, освеща-

ющего начальные этапы истории народов. Современная археология накопила огромный массив данных, последовательно отражающих смену археологических культур на всей территории Европы, начиная как минимум с момента происхождения человека современного антропологического типа, вплоть до времени, отраженного уже в письменных источниках. В этой связи не случайно, что профессиональные археологи являются авторами самостоятельных этногенетических исследований наравне с историками, а труды последних – в значительной степени основываются на данных археологии. Следует отметить, что при этом ни исторической, ни археологической наукой пока не выработаны общепризнанные подходы к определению взаимосвязи между памятниками материальной культуры и населением, которое их оставило. На протяжении всего двадцатого века, начиная с публикации немецкого археолога Г. Кассины вплоть до настоящего времени, в специальной литературе дискутируется вопрос о соотношении понятий «этнос» и «археологическая культура» [1; 2; 3, с. 7–8; 5; 7; 11, 60–94; 15, с. 22, 25; 17]. Как правило, археологи более осторожны в своих выводах, что логично вытекает из особенностей основных методик археологических исследований, предполагающих выявление общих признаков при сопоставлении тех или иных элементов археологических комплексов. Однако в лучшем случае такая преемственность наблюдается на протяжении двух-трех сменяющих друг друга культур, в чем, кстати, состоит одна из самых загадочных сторон истории Европы и народов, ее заселявших. В этой связи становятся очевидными ограниченность данных методов и неизбежность их дополнения за счет познавательных средств других областей научного знания.

Более смелые гипотезы историков пока также не могут претендовать на универсальность, поскольку в их этногенетических построениях, как правило, не содержится убедительных объяснений несовпадений в важнейших элементах ряда взаимосвязанных, по их мнению, археологических культур. Вместе с тем историческая наука способна выявить некоторые общие закономерности отражения в элементах материальной культуры процессов общественного развития. Например, установленный историками и философами факт более медленного темпа изменения общественного сознания по сравнению с общественным бытием предполагает, что для выводов о преемственности археологических культур совпадения в элементах погребальной обрядности более значимы, чем параллели в типологии предметов быта. Однако следует иметь в виду, что конкретное проявление данной закономерности

может иметь свои исключения. Так, в погребальном обряде славянских народов Восточной Европы, несмотря на смену язычества христианством, можно проследить общие черты, по крайней мере, с VI в. до н. э. вплоть до настоящего времени [10, с. 90–92, 110 и др.]. И в этом смысле действие отмеченной выше закономерности вроде бы подтверждается. Вместе с тем именно в славянской истории можно обнаружить явления, ей противоречащие. Известно, что обряд трупоположения у славян Восточной Европы пришел на смену кремации в X в. н. э. [12, с. 115]. В специальной литературе это обычно увязывалось с принятием христианства [14]. Совпадение этих процессов по времени позволяло считать эти выводы вполне приемлемыми. Но очевидно также и то, что ни княжеская власть, утверждавшая христианство в землях восточных славян, ни находящаяся на ее содержании церковь не обладали достаточным ресурсом не только для того, чтобы навязать новый обряд погребения, но и обеспечить его реализацию в кадровом и культовом отношении. Таким образом, причины и содержание столь резких изменений у восточных славян в таких консервативных сферах общественного сознания, как представления о загробной жизни, пока остаются величинами искомыми.

Все вышесказанное приводит к выводу, что в каждом конкретном случае, несмотря на действие общих закономерностей, необходимо применять и разрабатывать частные методики исследования происхождения и начальных этапов истории народов, основанного на анализе археологических материалов. В такой ситуации очевидно приоритетное значение ретроспективного метода. При этом следует отметить, что поскольку непредвиденные и быстрые изменения могут происходить даже в тех сферах, которые исторически подвержены им в меньшей степени, то репрезентативность выводов, полученных на основе применения методов ретроспекции, будет напрямую зависеть от количества элементов археологических культур, ими охваченных. Знание общей закономерности в данном случае позволяет выстроить иерархию признаков, на основе которой можно определить последовательность этапов исследования.

Давно замечено, что наряду с обрядом погребения устойчивыми формами общественной жизни, нередко принимающими этническую окраску, являются такие первичные институты социальной организации, как семья и община. В свою очередь, размер семьи может быть археологически определен на основе измерений общей площади жилища. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что жилище

славян во всех зонах их расселения на обширных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы было традиционно малым (в среднем 20 кв. м) начиная с VI в. н. э. В то же время жилище германцев оставалось большим (100 кв. м) вплоть до X в. н. э. И вполне возможно, что хорошо известная по материалам Восточной Европы малая по размеру землянка может стать надежным маркером славянства при применении ретроспективного метода к анализу археологических комплексов Древней Европы. В этом случае гипотеза академика Б. А. Рыбакова в области происхождения славян, одна из наиболее смелых в историографии, может получить дополнительное развитие. Несмотря на то что предложенная им общая схема этногенеза славян, построенная на территориальном совпадении археологических культур XIV в. до н. э. – VI в. н. э., не может быть принята в силу отсутствия преемственности между их важнейшими элементами, отмеченный академиком факт присутствия в Тшенецко-Комаровской и Чернолесской культурах малой по размеру землянки славянского типа вселяет уверенность, что такая преемственность может быть обнаружена на основе привлечения новых материалов.

Источники и литература

1. Артамонов М. И. Археологические культуры и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
2. Брюсов А. Я. Археологические культуры и этнические общности // Советская археология. 1956. Т. XXVI.
3. Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. – М., 1998.
4. Долуханов П. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
5. Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // Советская археология. 1970. № 2.
6. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003.
7. Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.
8. Обломский А. М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). М., 2007.
9. Обломский А. М. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.) (Раннеславянский мир, вып. 12). М., 2010.
10. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1986.
11. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.
12. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья. М., 1970.

13. Смирнов С.В. Археологічна культура: суперечливі моменти розробки проблеми // Археологія. 2003. № 1.
14. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
15. Филін Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
16. Етнокультурная карта Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.
17. Cassina G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungarchaologie (Mannus-Bibliothek, 6). Wurzburg, 1911.

Вопросы и задания

1. Обоснуйте возможное идеологическое содержание проблем этногенеза.
2. Под воздействием каких факторов теоретически обоснованные маршруты исследования проблем этногенеза необходимо подвергнуть корректировке?
3. Возможно ли применение метода ретроспекции к анализу различных типов исторических источников (помимо данных археологии)?

Н.Н. Глухарев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА:

ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЯМ

Постановка проблемы:

История как знание, история как память.

Прошлое так или иначе присутствует в нашей сегодняшней жизни.

С одной стороны, знание о нем представлено в работах профессиональных историков, в которых на основе общей и специальной методологии научного познания реконструируются различные сюжеты исторического процесса. С другой стороны, представления о прошлом сохраняются в памяти людей – но несколько в ином виде.

Историческое знание накапливается, постоянно дополняется, меняются подходы и методики исследования прошлого. Но неизменным остается одно – ученым приходится реконструировать историю, по крупицам собирая и интерпретируя информацию из разнообразных исторических источников, следов уже «несуществующей» реальности. Исходя из особенностей исторического познания, полученное в результате усилий профессиональных историков знание не может считаться

абсолютным и всегда имеет определенную степень относительности. При этом за время существования исторической науки профессиональное сообщество выработало принципы и методы, позволяющие получить максимально, насколько это возможно, достоверное научное знание, открытое для верификации – проверки базы источников, критического анализа логических связей и выводов авторов. Нравственной и профессиональной нормой в профессиональном сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений. Вокруг страниц отечественной истории XX века, естественно, возникает немало вопросов, приобретающих дискуссионный характер. Подобные дискуссии имеют свойство выходить далеко за рамки научной среды и становятся предметом широкого обсуждения.

Однако было бы наивным полагать, что историческое знание, доступное экспертному сообществу историков-профессионалов, может быть адекватно представлено в общественном сознании. В этом пространстве история существует как некая система образных представлений, оценочных мнений, символов и мифов. Отражение в общественном сознании явлений прошлого стало сегодня особым предметом изучения представителей различных социально-гуманитарных дисциплин (истории, социологии, социальной психологии, культурологии, политологии и др.) сквозь призму разнообразных концепций «памяти» общества. Изучение «трудных вопросов» истории в контексте памяти человека и социальной группы позволяет взглянуть на них иначе, чем это имеет место с точки зрения классической исторической науки.

Что такое «память»? Значение этого понятия имеет разнообразные трактовки, но чаще всего рассматривается как функция, информационная основа и процесс, присущие человеческому сознанию. Психический процесс памяти в этом смысле связан с запоминанием, сохранением и воспроизведением прошлого опыта и включением его в сферу сознания. Отечественные психологи Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев еще в 1920–1930-е гг. выдвигали идеи о том, что память индивида не формируется сама по себе, а обуславливается социально-культурными факторами, в которых человек формируется как личность [13, с. 419, 436]. Социальную природу человеческой памяти концептуально аргументировал французский социолог первой половины XX века М. Хальбвакс, развивавший идеи Э. Дюркгейма о существовании «общественного сознания». Согласно концепции

М. Хальбвакса, память человека не может существовать вне «социальных рамок», конкретных социальных контекстов, обуславливающих ее содержание.

Как и память отдельного человека, социальная память сохраняет далеко не все события и эпизоды прошлого. Едва ли вы встретите человека, который сумел бы рассказать вам день за днем свою жизнь, хотя бы в течение одного последнего года. Так и общество сохраняет в своей памяти лишь наиболее яркие или трагичные эпизоды: битвы с внешними врагами, походы и завоевания, восстания и революции, крупные социальные преобразования.

Наполнение и поддержание социальной памяти осуществляется по различным каналам, среди которых наибольшее значение имеют литературные и музыкальные произведения на исторические темы, живопись, кино и телевидение. На закрепление в памяти народа исторических событий и персоналий влияет также и окружающее человека своего рода «материализованное прошлое», например, памятники героям сражений и войн, деятелям науки и искусства, их имена в названиях улиц и городов, разнообразные музеи и старинные сооружения. Историческая наука лишь опосредованно влияет на социальную память, главным образом, через массовое историческое образование.

Если учесть, под влиянием каких факторов формируется социальная память, то не покажется удивительным, что тот образ прошлого, который она хранит, далеко расходится с той реальностью, которую воссоздает история. Этот образ одновременно проще и беднее реальной истории, но при этом существенно ярче. Память способна преувеличивать значение событий и людей, чем они имели в реальном историческом процессе. Однако память может не заметить факты, важные для ученого-историка. Главное, что социальная память часто придает событиям и людям символическое значение: она видит в каком-то отдельном событии или в человеке воплощение духа и чаяний целой эпохи, наделяя их чертами, в той или иной степени присущими событиям и людям того времени. Таким образом, дискуссии вокруг различных вопросов истории, разворачивающиеся в профессиональной историографии, в пространстве общественного сознания теряют свой научный характер, приобретая упрощенные, но яркие образные черты, несущие зачастую выраженную эмоциональную и ценностную окраску.

Исходя из функции памяти, позволяющей человеку сохранять себя как личность, отделять себя от других людей, социальная память

также хранит то, что позволяет народу ощущать себя, идентифицировать в пространстве других сообществ. Это обстоятельство придает изучению представлений социальных коллективов о своем прошлом особую актуальность и важность. Во многом от того, что содержит в себе социальная память народа, зависят его самосознание и видение себя в будущем.

Основные понятия и категории:

Коллективная, социальная, культурная, историческая память.

Образ прошлого, идентичность, миф, историческое сознание.

Необходимо отметить, что в исследованиях проблематики памяти общества о прошлом наблюдается разногласие в определении базовых терминов и понятий. Как отметила Л. П. Репина, вся терминология памяти характеризуется многозначностью: «память может включать что угодно – от спонтанного ощущения до формализованной публичной церемонии» [14, с. 42]. Даже одни и те же авторы могут употреблять одинаковые понятия в разных контекстах. Неоднозначность используемой терминологии проявляется, прежде всего, в дискуссиях вокруг таких важнейших понятий, как «социальная», «коллективная», «культурная», «историческая» память.

«Коллективная память» чаще всего трактуется как представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами той или иной социальной группы. Общее прошлое, сохраняемое коллективом, является важнейшим фактором, объединяющим его.

«Социальная память» может пониматься как коллективная память, присущая какому-либо обществу (народу, нации). В современной отечественной социологии социальная память определяется и как «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению».

«Культурная память» наиболее часто объясняется как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество или общественная группа формируют и стабилизируют свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого.

Как видим, приведенные выше понятия имеют существенную близость между собой. Последнее время все более универсализируется

понятие «*историческая память*». Оно трактуется и как одно из измерений индивидуальной и коллективной («социальной памяти»), и как исторический опыт, отложившийся в памяти общества (его символическая репрезентация).

«Историческая память» нередко выступает синонимом «коллективной памяти» (в связи с группами) или «социальной памяти» (в связи с обществом), «культурной памяти» (в контексте трансляции общественных ценностей и смыслов), а также иногда заменяет понятие «историческое сознание». Отдельные авторы интерпретируют историческую память как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Такая широкая востребованность понятия «историческая память» связана с широтой и многогранностью самого явления, отображаемого в терминологии «памяти».

Одним из принципиальных вопросов, порождающих дискуссии, является вопрос о соотношении понятий «индивидуальная память» и «коллективная память». Следует ли понимать «коллективную память» лишь как сумму индивидуальных воспоминаний членов социального коллектива или как качественно новую сущность, выражающую общий опыт, пережитый людьми совместно? Если механизм функционирования индивидуальной и коллективной памяти одинаков и содержится он в личном разуме конкретного человека, то стоит ли вообще употреблять термин «коллективная память»? На эти вопросы сегодня не дано окончательного ответа.

Исходя из особенности памяти, из того, что она оперирует преимущественно образами (что отмечал еще И. М. Сеченов), одним из ключевых является понятие «*образ прошлого*». Ранее встречающееся в работах по искусствоведению и культурологии данное понятие широко применяется в работах историков, социологов, политологов, характеризуя, прежде всего, представления о наиболее значимых исторических событиях, фигурах, процессах, закрепленных в общественном сознании в форме устойчивого набора символов (кода). *Образы прошлого* метофоричны, эмоциональны и узнаваемы, что придает им возможность аккумулировать внутри себя некоторые универсальные ценности, влияющие на идентичность социальной группы.

Категория *идентичности* понимается как принадлежность человека к той или иной устойчивой группе людей. Эта принадлежность обычно считается фактом, если признается, с одной стороны, самим человеком, с другой, окружающими его людьми или обществом в целом.

Согласно различным концепциям социальной памяти, именно память признается основой социальной идентичности.

Для обозначения связей общественного сознания с прошлым широко применяется также категория *мифа*. Чаще всего миф трактуется как механизм, обеспечивающий воспроизведение коллективной идентичности через постоянные отсылки к сюжетному повествованию об «общем прошлом», к его ключевым моментам и персонажам. С. Ю. Малышева, например, выделила три уровня мифов, составляющих пространство социальной памяти: «глобальный» (представления об истории, ее ходе, историческом времени; этот уровень можно назвать макроисторическим или метаисторическим); уровень мифологии, сложившейся вокруг конкретных исторических событий; наконец, уровень мифов, создающихся вокруг той или иной исторической личности (микроисторический).

К одним из важнейших категорий в исследованиях социальной памяти относится также понятие «*дискурс памяти*» или «язык памяти» – способы повествования о событиях прошлого, стратегии организации «рассказа» или «диалога» о прошлом в настоящем.

В исследованиях по социальной памяти часто встречаются и такие понятия, как «*карта памяти*» («выборка» исторических событий, которые признаются важнейшими в истории страны); «*ландшафт памяти*» (география сюжетов исторической памяти), «*мемориальные войны*» (войны памяти – борьба между различными социальными группами за собственные интерпретации одного и того же прошлого).

Понятие «*историческое сознание*» весьма сложно и многозначно. Так, Ю. А. Левада дает ему следующее определение: «Этим понятием охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее – в которых общество воспроизводит свое движение во времени. В каждую данную эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия "практических" и "теоретических" форм социальной памяти, народных преданий, мифологических представлений и научных данных...» При разграничении понятий «историческая память» и «историческое сознание» обычно отмечают, что последнему присуще не просто оперирование определенными образами прошлого, но их объяснение, осмысление, некая рефлексия (как на научном, так и на быденном уровнях).

Пространство исследований памяти:

Социологический, историко-культурологический, политологический подходы.

Проблематика памяти занимает все более заметное место в современном социально-гуманитарном знании, складываясь, начиная с 1980–1990-х гг., в особое междисциплинарное направление в русле исторической антропологии, которое получило на Западе обобщенное наименование “*memory studies*” («исследования памяти»).

Главным предметом истории в таких исследованиях становится не само событие, произошедшее в прошлом, а отражение его в памяти индивида и социальной группы.

Единой и устойчивой исследовательской традиции у данного направления не сформировалось. При всей разносторонности проблематики «памяти» и ее терминологии можно выделить, по сути, две модели понимания связи прошлого с настоящим. Одни авторы утверждают, что настоящее определяет наше понимание прошлого, тогда как другие настаивают, что прошлое влияет на наше поведение в настоящем.

С точки зрения научных целей и методологии исследований в пространстве *memory studies* наблюдаются (как господствующие) социологический, историко-культурологический и политологический подходы.

Основоположниками теории социальной памяти принято считать французскую школу социологии середины XX века. Фундаментальный вклад в разработку проблемы внес философ, социолог и социальный психолог М. Хальбвакс, обосновавший социальную природу памяти [17, 18]. Автор ввел понятие «коллективной памяти», характеризующее частично и избирательно воссоздаваемое прошлое в рамках идентичности той или иной социальной группы и воплощаемое в местах, событиях, героях и т. п.). Другой видный французский социолог и историк П. Нора внес существенный вклад в развитие положений М. Хальбвакса о пространственно-временной фиксации коллективной памяти, разработав концепцию «мест памяти» [11]. Ими могут служить не только географические точки, но и люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, обладающие особым символическим смыслом. Именно «места памяти», согласно П. Нора, призваны сохранять память коллектива.

Феномен социальной памяти изучался начиная с 1960–1970-х гг. и отечественными социологами, и философами (Я. К. Ребане, В. А. Ре-

брин, Ю. А. Левада, Б. С. Илизаров и др.). Общим для их работ является идея о том, что в процессе деятельности коллектива или общества в целом складывается особый, внешний по отношению к памяти отдельного индивида, механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве. Эта внешняя, общественная память обладает новыми свойствами и качествами, не сводимыми к простой сумме качеств, входящих в него памяти людей и средств, используемых ими для запоминания и воспроизведения прошлого опыта.

В рамках социологического подхода разрабатываются также проблемы традиции, исторического сознания, социальной мифологии, напрямую пересекающихся с категорией памяти (например, сборник «Изобретение традиций» под ред. Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, 1983).

В области историко-культурологического подхода видное место занимают работы Ф. Йетс («Искусство памяти», 1966), Я. Ассмана («Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности», 1992), П. Хаттона («История как искусство памяти», 1993), А. Ассман («Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика», 2006).

Немецкий египтолог Я. Ассман впервые предложил понятие «*культурной памяти*» как особой символической формы передачи и актуализации культурных смыслов, выходящих за границы опыта индивидов или групп, сохраняемой традицией, формализованной и ритуализованной, выражаемой в разных мемориальных знаках (в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках) [2]. «Культурная память» противопоставляется «*коммуникативной памяти*», представляющей собой устную традицию, «живую» память. Последняя охватывает не более трех-четырех поколений, тогда как «культурная память» призвана связывать настоящее с далеким прошлым. А. Ассман уточнила, что сообщества не «обладают» памятью, а именно «создают» себе память с помощью мемориальных знаков и символов [1].

Интерес к проблематике памяти со стороны историков, что отмечают многие современные авторы, обусловлен также серьезными изменениями в самом понимании истории. Под влиянием философии постмодернизма она перестала восприниматься как линейный процесс. В связи с обращением от исследования прошлого «общества» к изучению его «памяти» о прошлом, состоялась своего рода смена исследовательских парадигм. Новая «парадигма памяти», в отличие от прежних,

допускает, как отметил германский историк Д. Динер, существование в некотором роде множества прошлых [21, с. 78–79].

Философия постмодернизма поставила под сомнение само понятие исторической реальности или, как пишет Л. П. Репина, «по меньшей мере, возможность "прорыва" к ней сквозь толщу языковых и текстовых опосредований» [15, с. 13]. Изменчивость представлений о прошлом обусловлена также постоянной сменой вопросов, которые историк задает прошлому из настоящего. Историк не свободен от предпосылок современности, и это неизбежно накладывает отпечаток на продукты его исследований. Постмодернизм отрицает возможность целостной и подлинной реконструкции истории поскольку сохранившиеся источники не отражают, а лишь интерпретируют прошлое. В этих условиях задачей историографии становится конструирование лишь той истории, которая в условиях сотрясавших человечество в XX веке глобальных потрясений поможет индивидам и социальным группам обрести собственную идентичность.

Для пояснения данной мысли приведем слова отечественного историка В. А. Шнирельмана: «В период модерна в условиях господства империализма, колониализма и расизма основное внимание уделялось образу мира, свойственному доминирующему населению. Взгляды меньшинств тогда мало кого интересовали. Мало того, государственные институты (школа, СМИ и пр.) и общественное мнение даже навязывали им свои собственные образы мира. При этом такие образы мира нередко апеллировали к научному знанию, и то, что от них отклонялось или им противоречило, считалось "ненаучным". С распадом колониальной системы, с развитием движения за права человека и нарастанием демократизации ситуация коренным образом изменилась. Теперь голос получили те, кто раньше подвергался дискриминации и кого поэтому практически не было слышно. И выяснилось, что у этих групп имелись свои представления как о прошлом, так и о современном мире. На сцене появились альтернативные версии истории, вступившие в активный и очень непростой диалог как друг с другом, так и с общепринятыми представлениями... Достаточно ознакомиться с версиями истории, создающимися представителями такого рода групп, чтобы стало ясно, что та единая Истина, о которой трубили или о которой мечтали ведущие представители эпохи модерна, не существует по определению. Вместо нее имеется много разных истин, а правильнее – версий прошлого, которые необходимо учитывать для того, чтобы лучше понимать современность во всех ее проявлениях» [20, с. 102].

Я. Ассманом были впервые очерчены границы новой дисциплины – «истории памяти». Считается, что именно наследие Я. Ассмана стало важным шагом к парадигмальному оформлению направления *memory studies*. Результатом данного процесса следует назвать первую обобщающую работу в этой области – «Теорию социальной памяти» Б. Мишталъ, изданную в 2003 г. [3, с. 19–23].

Новое понимание целей, задач и методов исторического исследования выводит на первый план категорию «культуры». Как отметила Л. П. Репина, в рамках «парадигмы памяти» мы можем наблюдать становление ни много ни мало новой исторической науки (*новой культурной истории* или *исторической культурологии*). В данных направлениях важнейшую роль приобретает изучение не самой исторической реальности, а ее описаний с помощью языковых механизмов и дискурсивных стратегий.

Признание социальной (исторической) памяти объектом проектирования и управления обуславливает все возрастающий интерес к ней с точки зрения политологического подхода. В таких исследованиях широкое распространение получили термины «историческая политика» и «политика памяти» (или «мемориальная политика»).

Термин «*политика памяти*» используется, как правило, когда речь идет о различных общественных практиках, направленных на формирование и воспроизведение идентичностей, в первую очередь – национальных и этнических (сооружение памятников и музеев, празднование значимых исторических событий, знаменательных дат, стимулирование исторических исследований по актуальным для общества вопросам, тематических публикаций исторических источников и др.). Термин «*историческая политика*» возник в ФРГ в начале 1980-х гг. (*Geschichtspolitik*) и, завоевав популярность, за последующие десятилетия наполнялся различными интерпретациями. Сегодня под «исторической политикой», как правило, понимается сознательное использование истории как инструмента в политической борьбе (как внутренней, так и внешней). При этом данные термины следует отличать от «политизации» истории, о которой говорят, когда хотят подчеркнуть влияние, оказываемое на исторические сочинения современной политической обстановкой, указывают на невозможность для историков избежать тенденциозности, отражающей их политические пристрастия, а также национальную, религиозную, социальную самоидентификацию.

Как политологический, так и социологический и историко-культурологический подходы наиболее широко применяются к изучению

памяти в контексте проблем идентичности (прежде всего национальной) [9].

Как и на Западе, в современной России активное изучение проблематики памяти осуществляется исходя из различных концепций и на основе разных методологических подходов. Формируются отечественные научные школы, направления и центры изучения исторической памяти. Например, в рамках исследований группы историков Института всеобщей истории РАН и Российского общества интеллектуальной истории сложилось такое направление, как «история исторической культуры» (Л.П. Репина). Ряд видных исследователей проблематики «история и память» группируется вокруг проектов Российского института культурологии, издательства «Новое литературное обозрение», Центра независимых социологических исследований, Центра современных культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета и других центров. Серьезный вклад в разработку проблемы внесли работы И.Е. Козновой, О.Б. Леонтьевой, Е.С. Сениявской [7, 8, 16].

Особенности исторической памяти как социального феномена

Обращаясь к проблематике представлений общества о своем прошлом, рассмотрим особенности данного феномена, применяя понятие «историческая память» в наиболее обобщенной трактовке.

В современной науке историческая память признается сложнейшим социальным феноменом и представляется не только как один из главных источников трансляции прошлого опыта в настоящее, но и как важнейшая основа самоидентификации индивида в пространстве разного рода социальных групп (этнических, политических, национальных, конфессиональных и пр.).

Историческая память общества существует в виде своего рода культурного произведения, рожденного и развивающегося под влиянием семьи, социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты (например, историческая наука и образование, средства массовой информации, художественные произведения, кино). Это – продукт настоящего и представляет собой некую систему общественных конвенций, в границах которой человек придает форму своим воспоминаниям. Образы прошлого, содержащиеся в исторической памяти, могут не только ме-

няться с течением времени и со сменой поколений, но и сильно зависят от конкретных политических, экономических и других условий развития общества, в которых формируется дискурс о прошлом. Таким образом, историческая память социально детерминирована и дифференцирована, а также постоянно обновляема.

Как и память отдельного человека, историческая память общества избирательна. В ее копилку попадает наиболее значимое для социального коллектива творчески переработанное общее прошлое. Это могут быть достижения, на основе которых выстраивается картина героического прошлого, или трагедии, накладывающие на память травматический характер. При этом важной функцией социальной памяти многими исследователями признается обоснование «законности» – легитимация существующего социального порядка, подкрепляемая образно-мифологическим историческим основанием.

Конкретное содержание исторической памяти всегда актуализировано. «Воспоминание» и «сохранение», а также «забвение» прошлого происходит «для чего-то» – как ответ на определенные условия, как реакция на вызов, брошенный социальной группе в настоящем. Например, память о победах в сражениях и войнах может служить мотивационным фактором для нации в условиях текущего международного конфликта – в ней воссоздаются мобилизационные модели поведения, находится преемственность ценностных ориентиров, воплощается уверенность в победном будущем. Напротив, цементирование поражений прошлого в исторической памяти может способствовать нарастанию общественного пессимизма вплоть до полного отказа от травмирующих воспоминаний и даже разрушения самоидентификации общности.

Историческая память может одновременно содержать различные, подчас противоречивые образы прошлого и способы повествования о нем. В каждом из них могут присутствовать одинаковые опорные моменты, персонажи и эпизоды, но наполнение их смыслом будет различаться (так называемые память и контрпамять). В таких случаях, как отметил А. Эткинд, «борьба за содержание исторической памяти подобна театру военных действий, на котором совершаются стратегические и тактические акции, выполняемые разными силами и средствами» [22, с. 46].

Данный аспект напрямую связан с ценностно-смысловой заданностью исторической памяти. С ее помощью обеспечивается трансляция через поколения необходимых обществу значений и смыслов.

«Мемориальные войны» происходят внутри социальных групп и между ними не за абстрактную «истинность» в описании прошлого, а за ценности настоящего, источники которых «воспоминающие» субъекты находят в тех или иных исторических сюжетах.

Исходя из самой сути исторической памяти общества, большую роль в ее становлении и поддержании как системы общественных конвенций играют разнообразные общественные институты. Особенно активно трансляция образов прошлого происходит сегодня через систему образования, а также средства массовой информации и массовое искусство – прежде всего, кино и телевидение. К институциональным механизмам формирования исторической памяти также следует отнести различные *коммеморативные практики* – строительство монументов и мемориальных комплексов, создание музеев, проведение специальных мемориальных ритуалов, мемориальную топонимику.

Преобладание институциональных форм воздействия на историческую память общества, обладающую важнейшими социальными функциями (идентификации и легитимации), обуславливает повышенное внимание к ним со стороны идеологии и политики. Обладатели соответствующих ресурсов осознают, что через поддержку или модификацию образов прошлого можно воздействовать на сегодняшнее самосознание общества, конструировать его идентичность. Поэтому именно идеологические и политические интересы разнообразных социальных групп, воздействуя на общество через информационные институты и коммеморативные практики, формируют основное поле общественного дискурса. В связи с этим становится важным вопрос, базируется ли историческая память на прочных исторических основах, закладываемых профессиональной историографией, или формируется на основе ложных, далеких от исторического прошлого образов. От ответа на него зависит оценка устойчивости общественного сознания, адекватная самоидентификация социального коллектива.

Перспективы исследований

Благодатной средой для развития *memory studies* на пересечении социально-гуманитарных наук сыграло наступление, по выражению П. Нора, «эры коммеморации» – небывалого ранее «подъема памяти» – повышения в обществе интереса к прошлому, проявляющегося сегодня в совершенно разных сферах общественной жизни. Мир за-

хлестывают празднования разнообразных памятных дат, организуемые на государственном уровне, в результате непрерывного создания новых музеев и мемориалов позволяет целая «индустрия наследия», возрастает интерес людей к семейной истории, упрощается и расширяется доступ «непрофессионалов» в архивы, создаются сетевые банки исторических источников, историческая литература увеличивает свою популярность, все чаще снимаются документальные и художественные фильмы о прошлом. Растущий интерес к прошлому через призму памяти связан, по мнению ряда исследователей, с кризисом европейского традиционализма и рационализма, а также кризисом идентичности в результате переломных процессов Второй мировой войны, а затем – краха СССР и социалистического лагеря.

Обращение к тематике исторической памяти в современной России представляется особенно актуальным, учитывая непосредственное прохождение российского общества в течение последнего столетия сквозь череду фундаментальных потрясений, ломающих традиционные стандарты, стереотипы и ценности. Серьезный исследовательский интерес представляют вопросы репрезентации в сознании современных россиян недавнего советского прошлого. Именно вокруг образов советской истории разворачиваются сегодня наиболее ожесточенные «мемориальные войны». Используя тенденциозные трактовки дискуссионных вопросов отечественной истории XX века, определенные политические силы стремятся навязать свое видение прошлого, деформировать историческую память народа в собственных практических целях. Период социокультурных перемен в российском обществе, когда в сознании людей циркулируют и сталкиваются различные ценностные системы, еще далек от своего завершения, поэтому возможно прогнозировать лишь дальнейшее повышение внимания к проблеме исторической памяти со стороны как теоретиков, так и практиков. Вместе с этим стоит рассчитывать на дальнейшее методологическое углубление и тематическое расширение пространства отечественных «исследований памяти».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

3. *Васильев А. Г.* Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008.
4. *Гири П.* История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005.
5. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008.
6. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
7. *Кознова И. Е.* XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
8. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011.
9. *Мегилл А.* История. Память. Идентичность // Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
10. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
11. *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999.
12. Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003.
13. Психология памяти / Под ред. Ю. Б. Гипперейтер и В. Я. Романова. М., 1998.
14. *Репина Л. П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
15. *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
16. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
17. *Хальбваск М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
18. *Хальбваск М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М., 2007.
19. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003.
20. *Шнирельман В. А.* Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. 2016. № 1.
21. *Эксле О. Г.* «История памяти» – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011.
22. *Эткинд А.* Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5.

Вопросы и задания

1. В чем различие между понятиями «коллективная», «социальная», «историческая» память? Что между ними общего?
2. Перечислите и раскройте основные категории, применяемые в исследованиях памяти общества.

3. Назовите основные подходы к изучению памяти в рамках memory studies.
4. Охарактеризуйте основные особенности исторической памяти как социального феномена.
5. В чем заключаются причины востребованности memory studies на современном этапе? Каковы перспективы развития подобных исследований?

А. А. Карасева

**НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА**

...История – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет братской.¹

Рождение новой социальной истории в 1960-х гг. явилось следствием общего методологического кризиса, охватившего историческую науку. Острый дефицит теоретических оснований привел к сближению истории и социальных наук, историизации социологии и появлению социальной истории, истории общества.

Особенность нового направления в дискурсе развития гуманитарных наук во второй половине XX века заключалась в ее максимальной открытости инструментарию иных смежных областей знания. Осознание внутреннего кризиса подтолкнуло историков к применению статистических методов в исследованиях, клиометрике. Массовое использование точных статистических подсчетов в различных предметных полях истории стало особенностью историографической ситуации в 1960–1970-е гг. Разочарованность в клиометрике, которая не могла справиться с ролью тотальной объяснительной модели, привела к тому, что практически параллельно с ее освоением историки начинают заимствовать теоретические схемы социологии в изучении общественных структур минувших эпох.

Методологические основы нового направления в исторической науке были весьма эклектичны. Сближение в основном сводилось к заимствованию историей эмпирического инструментария социологии.

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1979. С. 79.

Предметное поле социальной истории на разных этапах своего развития включало действия социальных групп, социальные практики, традиции, верования, представления, мифы, стереотипы. Неосознаваемые обществом представления раскодировались с помощью этнографии и антропологии. Активное взаимодействие с другими общественными науками привело к расширению классификации истории и появлению целого ряда субдисциплин: исторической географии, исторической психологии, истории семьи, истории детства и пр.

Ключевыми категориями социальной истории являлись опыт и переживание, концептуализирующие связь субъективного с объективным – природными, социальными, политическими, культурными условиями возникновения индивидуального и коллективного.

Наряду с общим теоретическим кризисом во второй половине XX – начале XXI в. историческая наука испытала и целый ряд методологических поворотов: «социологический», «антропологический», «лингвистический», «когнитивный», «интерпретативный», «постмодернистский», «аффективный». Каждый из них влиял на выбор круга исследуемых проблем, инструментария и корпуса источников, определял место исследователя в процессе изучения прошлого и способы трансляции полученных знаний.

Наряду с социологическим, на основания и принципы исследования серьезно повлиял антропологический поворот. Как отмечает Л. П. Репина, «история стала рассматриваться как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство» [6, с. 44].

Логично выстроенная глобальная картина мира, сотканная из взаимообусловленных связей, сменилась особенностями субъективного восприятия. Историческое сообщество от изучения проблематики социально-политических процессов и экономических законов обратилось к человеку как главному герою мировой истории. Подобное «бегство» стало возможным благодаря торжеству идей экзистенциальной философии, феноменологии Альфреда Шюца. Остановившись на человеке в обществе как базовом предмете исследования, история была призвана синтезировать имеющийся корпус знаний о нем других социальных наук.

Задачей исторического исследования стало выявление стереотипов человеческого поведения в культурно-исторической среде, в которой субъектность действующего лица тесно переплетается с объективными

сферами ее проявления – природой, обществом, политикой и пр. В этой связи менялась и теоретическая платформа исследования, базировавшаяся на формирующем характере среды по отношению к человеку, его «окультурированию». Задачей исследователя стало показать, как субъективные представления признаются обществом, одновременно воздействующим на своих членов посредством сформированной культурной практики.

Наилучшей познавательной стратегией становится изучение скрытых смыслов, клише сознания и деятельности. Отказ от метанарративов¹ обратил профессиональное сообщество к работе с документами личного характера, микроисторическому инструментарию.

Сужение поля исследовательского наблюдения в рамках микроисторического подхода позволило историкам обратиться к незначительным событиям или среднесрочным процессам, которые, собираясь в цепочку, выступили в качестве истоков значительного исторического факта. В исследованиях появились не только интерпретации фактов, но и исторические расследования их истоков, расчеты возможных альтернатив. Неслучайно из-за особого внимания к детализации микроисторический подход именуют неопозитивизмом. Стороннику этого подхода не свойственно любование одним событием-казусом, задача исследования сводится к масштабному сопоставлению всех схожих событий, которые нанизываются друг на друга, образуя общий тренд развития.

Микроаналитические принципы не заслоняют собой макроконтекст, напротив, он формируется за счет их сетевого пересечения. Редукция значительных периодов истории до их мельчайших составляющих была необходима исторической науке для поиска адекватных методов исследования. Последующая генерализация имеющихся разработок позволила историкам выйти на уровень релевантных теоретических обобщений, увеличить исследовательскую оптику до глобального контекста².

Три последующих методологических поворота – лингвистический, когнитивный и интерпретационный – основательно реформировали исследовательскую практику работы с источником, обогатив ее герменевтическими принципами (текст как послание читателю).

¹ Метанарратив – совокупность общих понятий, символов, знаков; особый тип дискурса, претендующий на роль глобальной объяснительной модели.

² Однако необходимо отметить, что большинство современных исследований, заявленных как микроисторические, скорее могут быть отнесены к case studies, предметное поле которых формируют отдельные случаи, казусы.

Отказавшись от метода «вылавливания из источника фактов», проверяя их достоверность и объективность, историк стал перед необходимостью интерпретировать данные источника. Меняются местами составляющие традиционной связки «автор – нарратив» и «автор – высказывание»: признается, что речь, устная и письменная, определяет мышление и поведение человека. На основе анализа лингвистических структур текста исследователь может судить о способах презентации убеждений, представлений, норм и практик изучаемого общества. Все более сближаясь друг с другом, история и лингвистика взаимно обогащают друг друга возможностями считывания и интерпретации текста.

Признается, что историк подходит к информации источника с точки зрения своего сознания, полученного образования и имеющегося в настоящее время инструментария, соотнося ее с собственными представлениями, имеющейся в его сознании картиной изучаемой эпохи.

Работа с источником в рамках современной социокультурной истории базируется на раскодировании его текста, соотнесении с однотипными нарративами, выяснении «памяти источника», что подразумевает создание детальной картины условий подготовки документа, его переосмысление в современном исследователю социокультурном контексте. Новая парадигма диктует изменение отношения и к истории исторической науки, которая из изучения череды смен исторического мышления превращается в рефлексию межкультурного интеллектуального диалога, не ограниченного временем и пространством, сферой научного знания [6, с. 274].

Историографическую ситуацию на заре третьего тысячелетия характеризует вмешательство постмодернистского поворота, в результате которого начались серьезные сдвиги в области исторической эпистемологии, отход от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микроистории, структур и событий, рационального и иррационального, стремительное расширение предметного поля исторического исследования.

На волне глобализации вновь вырос интерес к исторической макроперспективе, произошел отказ от европоцентризма, что привело к возникновению новой глобальной истории, базирующейся не на выявлении сходств и различий, а на восстановлении наиболее полной картины всеобщего развития. Насыщение исторического дискурса социологическим инструментарием привело к тому, что в на-

стоящее время историю все чаще квалифицируют не как гуманитарную, а как социальную науку, которая в отличие от первой применяет в познании эмпирические и формализующие, а не интерпретационные методы [2; 7].

Так называемый аттрактивный поворот (2000-е гг.) поставил перед историографией проблему считывания бессознательного в исторических текстах, исходя из погружения в культурный контекст эпохи и психику автора нарратива. Задача исследователя таким образом сводится к переводу бессознательного в сознательное [10, р. 147]. Со страниц нарратива должен сойти образ настоящего человека, рациональное в котором соединяется, а иногда подчиняется иррациональному, психоэмоциональному. Бессознательное в тексте источника личного происхождения необходимо искать в глубинном контексте (сомнениях автора, недомолвках, намеках), раскодировать который возможно только за счет «узнавания» его автора. Анализ источника строится на выявлении эмоционально окрашенных слов, передающих чувства автора. Методику подобного анализа разработал Редди, предложивший выделить в качестве одного из типов высказывания эмотивы, с помощью которых в тексте регулируются и презентуются эмоции.

Предметные поля субдисциплин новой социальной истории настолько размыты, что дифференциация их представляет большую сложность. На смену академической фрагментарности, таким образом, приходит единое междисциплинарное исследовательское пространство. Среди наиболее перспективных исследовательских направлений сегодня называют *memory studies*¹, новую локальную историю, новую глобальную историю, биографическую историю, интеллектуальную историю и гендерную историю.

Новая локальная история возникла за счет обогащения инструментария локальной истории микросоциологическими практиками. Новые тенденции сказались на попытках воссоздать локальную общность как развивающийся социальный организм. Внутри направления сформировались два исследовательских подхода: приверженцы первого реконструируют детальную картину самой общности, второго – жизни внутри нее [6, с. 165–166]. Исследования, выполненные в рамках данного направления, выявили многообразие опыта демографического, социального, экономического, политического развития на локальных

¹ Аналитическая статья Н. Н. Глухарева о состоянии и перспективах данного научного направления помещена в настоящем сборнике. *Примеч. ред.*

уровнях, богатство местных повседневных практик, механизмы взаимодействия локальных общностей. Возможность обобщения полученных на локальном уровне данных обеспечивается методологией сетевого взаимодействия, заимствованной из микросоциологии. Так, в основу метода, разработанного Ч. Фитьян-Адамсом, положен принцип социальной общности, предполагающей поступательное рассмотрение разных ступеней социального взаимодействия: ядро общины – сама община – поселение – графство. В рамках новой локальной истории в мировой историографии развивается два перспективных направления – городская история (*urban history*) и история сельской местности (*rural history*). В целом же новая локальная история позволяет рассмотреть на конкретных примерах социально-культурный портрет любой общности – от семьи и до государства, избегая усредненности и типичности в оценках.

Новая волна интереса к макроистории в условиях после антропологического поворота 1960-х гг. и господства микроисторической перспективы стала возможной благодаря широкому распространению глобализма и антиколониальной критики. Первые работы, подготовленные в рамках *новой глобальной истории*, были посвящены «странам-аутсайдерам» в пике европоцентристскому и проамериканскому дискурсу. Отвергая идею прогресса как базовую в теории модернизации, сторонники этого направления настаивают на интеграции в глобальную историю исторического опыта так называемых стран третьего мира. Новая глобальная история признает возможность объединения локальных примеров при сохранении уникальности регионального культурно-исторического опыта. Методологическими основаниями направления стали исследовательские принципы Фернана Броделя: описание длительных и пространственных по охвату событий; включение локальных примеров в макроисторический, демографический, климатический, геологический и иные контексты; понимание всеобщей истории как «социальной целостности человечества» [9].

Институционализация новой глобальной истории в мировой историографии пришлось на 1990-е гг. К настоящему времени оформилось предметное поле новой глобальной истории – это развитие долговременных культурно-хозяйственных связей народов мира (миграция, освоение территорий, культурные влияния, торговые пути и пр.). Глобальный контекст нового направления определялся и в ходе изучения мировых («глобальных») проблем, таких как развитие спутниковой

связи и сети Интернет, противостояние террористической угрозе, космические исследования, мультикультурализм.

В рамках *новой биографической истории* на смену биографиям выдающихся личностей пришли очерки жизни незначительных, но социально-типичных исторических персонажей, «биографии души» героя. Не забывая о «публичной», «внешней» биографии героя, авторы все чаще обращаются к изучению его приватной, интимной истории. Новая биографическая история, таким образом, преследует цель раскрытия индивидуального опыта в социокультурном контексте, отвечая на вопрос, как в культурных, национальных, экономических и прочих условиях формирования личности последняя смогла реализовать свой личный выбор. К настоящему времени в рамках направления оформилось два типа жизнеописаний: социальная биография, в которой через историю личности воссоздаются характерные черты конкретной социокультурной общности, и экзистенциальная биография, акцентирующая внимание на самоценности человеческой личности и ее особого духовного опыта.

Интеллектуальная история тесно связана с предшествующим направлением, так как исследования выстраиваются в рамках биографического контекста, так как невозможно представить интеллектуальное наследие мыслителя без учета условий, в которых оно формировалось. Большое внимание исследователями уделяется не только рождению, но также и бытованию идей, исследовательской повседневности ученого, его творческой лаборатории. Дискурс интеллектуальной истории, как и новой биографической, включает изучение биографий ученых второго и третьего плана. Подобные исследования не только позволяют «оттенить» фигуры наиболее выдающихся мыслителей своего времени, но и проследить влияние социокультурных условий на ученую среду, выявить не только гениальные, но и «массовые» идеи, разделяемые большинством образованного общества. Новая интеллектуальная история останавливает внимание на самом историческом тексте и способах его презентации, что является следствием лингвистического поворота. Отдельным предметом изучения становятся так называемые безлюдные идеи – идеи свободы, равенства, демократии и пр. в их национальной или транснациональной, религиозной, временной характеристиках.

История идей, несомненным патриархом которой является Артур Лавджой, в отличие от интеллектуальной истории, обращается к самой идее, написанию ее «биографии». Исследователя интересует

циркуляция идеи, ее влияние на развитие науки вне пространственно-временных границ и даже – на массовый кругозор. Эволюция данного направления, таким образом, выразилась в переходе от изучения идей, концепций, систем, аккумулированных в интеллектуальных нарративах, к написанию социальной истории идей, в которой исследовательское поле включает не только рождение идеи и ее содержание, но и саму работу по ее созданию, исходя из наличествующих условий, и дальнейший жизненный путь этой идеи.

Включение в публичный дискурс женщины и специфических женских практик явилось следствием настоятельных требований феминистских движений 1960–1970-х гг. Первоначально женские темы стали включаться в курсы социологии, культурологии, истории лишь как дополнительные при изучении общего страноведческого, временного, социокультурного контекстов. Зарождению *женской истории* как научного направления препятствовала узость имеющейся источниковой базы – собственно женских текстов, которые позволили бы представить повседневные практики, умонастроения, взгляды женской части социума разных эпох. Мемориальные источники, в большинстве своем подготовленные мужчинами, уделяли женской теме крайне мало места. Женская мемуаристика получила распространение сравнительно позже, что резко сужало возможности анализа более ранних периодов истории. В связи с этим, а также довольно долгой адаптацией академической науки к необходимости серьезного отношения к нарождающемуся научному направлению, институционализация *women's history* пришлось только на 1980-е гг. Вслед за женской историей в качестве вызова большой науке стали появляться «истории» и других социально-маргинальных групп – сексуальных меньшинств, инвалидов, бездомных, преступных сообществ и др.

Гендерная история утвердилась в западной исторической науке на рубеже 1970–1980-х гг., она развила исследовательскую программу своей предшественницы до изучения механизмов формирования половой идентичности и иерархии полов во временном и социокультурном срезах. При всем богатстве семантических смыслов, вкладываемых в понятие «гендер», общеупотребительным является его понимание как социального пола. Через гендер описывается противоборство мужского и женского начал в установлении властной иерархии, раскрываются культурные символы эпохи, нормативные категории, гендерная идентичность. В гендерном анализе проблема власти имеет ключевое значение. Наряду с властью мужчин в гендерной истории

изучается и *women`s power*: женские «сети влияния» в публичной и приватной сферах – устройство браков, выдвижение мужчин по карьерной лестнице, циркуляция слухов, передача традиций и культурных стереотипов, ведение домашнего хозяйства, участие в массовых выступлениях и пр.

Сосуществование в публичном дискурсе гендерной истории, женской истории и феминистской истории приводит к многочисленным терминологическим дискуссиям и смешению предметных полей. Даже автор термина «гендер» Смит пришла к выводу о сомнительной «полезности» его в исследовательских практиках. Придуманый для того, чтобы внести новое течение в поле женских исследований, он не смог детерминировать четкую грань полового и так называемого гендерного различия. Многим исследователям гендер виделся как явление американской научной традиции, узкой национальной терминологической практики. Возникли проблемы и с русификацией этого термина в отечественной историографии. «Категория, призванная подчеркнуть социальные аспекты пола, вновь оказывается заурядной проекцией исходного биологического деления» [8].

Новая социальная история является сегодня одним из ключевых методологических направлений исторической науки. Выход из теоретического кризиса середины XX столетия был найден в развитии междисциплинарного диалога, существенно обогатившего инструментарий исследователя. Несомненным достижением социализации исторической науки стало появление человека на арене мировой истории с его повседневными практиками и непознанным душевным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ионов И. Н. Проблемы современной макроистории. Статья 1. Шаг вперед, два шага назад? // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 34–59.
2. Пивоев В. М. Является ли история гуманитарной наукой? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 116–120.
3. Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2003.
4. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
5. Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. Т. 3. С. 51–64.

6. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XIX–XX вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
7. *Савельева И. М.* Стала ли история социальной наукой? Энергичные объятия сциентизма // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 9–33.
8. *Ушакин С.* «Человек рода он»: знаки отсутствия // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3–4. С. 145–163 [Электронный ресурс] / URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs34ushakin.htm> (Дата обращения: 12.02.2017 г.).
9. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. Ю. Н. Афанасьева. 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006.
10. *Stark L.* Out of their depths: “moral kinds” and the interpretation of evidence in foucault’s modern episteme // History and Theory. Theme Issue 54 (December 2016). P. 131–147.

Вопросы и задания

1. Какие этапы возможно выделить в развитии социально-исторических практик в современном историческом знании?
2. Опишите современные принципы работы с историческим нарративом.
3. В чем специфика явления субдисциплинарности?
4. Какие перспективы развития современной исторической науки вы видите?

РАЗДЕЛ 5

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. Артамонов, В. В. Маландин

РАЗВИТИЕ АСПИРАНТУРЫ КАК ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Введение нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ в 2012 г. привнесло ряд существенных инноваций в структуру российской системы образования. И едва ли не самые существенные из них связаны с кардинальными изменениями в системе подготовки кадров высшей квалификации. В соответствии с ч. 4. п. 5. ст. 10 Закона «Об образовании в Российской Федерации» аспирантура стала третьим уровнем профессионального образования [4]. Для отечественной системы подготовки научно-педагогических кадров это принципиально новая ситуация. Ранее аспирантура, являясь одним из видов послевузовского образования, имела исключительную направленность на подготовку диссертационного исследования, по итогам защиты которого присваивалась ученая степень кандидата наук. В новых условиях проблема формирования современных образовательных программ аспирантуры объективно требует решения задачи поиска оптимальной модели синтеза образовательной и научной составляющей деятельности аспиранта в целях обеспечения качества реализации основных образовательных программ (ООП). Ее рамочные границы для направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» определены в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования, утвержденном приказом Министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 г. № 904 в редакции от 30 апреля 2015 г. [2]. Поскольку стандарт носит именно рамочный характер и, по сути, представляет собой систему требований к результатам, структуре и условиям реализации ООП аспирантуры, его конкретное содержательное и методическое наполнение целиком возлагается на организации, реализующие соответствующие программы.

Как известно, исторически в России фундаментальные исследования осуществлялись как на базе учреждений Академии наук, так и в системе высшей школы. Сформированные в их структуре научные

школы долгие годы являлись основой для формирования вузовской и академической систем подготовки научно-педагогических кадров. В этой связи необходимо отметить, что академические учреждения и вузы располагают достаточным опытом, возможностями, кадровыми и материальными ресурсами для обеспечения высокого качества подготовки кадров высшей квалификации.

Несмотря на формулирование в стандартах требований к результатам освоения основной образовательной программы аспирантуры в форме универсальных (не зависящих от конкретного направления подготовки), общепрофессиональных (определяемых направлением подготовки) и профессиональных (определяемых направленностью соответствующей научной специальности) компетенций, основным требованием ФГОС остается необходимость получения аспирантами конкретного научного результата. Его весомость определяется в соответствии с пунктом 16 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Основные требования включают достоверность, новизну и практическую значимость проведенного исследования [1]. Особое место научной деятельности аспирантов отведено и в структуре ООП, согласно которой на освоение блока «Практика» и блока «Научные исследования» выделено 141 зачетных единиц (з. е.) из 180, то есть около 80 %. Логичным развитием данного подхода стало уточнение нормативной базы через внесение изменений в апреле 2015 г. в раздел 6.5 действующего ФГОС, согласно которым в блок «Научные исследования» входят научно-исследовательская деятельность и подготовка научно-квалификационной работы (диссертации) на соискание ученой степени кандидата наук, а в разделе «Государственная итоговая аттестация» вместо выпускной квалификационной работы появилась новая форма – «Научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)».

Схожие взгляды сегодня доминируют и в странах Западной Европы. Векторы развития европейских национальных образовательных систем, заданные «болонскими соглашениями», внедрение компетентностной парадигмы оценивания результатов обучения, а также постановка задачи перехода к «экономике знаний» поставили в повестку дня ведущих университетов Старого Света вопросы о поисках новых форм реализации программ подготовки аспирантов. С этой целью под эгидой Европейской ассоциации университетов (ЕАУ), в течение трех лет

на базе крупнейших вузов мира (Университет Гонконга, Стелленбосский университет, Имперский колледж Лондона, Бергенский университет, Университет Камерино) реализовывался проект под названием «Структура интернационализации аспирантуры» [5]. В ходе подведения итогов реализации проекта на конференции ЕАУ, прошедшей в Лондоне 24–25 сентября 2015 г. обсуждались различные стратегии достижения современного качества образования в аспирантуре на основе реализации «межвузовских программ обучения», а также «совместных исследовательских программ» как успешных моделей интернационализации. Однако в целом на конференции был сделан вывод, что, несмотря ни на какие изменения в мировой образовательной системе, ЕАУ продолжает рассматривать аспирантуру, в первую очередь, как систему организации научных исследований, повышающую научную мобильность аспирантов и их научных руководителей [6].

В этих условиях закономерно, что поддержка компетентностной парадигмы ФГОС аспирантуры только частично осуществляется за счет блока, включающего учебные дисциплины (модули). Его трудоемкость по отношению к блокам «Практика» и «Научные исследования» сравнительно невелика и составляет всего 30 з.е. При реализации этого блока необходимым условием является подготовка аспиранта к сдаче кандидатских экзаменов. Базовая часть блока представляется двумя дисциплинами: «История и философия науки» и «Иностранный язык», а вариативная – модулем, содержание которого может определяться спецификой научной специальности. Для направления 46.06.01 по направленности «Отечественная история» это может быть модуль «Отечественная история», по направленности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» – модуль «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» и т.д. Наличие обязательной практики для аспирантов, проходящих обучение на базе академических институтов, детерминирована только сдвоенной классификацией: «Исследователь. Преподаватель-исследователь», вытекающей из п. 4.3 ФГОС, в котором к основным видам профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу аспирантуры, отнесены: научно-исследовательская деятельность в области, определяемой в соответствии с направлением (в данном случае в области истории и смежных социально-гуманитарных наук), и преподавательская деятельность в соответствующей области (в данном случае – исторических наук). Вполне возможно, что выявленные противоречия реализации ООП аспирантуры в дальнейшем

приведут к необходимости предоставления права выбора квалификации: «Исследователь» или «Преподаватель-исследователь». При формулировании требований к соответствующей квалификации можно будет ориентироваться на трудовые функции, трудовые действия и необходимые умения и знания, определенные в профессиональных стандартах [3].

Учитывая высокий удельный вес блока «Научные исследования» в общей трудоемкости ООП аспирантуры (около 80%), аспиранты должны осуществлять научно-исследовательскую деятельность на протяжении всех семестров обучения. Это требование вытекает и из логики подготовки самостоятельного оригинального исследования, которая включает в себя несколько этапов:

- обоснование темы исследования и формирование плана работы над ней;
- сбор исследовательского материала по теме;
- анализ полученных результатов по теме;
- оформление результатов по теме исследования в соответствии с требованиями к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Обучение в аспирантуре завершается итоговой государственной аттестацией. Помимо государственного экзамена, важнейшей составляющей этой процедуры, согласно изменениям, внесенным в стандарт в апреле 2015 г., является научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации). В перспективе, при условии разделения квалификации на «Исследователь» и «Преподаватель-исследователь», возможно проведение государственного экзамена в форме научного доклада. Таким образом, именно через оценку итогов научно-исследовательской деятельности аспиранта в виде подготовленного текста диссертационного исследования и его публичной презентации проверяется уровень овладения им всеми компетенциями, формируемыми по результатам всего срока обучения и его готовность к дальнейшей научно-исследовательской деятельности в профессиональной сфере на качественно новом уровне.

Источники и литература

1. Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 г. № 904 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стан-

дарт высшего образования по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» (зарегистрирован Минюстом России 20 августа 2014 г., регистрационный № 33720 в редакции от 30 апреля 2015 г.).

3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12 апреля 2013 г. № 148 н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов».
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
5. FRINDOC Launch Event (Framework for the Internationalisation of Doctoral Education) // URL: http://eua.be/Libraries/cde-website/frindoc_launch-report_final.pdf?sfvrsn=0 (Дата обращения: 13.07.2017 г.).
6. FRINDOC Launch Event (Framework for the Internationalisation of Doctoral Education) Imperial College London 24–25 September 2015 Conference report // URL: http://eua.be/Libraries/cde-website/frindoc_launch-report_final.pdf?sfvrsn=0 (Дата обращения: 13.07.2017 г.).

Вопросы и задания

1. В чем заключаются принципиальные изменения программы подготовки аспирантов в связи с принятием нового Положения о присуждении ученых степеней?

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Учебное пособие

Выпуск 2

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Код и направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)

Профили «История и Обществознание», «История и Право»,
«История и Иностранный язык (английский)»

Квалификация (степень) выпускника: «Бакалавр»

Редактор *Алексеева А. А.*

Оформление обложки *Удовенко В. Г.*

Компьютерная верстка *Дорожкина О. Н., Ковтун М. А.*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446.

Тел.: (499) 730-38-61

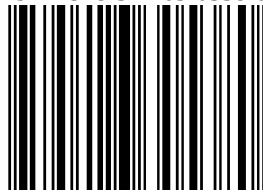
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 25.08.2017. Формат 60х90/16.

Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 10,75 п. л.

Тираж 500 экз. Заказ № 712.

ISBN 978-5-4263-0538-0

9 785426 305380